

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОНЬИМ
ISSN 0134 - 241X URAL STALKER 10'1993

М. СЕМЕНОВА
С викингами
на
Свальбард

А. ИВАНОВ
Корабли
и
Галактика

Н. МЕЗЕНИН
Последние
Демидовы

Юрий КУРЕПИН

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Манифестом от 13 февраля 1807 года царь Александр I утвердил "знак отличия военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия" для награждения нижних воинских чинов сухопутных войск и флота, отличившихся храбростью против неприятеля.

Крест изготавливался из серебра. В середине знака был изображен святой Георгий на коне, убивающий дракона копьем. Знак имел сначала одну степень, а с 19 марта 1856 года разделен на четыре степени: 1 и 2 — золотые кресты, 3 и 4 — серебряные. 1 и 3 степени имели на георгиевской ленте бант. Награждение производилось последовательно, начиная с четвертой степени.

10 августа 1913 года был утвержден новый статут ордена Святого Георгия, и нижние чины, награжденные знаком отличия, стали именоваться Георгиевскими кавалерами наравне с офицерами. Это законодательство закрепило тот давний почет и уважение, которым заслуженно пользовались в народе кавалеры солдатского Георгиевского креста.

Полных Георгиевских кавалеров, то есть имеющих все четыре степени, было до 1913 года около двух тысяч, а к концу 1917 года — более 42 тысяч солдат и унтер-офицеров. Известно несколько случаев нарушения статута Георгиевского креста. Прапорщики

А. Н. Волков, П. Е. Леонов, унтер-офицеры Г. З. Кулецов, А. И. Чиченоко, Усенко были награждены пятью Георгиевскими крестами.

Несмотря на внешнюю скромность, крест был мечтой каждого солдата, бесценной реликвией, венчавшей его ратные подвиги, его заслуги перед Отечеством и народом.

Наибольшее число кавалеров "Георгия" были отмечены наградами в годы первой мировой войны. На фронтах германской войны сражались миллионы российских солдат, оставив истории бесчисленные примеры храбрости и воинской доблести.

Хочу рассказать о полных Георгиевских кавалерах 190-го очаковского пехотного полка. Перед вами чудом уцелевшие фотографии из Военно-исторического архива. На простых и ясных лицах застыло напряженное выражение молодечества и неустранимости. Отвага, закрепленная "полным бантом" георгиевских крестов, сделала этих людей личностями заметными, особенно в среде военной, ибо тысячеустая молва разносила такую славу куда лучше газет.

Вот фотография Долматова Владимира Ивановича.

Он ушел в поход на немцев в 1914 году, ушел молодым, необстрелянным юношей, и через два года стал ветераном, закаленным солдатом, опытным командиром. На его сухой ладной фигуре браво сидит новенький мундир. На плечах отликает золотом эполет с двумя небольшими белыми звездочками — подпоручик, значит. На темно-зеленом сукне мундира блистает награда: крупный "Станислав" 3-й степени "с мечами и бантом" четыре солдатских креста и медаль "За храбрость". Долматов — первый кавалер четырех "Георгиев" в полку и один из первых в эту войну. Свои награды он получил менее чем за месяц.

Первый крест 4-й степени подпрапорщик Долматов заслужил за бой 14 октября 1914 года близ деревни Стрельбицы, "где во время ожесточенной атаки противника, выказал необыкновенное мужество и храбрость" — говорилось в приказе по корпусу. Уже 21 октября он снова отличился в разведке, где добыл ценные сведения, и последовала очередная награда: крест 3-й степени с бантом. Георгиевский крест 2-й степени Долматов получил за уничтожение вражеского поста в лихой вылазке 23 октября. И наконец золотой "Георгий" I степени был ему вручен после боев 9-12 ноября того же года, где, будучи старшим команды разведчиков уничтожил два немецких караула, после чего был произведен в офицеры, а в феврале 1916 года — в подпоручики.

Вот еще фотокарточка. Сбитая набекрень фуражка, блеклые погоны с широким просветом позумента и полная грудь крестов и медалей. Это подпрапорщик Мезенов Григорий Иванович, крестьянин Екатеринбургского уезда. Не раз и не два водил людей в атаку унтер-офицер Мезенов, под огонь пулеметов, под разрывы шрапнели. 8 декабря 1914 года в штыковой атаке он добыл свой первый Георгиевский крест. Во время боя 23 апреля 1915 года Мезенов был окружен конными неприятельскими разведчиками, но выбрался из засады и присоединился к своей части, за что был удостоен 2-й степени креста. 14 июня того же года, находясь в дозоре, самоотверженно бросился на австрийский пост и уничтожил его. Наградой стал Георгиевский крест I степени с бантом. В следующих боях двадцатипятилетний подпрапорщик удостоился еще и четырех Георгиевских медалей.

...Смотрит с фотоснимка суровый черноусый солдат, одной рукой опершись на бедро, другой — держа шашку. Фельдфебель роты Погорельский Иван Васильевич, мещанин города Верхнеуральска. Кавалер 4-х Георгиевских крестов и 4-х степеней медали "За храбрость" — за доставку срочного донесения в штаб и за успешную разведку. Погорельскому пожалованы два Георгиевских креста. Следующую степень креста ему вручил сам Государь император — за бой на Дуклинском перевале в апреле 1915 года. 1 июня Погорельский был послан в соседний 192-й полк с пакетом; ни одного офицера не осталось в полку, и он по собственному почину принял командование и в продолжение трех суток отбивал ожесточенные атаки австрийцев, в итоге награжден "Георгием" I степени.

В моей коллекции — более тысячи таких героев, полных Георгиевских кавалеров.

УЧРЕДИТЕЛИ —
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ.
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Ольга НАГИБИНА,
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА,
Виктор КУЛАКОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, Г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП «Уральский рабочий»

Reg. № 441 от 13.12.90.

Подписано к печати 23.03.94.

Формат бумаги 84×108/16.

Бумага оберточная.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 8,96.

Уч.-изд. л. 13,2.

Усл. кр.-отт. 7,8.

Тираж 57 000 экз.

Заказ № 555

Все претензии по ошибкам в тексте предъ-
являть редакции журнала «Уральский
следопыт»

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1 и 4 стр. обложки слайды
В. ДОНЕЦКОГО

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1993 г.

У Р А Л Ь С К И Й СЛЕДОПЫТ U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ:

10/1993

Георгиевские кавалеры

Юрий КУРЕПИН 1

Краеведческая копилка 3

Кандалы Петра III

Владимир ЖЕРНОВНИКОВ 7

Последние Демидовы

Николай МЕЗЕНИН 10

Дубовые дощечки

Юрий ШИНКАРЕНКО 13

С викингами на Свальбард

Мария СЕМЕНОВА 17

Журнал в журнале "Аэлита"

Корабли и Галактика. Повесть. Продолжение

Алексей ИВАНОВ 29 (199)

Заочный КПФ 27

Сквозь перекрестный огонь. Повесть. Окончание

Луи Л'АМУР 75

Ты песня моя... Стихи

Алексей РЕШЕТОВ 75

Бейвель — городской голова

Владимир БОРИСОВ 76

Я просто живу...

Николай ОЖИГАНОВ 78

Мир на ладони

79

Конфетное дерево

Александр СЕМЕНИН 80

Александр ЛЕЙФЕР Достоевский и те, кто рядом

Исчезнувшие документы

Как это ни странно на первый взгляд, но в фондах Омского государственного архива пока не найдено ни одного документа, в котором бы упоминалось имя Федора Михайловича Достоевского. А между тем точно известно, что такие бумаги были.

Еще в 1898 году некто К. Николаевский поместил в популярном журнале "Исторический вестник" сообщение "Товарищи Ф. М. Достоевского на каторге".

"Во время моей последней поездки в степные области, — писал он, — я имел возможность видеть в г. Омске любопытный документ, касающийся пребывания Ф. М. Достоевского и шести других политических преступников в бывшей Омской каторжной тюрьме в 1850 году. Документ этот официального происхождения, озаглавлен: "Статейный список о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости

в каторжной работе 2-го разряда. Июня 19-го дня 1850 года".

И далее К. Николаевский полностью приводит текст "Статейного списка". В нем сведения о семерых узниках. Первые четверо — польские повстанцы: "Александр Мирецкий, Иосиф Жаховский, Иосиф Богуставский и Шимон Токаржевский. Последний известен как автор весьма пристрастных воспоминаний о пребывании Достоевского на каторге, частично переведенных на русский язык. Пятый — товарищ Достоевского по кружку Петрашевского поэт Сергей Дуров. Шестой — бывший дворянин Аристов, авантюрист, осужденный за политическую клевету и мошенничество. Все они упоминаются в "Записках из Мертвого дома".

А вот о самом Достоевском.

"Наружные приметы и недостатки: лицо чистое, белое, глаза серые, нос обыкновенный, волосы светло-русые, на лбу над левой бровью небольшой рубец.

Какого телосложения: "Крепкого".

"Какое знают мастерство и умеют ли грамоте: Чернорабочий, грамоте знает.

Ранжирная мерка: 2 аршина 6 вершков."

Любопытно, что, К. Николаевский уже оставил нам описание самой каторжной тюрьмы — едва ли не единственное, кроме того, что известно по "Запискам из мертвого дома".

"В настоящее время, — сказано в "Историческом вестнике", — Омской каторжной крепости уже не существует, но само здание острога еще цело. Это три деревянных корпуса, длинных и низких, в которых живут теперь военные музыканты и солдаты местного гарнизона... Ограды или высоких палей (забор из врытых в землю бревен — А. Л.) о которых рассказывает Достоевский уже нет... и только желтая краска, в которую окрашены все здания, казенная и скучная, веет грустью. На валу, полусасыпанном, растет высокий бурьян, который покрыл собой все когда-то протоптанные дорожки".

Где сейчас находится "Статейный список" — неизвестно. А ведь он мог бы украсить экспозицию любого музея.

Неведомо, где и другой документ, тоже касающийся сибирского периода

жизни писателя. Он был опубликован более 60 лет тому назад 14 апреля 1926 года. Омская газета "Рабочий путь" напечатала тогда заметку, которая до сих пор вызывает ряд вопросов.

Называлась она — "Архивная находка о Достоевском. Из материалов Омского архбюро". Ее автор — П. Орлов — сообщал читателям газеты:

"На днях при разборке старых дел архива бывшего главного управления Западной Сибири, пишущему эти строки посчастливилось обнаружить один документ, имеющий прямое отношение к вопросу о ссылке Достоевского в Омске".

Речь шла о секретном предписании губернского управления омскому коменданту. Оно содержало инструкцию о водворении Достоевского и Дурова на каторжные работы.

"Государю императору, — сказано в этой бумаге, — благоугодно, чтобы помянутые преступники по распределению их распоряжением Приказа о ссыльных по назначению (Приказ о ссыльных — учреждение, находившееся в Тобольске — А. Л.) в полном смысле слова были арестантами, соответственно приговору: облегчение их участи в дальнейшем времени должно зависеть от их поведения монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства, для неослабного и строгого надзора должны быть назначены надежные чиновники".

Где этот документ и кто такой П. Орлов?

Загадочным представляется отсутствие среди документов Омского военного госпиталя, в арестантской палате которого не раз лечился Достоевский, его "Скорбного листа", т. е., выражаясь современной терминологией, — истории болезни. По словам начальника госпиталя — покойного М. М. Гиленко, — эти "Скорбные листы" были кем-то изъяты из подшивки документов — остались явные следы изъятия. Кто, когда и с какой целью сделал это? Найдись бумаги, они стали бы большим подспорьем для исследователей биографии писателя, т. к. споры по поводу его болезни и ее влияния на творчество, до сих пор не утихают.

Дочь декабриста

На портрете — шестилетняя девочка. Автор акварели — художник-декабрист Николай Бестужев — изобразил ее в сережках и "парадной" прическе, которую зафиксировал модный гребень. Никак не подумаешь, что этот портрет сделан за многие тысячи верст от столицы — в далеком каторжном Петровском заводе.

Девочка — дочь декабриста Ивана Александровича Анненкова (1802—1878), члена Южного общества декабристов. Широко известна романтическая история его женитьбы на французской подданной — служащей модного московского магазина Полине Гебль. Вначале гордая девушка, не имеющая состояния, отказала одному из самых богатых женихов России, считая, что такое замужество будет расценено как расчетливая партия. Но когда после событий 14 декабря Анненков был осужден на двадцатилетнюю каторгу, его возлюбленная сделала все для того, чтобы быть вместе с "государственным преступником". Она добилась свидания с царем Николаем I, отказалась от французского подданства и приехала в Сибирь, где и состоялась ее свадьба с Анненко-

вым. После венчания на жениха вновь были надеты кандалы, а Полина Гебль стала Полиной Егоровной Анненковой.

В 1830 году у Анненковых родилась дочь Оля.

К сожалению, портрет этот единственный. Другим мы пока не располагаем.

"Пока" сказано не случайно, но об этом после. Вот свидетельства современников об Ольге Анненковой. Сибирский художник Михаил Знаменский, близко знавший многих декабристов, писал о ней: "Высокая, ослепительная блондинка" при этом подчеркивал, что дочь декабриста "своими тихими, флегматичными манерами очень напоминала отца".

Сохранились и воспоминания дочери Ольги Анненковой — Елены: "Она была замечательно красива, но красотой серьезной и строгой: высокая, строгая и величественная".

Однако более интересны отзывы человека, смотревшего в глубину характеров окружающих его людей, — Федора Михайловича Достоевского. Семья Анненковых-Ивановых (в 1852 году Ольга стала женой омского офицера Константина Ивановича Иванова) всячески старалась облегчить пребывание Достоевского в Сибири.

В письме к Полине Егоровне Анненковой от 18 октября 1855 года из Семипалатинска он пишет: "Знакомство (с О. И. Анненковой — А. Л.) будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни. Полтора года назад, когда я и Дуров вышли из каторги, мы провели почти целый месяц в их доме. Вы поймите, какое впечатление должно было оставить такое знакомство на человека, который уже четыре года, по выражению моих прежних товарищей-каторжных, был как ломоть отрезанный, как в землю закопанный. Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется самым светлым и ясным на всю мою жизнь".

Мы должны быть благодарны Ольге Анненковой и за то, что она в начале шестидесятих годов записала воспоминания матери (мать диктовала их на родном французском языке, а дочь записывала и потом переводила).

Портрет шестилетней Оли Анненковой был найден сравнительно недавно. Это обстоятельство, а также то, что художественное наследие Николая Бестужева, Михаила Знаменского, и вообще иконография декабристов до сих пор полностью не выявлена, позволяют надеяться: когда-нибудь мы увидим хотя бы еще одно изображение дочери декабриста. (Скончалась она в 1891 году, а в то время уже довольно широко было распространено и фотографирование).

Надо искать. Искать в Забайкалье, Иркутске, Тобольске, Омске, на Кавказе, где служил К. И. Иванов, в ленинградских и московских архивах и библиотеках... Может быть, одновременно обнаружатся бумаги семьи Анненковых-Ивановых, а среди них — неизвестные письма Ф. М. Достоевского, другие ценные документы. Надо искать!

г. Омск

На снимках:

"Достоевский — каторжник". Художник В. Домогацкий;

Оля Анненкова в возрасте 6 лет. Акварель Н. Бестужева. Петровский завод, 1836 г.

Владимир ФЕДОРИЩЕВ Бальмонт, Бруни и... Миасс

Известно, что Константин Дмитриевич Бальмонт, замечательный русский поэт-символист, за участие в студенческом движении был исключен из Московского университета. Пришлось эмигрировать за границу. Выехал с женой Екатериной Алексеевной и дочерью Ниной. Только в 1913 году по амнистии по случаю 300-летия царствования дома Романовых он вернулся с семьей в Россию.

А в 1915 году "король символизма" побывал на Урале, посетил Пермь, Екатеринбург, Тюмень, где выступал с лекцией "Поэзия как волшебство". Уральцы очень тепло его принимали.

Потом он часто вспоминал случившийся на Урале забавный эпизод.

Афиши, приглашавшие на лекцию К. Бальмонта, были наклеены мучным клейстером, и козы, гулявшие по улицам, с удовольствием их съели. Бальмонт говорил:

— Меня знает вся Россия, а на Урале даже козы — отъявленные бальмонистки.

В 1917 году в поселок Тургояк, что под Миассом, на отдых к знакомым приехала жена поэта — Е. А. Андреева-Бальмонт с дочерью Ниной. Из-за октябрьских событий им пришлось остаться в Миассе. Екатерине Алексеевне, известной переводчице, подыскали работу в местной библиотеке, а Нина продолжила учебу в гимназии. И это определило ее судьбу.

Челябинский художник Петр Гаврилович Юдаков (1897-1978) рассказывал, как в 1918 году встретил в окрестностях Миасса на этюдах художника Льва Бруни. Жил он в землянке, на двери была прикреплена визитная карточка: "Лев Александрович Бруни. Петроград".

В Миасс Бруни приехал в 1917 году. Стал преподавать рисование, а в 1919-м женился на дочери Бальмонта — Нине Константиновне, закончившей местную гимназию.

Вот как об этом пишет в своих воспоминаниях Е. А. Андреева-Бальмонт:

"В ту зиму 1917 года, что я была на Урале, я переживала большие волнения. Моя дочь Нина в 16 лет собралась выходить замуж за молодого художника Льва Александровича Бруни. Я знала семью его, любила его мать, и дети наши виделись и дружили. Лев Бруни, вернувшись с фронта, приехал к нам погостить на Урал, влюбился в Нину и настаивал жениться на ней немедленно. Я решительно отказала ему: дочь моя слишком молода и по характеру совсем ребенок, не кончила даже гимназии, совершенно не знает жизни, людей. И я просила Бруни отложить хотя бы на год мысль о браке, не смущать Нину, уехать от нее и дождаться конца гражданской войны. Он уехал — не без протеста. Несмотря на наше с Бальмонтом несогласие на этот ранний брак, Бруни переписывался с Ниной, а ко дню ее рождения (ей минуло 17 лет) приехал из Петербурга в Миасс, преодолев все трудности дороги в нетопленных полуразру-

шенных теплушках, в холод и голод. В мае 1918 года они обвенчались в Миассе".

Некоторое время семья Бруни жила в Чебаркуле. Свирепствовала гражданская война. При отступлении колчаковцы мобилизовали Л. А. Бруни. И уже в Омске он перешел в Красную Армию.

Несколько лет его творческой жизни связаны с Южным Уралом. Известны рисунки "Крутики", "Озеро Тургояк", портреты П. Г. Юдакова, Н. К. Бальмонт-Бруни, мальчика из Чебаркуля Васи Балашова.

Лев Александрович происходил из семьи потомственных художников. Часто шутил, что у него вместо крови течет акварель: в семье было девять акварелистов.

В 1921 году Лев Бруни с женой вернулись в Петроград. Успели проститься с умершим А. Блоком, Лев Александрович рисовал Блока в гробу. А современникам запомнилась панихида по Александру Блоку, отслуженная старшим братом Бруни — отцом Николаем. Казалось, что "...звучал пророческий голос самого Блока", — писал В. Л. Львов-Рогачевский в книге "Поэт-пророк".

Миасский краевед В. В. Морозов переписывался с Ниной Константиновной Бальмонт-Бруни. Она подарила Морозову сборник отца "Избранное" (1980) и написала на книге любимый экспромт К. Д. Бальмонта:

Себя страданием не тешь,
Коли не можется — поешь,
Коли не хочется — поспи,
Коли не можешь — потерпи.

И от себя добавила: "От дочери Поэта на память о встрече в Ленинграде и с надеждой на встречу в Миассе".

Нина Константиновна прожила долгую и нелегкую жизнь, всегда была полна оптимизма, доброжелательности и большого любопытства к жизни. Она постоянно была окружена родными, друзьями, уважаема и любима ими. Скончалась в 1989 году, прожив 89 лет. Так и не побывала она больше в Миассе — городе своей юности, своей судьбы.

г. Миасс, Челябинской обл.

Никита МИГАЕВ Уральский вояж Акселя Гадолина

На портрете художника Н. Шильдера Аксель Вильгельмович Гадолин изображен в мундире генерала, украшенном высшими наградами страны. Действительный член С.-Петербурга-

ской Академии наук, профессор Михайловской артиллерийской академии, генерал от артиллерии А. В. Гадолин был не только известным ученым в области артиллерийского вооружения и механической обработки металла, но и признанным во всем мире авторитетом в вопросах минералогии и кристаллографии. Он получил высочайшую императорскую благодарность как за боевое отличие в молодости, так и за научные успехи в зрелом возрасте.

Родиной его была Финляндия, входившая тогда в состав Российской империи. Еще в молодом возрасте он, как воин-артиллерист, защищал свое Отечество и был награжден военным орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени. В некрологе описание подвига штабс-капитана, когда он вме-

сте с другими офицерами-слушателями старших классов Артиллерийского училища во время Крымской войны спас от пожара пороховой погреб капонира в Густовердском укреплении. Из-за скромности награду Аксель Вильгельмович получил лишь спустя 16 лет, уже будучи генерал-майором.

Иногда к заслугам этого без того известного ученого причисляют достижения другого Гадолина, по фамилии которого был назван минерал гадолинит и элемент 3-й группы периодической системы Менделеева — Гадолий.

Сто лет назад в 1891 году Аксель Гадолин и его помощник штабс-капитан А. Якимович обследовали уральские горные заводы. Основной целью командировки на Урал было наблюдение за испытаниями двух опытных орудий, изготовленных на Пермском заводе (11-дюймовой пушки с клиновым затвором и 76-дюймовой, принципиально новой пушки с поршневым затвором). Кроме того, они посетили ряд заводов горного ведомства, изготавливающих предметы вооружения.

Первой они посетили Златоустовскую оружейную фабрику. Здесь, кроме холодного оружия, налаживалось производство фугасных и шрапнельных снарядов. Расположение завода у недавно построенной железной дороги на С.-Петербург ставило его в более благоприятные условия по сравнению с другими заводами горного ведомства на Урале. Кроме того, завод мог сам изготавливать для снарядов сталь наилучших качеств. Но для этого требовалось расширить производство, усилить механическую часть, в частности путем приобретения нового, более совершенного, гидравлического прессы взамен старого винтового. Гадолин делает вывод, что "следует ходатайствовать перед горным департаментом о разрешении заводу выполнить предложения о расширении, которые завод имеет в виду представить".

Затем был обследован Саткинский чугунолитейный завод, где производилась отливка и отделка двухстенных батарейных гранат. В отчете отмечено, что завод для выплавки чугуна пользуется бакальской и ельненской рудой.

На Кусинском чугунолитейном изготавливались легкие и горные кольце-

вые гранаты, а чугун добывался из ахтинской руды. Завод имел в то время одну доменную печь, которая ежедневно выплавляла около 700 пудов чугуна.

Но главной целью приезда Гадолина на Урал было, как сказано, наблюдение за испытаниями двух опытных орудий Пермского пушечного завода.

В то время не существовало единого государственного учреждения, занимавшегося делами обороны. Морское министерство существовало отдельно от военного, которому подчинялись сухопутные войска, в том числе и артиллерия. И вот военное министерство решило обзавестись собственным стале-пушечным заводом, построив его на реке Каме недалеко от Перми. Руководил строительством один из лучших учеников замечательного металлурга П. М. Обухова — Николай Васильевич Воронцов. В августе 1863 года на месте упраздненного Мотовилихинского завода началось сооружение орудийного предприятия, одного из крупнейших в стране, завершившееся в течение двух лет.

Первое испытание прошло в 1864 году, еще до окончания строительства сталелитейного цеха, когда испытывали 12-фунтовую облегченную пушку системы Обухова. Еще через четыре года на Пермском заводе изготовили 8-дюймовое орудие, ствол которого был скреплен стальными кольцами. Однако после испытательных 23-х выстрелов у него оторвало казенную часть. Причины вроде бы устранили и после этого орудие выдержало только 23 выстрела. Еще переделка и опять неудача. Тогда-то Воронцов и обратился в Артиллерийский комитет к А. В. Гадолину и получил от него советы, как избежать отрыва казенной части ствола. В соответствии с рекомендациями Гадолина завод изготовил 8-дюймовую облегченную пушку № 617, которая выдержала более чем 1100 выстрелов. Артиллерийский комитет в своем журнале отметил, что пермскую 8-дюймовую пушку следует считать одним из лучших отечественных орудий. "Легкость и прочность этого орудия таковы, что желательным было бы воспользоваться теми средствами, которыми располагает завод для приготовления подобных орудий".

Метод А. В. Гадолина по упрочне-

нию казенной части орудий стволов, заряжаемых с казны помог решить многие вопросы, связанные с разработкой конструкции поршневых затворов для перевооружения ими русской артиллерии. Работа, проведенная учеными на базе Пермского завода, была удостоена премии генерала от артиллерии Дядина.

Поездку по Уралу Гадолин и Якимович завершили в Гороблагодатском горном округе, в состав которого также входили заводы, изготовлявшие снаряды для артиллерии: Кушвинский, Баранчинский, и Верхне-Туринский.

Уральская командировка стала последней для Гадолина. Через год, в 1892-м он умер. Штабс-капитан А. Якимович в некрологе наиболее полно, осветил заслуги ученого перед артиллерией вообще и отечественной в особенности. Кроме прочего он отметил, что Аксель Вильгельмович, будучи инспектором арсеналов, способствовал переходу от казенного труда к вольнонаемному. Это был выдающийся факт в жизни российских арсеналов, он благоприятно отразился на стоимости вооружения. Например, пуд изделий казенного мастера обходился втрое дороже пуда изделий вольнонаемного.

Автор некролога писал: "...нет ни одного более или менее серьезного мероприятия, введенного в нашу артиллерию, с которым не соприкасалась личность покойного и решение которого не было бы одобрено авторитетом Гадолина".

Заслугам генерала от артиллерии отдавали должное не только военные. Академик В. И. Вернадский в год смерти А. В. Гадолина отметил его достижения в области кристаллографии.

С.-Петербург

Кандалы Петра III

Впервые о Петре Хрипунове поведала мне бабушка Праксuvia из деревни Пономарево, что близ Заводоуковска. Ее уже нет в живых. Умерла она на 102 году жизни. Давно, лет тридцать назад. Но рассказанное ею до сих пор живо стоит у меня перед глазами.

Вижу, как сын купецкий Петр Хрипунов с дружиной сотоварищицей развезжает по Сибирской губернии, навеличивая себя императором Российским. Самозванство нужно ему для того лишь, чтоб именем императора наказывать обидчиков народа. Вихрем влетает он в какое-нибудь селение, заранее осведомленный обо всем, Облюбовывает попросторнее двор, куда быстро собираются и стар и млад. И устраивает настоящее представление.

Суд "царя" и народа

"Петр III" в кафтане, отливающим золотом, и в "шапке Мономаха" чинно сидит на обитом бархатом стуле, вынесенном из кареты, в которой приехал. Ее видать в распахнутые настежь ворота. За воротами расположилась и дружина, а тут с ним — его свита. Идет суд. На кругу светлолицая крестьянка в кокошнике, уважительно, по-русски кланяется.

— Заступись, отец родной!

"Отец родной" спрятал улыбку в пушистую бородку:

— Кем изобижена? — участливо спросил.

— Скажу, — подперла руками бока крестьянка. — Как есть, скажу, не о себе. Я-то мужняя. Староста не смеет ко мне приставать. Неволит он девок безвинных. Бесчестит их. Ни за одну с него не спросили. Спроси ты, чтоб не было повадно срамцу! — выпалила и отошла в сторону.

— По-о-дать прелюбодея! — потребовал "царь".

Сельчане вытолкали перепуганного старосту, сухонького мужичка на кривых ножках, с жиденькой мочалкой вместо бороды.

— В этаким махоньком сила блудная?! — вскинул брови-сабли "царь".

Все захохотали.

— Прости грешного, — проговорил староста.

— Простить? — "царь" посмотрел на сельчан.

— Нет! Нет! — закричал народ.

— И я так думаю, — полоснул взглядом старосту. — Скольким девкам ты судьбу споганил, пещарный! Наказанье бы тебе пошлое... Да этим ограничусь. — Строго огласил: — Чтоб усмирить похоть излишнюю, стянуть с него портки и крапивой гжучею хлестать без жалости стыдное место, доколь не поклянется не насильничать никогда!

Возгласами одобрения, смехом встретили люди приговор. До его исполнения старосту заперли в амбаре, куда вводили и других приговоренных.

— Церковников к суду! — выкрикнул кто-то.

Двое в поповских рясах, не дожидаясь, когда их выволокут, присемили на середину двора.

— Прихожане обегченья ищут, молясь в храме, — глухо сказал "царь". — А что находят? После молитв принуждаете их гнуть спины на ваших подворьях, как своих крепостных... В Сибири у нас нет крепостничества, так заместо помещиков притесняете вы? Не совестно пред Богом?!

— С Богом без тебя разберемся, — отрубил первый церковник.

— Без моего царского..

— Не царь ты, самозванец!

Замерли сельчане.

"Царь" взмахнул рукой. И церковник начал что-то лопотать. Гримасничая, он жестами давал понять, что у него наступила немота...

— Вот видишь... Дурное слово швырнул в меня, помазанника божьего, и — язык отнялся...

Шумно, весело проходили "судебные процессы". В первую очередь наказывали нераскаявшихся, затем остальных. Под конец зачитывался "царский манифест", гласивший, что наказанному не таить злого умысла против тех, кто жаловался "царю".

Свои суды, похожие на театральные представления, Петр Хрипунов устраивал всюду. Зорко охраняемый свитой, владеющий магической силой, он вряд ли бы скоро попался в руки властям. С приближением зимы в том же 1776 году он сам распустил дружину и сдался, намереваясь таким путем добиться свидания с Екатериной II.

Загадочный пленник

— Царя-я ведут! — донесся зычный крик.

Воевода вздрогнул, сжался. Но тут же, устыдясь испуга своего, расправил округлые плечи. Накинув китайский атласный халат, распахнул створки окна и выглянул на улицу.

Вели высоченного человека в красном кафтане с гордо посаженной крупной головой, остроглазого, шагающего саженными шагами. Конвой — не менее сорока тоже дюжих молодцов — едва попевал за пленником. Когда вышли на площадь и остановились, от конвоя отделился шустрый унтер-офицер в новеньком мундире. Гаркнув что-то солдатам, он поспешил через площадь к длинной избе с резным крыльцом, где размещалась воеводская канцелярия.

— Господин Тихомиров! — лихо подскочил к окну, козырнул. — Спойманного напрямик к вам доставил.

— Пошто не к коменданту Устьянцеву? — с хитрецей спросил воевода, подвигав рыжими бровками.

— Дело особо важное, а вы губернатору ближе все ж, — лстыиво подыграл унтер.

В городе стояла нестерпимая июльская жара. Однако не помешала она моментом собрать на площади внушительную толпу зевак. Пока унтер разговаривал с воеводой, собравшиеся с головы до ног общупывали взглядами новоявленного "самодержца Российского".

— Энтот не то, что Емелька... Обличья вроде царского.

— И кафтан золотой ниткой шитый.

— Ростом, что каланча. В деда, выходит, Петра Великого.

— Коль царь наследный, всамделишный, чо не он, а женка яво, немка завозная, правит страню русскою?!..

Конвойные солдаты были из местного гарнизона. Их не остерегались. А унтер-офицер с воеводой находились на приличном отдалении, чтобы слышать опасные переуды.

— Правил бы по сю пору Петр Третий, кабы эта немка, больно охочая до баловства с разными баррами, их же не сговорила скончать муженька.

— Ежели не скончили... Скрылся?

— Взаправду в Сибирь нашу путь держал?

— И вот пред нами...

Смолкла толпа, пораженная больше всего тем, что и царь всемогущий может быть коварно обманут женой неверной.

— Все мы кем-нибудь обмануты, — тихо произнес человек в дорогом кафтане.

Толпа задвигалась.

— Да, да, люди сырые, все мы обмануты, — произнес он громче.

— Токмо обманам всяким в государстве Российском придет конец...

Солдаты забряцали ружьями. Он взмахнул рукой — и стражи застыли.

— Не в мое царское величие прошу поверить, а в силу свою! — торжественно и с болью заговорил он. — Сам господь одарил вас талантами!.. Из кожи выделки вашей шьют сапоги, в которых щеголяют английские лорды, ваши гончарные изделия лепотой и добротностью славятся в Европе, вашими коврами обиты кареты петербургских князей и баронов, медовый перезвон ваших колоколов слышен во многих уголках земли!..

В ту минуту зазвонили колокола Благовещенского собора, стоявшего напротив, на берегу Туры. И заслушались люди.

— Р-разойдись! — вдруг набросился на толпу возвратившийся унтер-офицер.

Толпа неохотно расступилась.

Унтер на ходу ворчал:

— Арестанта не видели? Эка невидаль... Тыщами их прут по тракту.

— Такой впервой, — сказали из толпы.

— Молчать! — угрожающе звякнул наручниками унтер.

— Эх, унтер-фунтер! Не дал дослушать...

— Поговори мне, старикашка...

— Пужаете, чтоб свой страх не выказать! — Старик проводил печальным взглядом проплывающий по реке плот с виселицей, перекрестился и посмотрел не пленника. — Вот он не пужает, потому как в самом страхе нету. Страху же нет оттого, что в мерзопакостных деяниях не погрешен. И потому слова его душу согревают...

— Что он тут говорил? — рванулся унтер к солдатам. — Вы для чего поставлены?! — И оторопел: стражи стояли неподвижно, напоминая собой оловянных солдатиков...

— И ты не мельтеши, — взмахнул рукой пленник.

Унтер-офицер застыл.

— Чу-де-са! — с восторгом пропел мальчишка.

— Истинно, чудеса, — отозвались в толпе.

— Нет, истинные чудеса творите вы, — возразил пленник, круто повернулся и размашисто зашагал к канцелярии. Солдаты с унтер-офицером, очнувшись, кинулись за ним.

Вечером того же дня самозванца допрашивал воевода Михайла Тихомиров.

— Покойным императором, внуком Петра Первого называл себя? — остановился у кожаного диванчика, картинно опершись на спинку. — Называл, спрашиваю?

— Называл, — сразу признался тот. — Но не покойным, а здравствующим.

— Хм, а не слышал, какая кара самозванцам полагается?

— То самозванцам, а я...

— Выходит, что престол ныне... противозаконно занятый?

— Противозаконно.

По мясистым щекам воеводы пошли пятна. Он вцепился в спинку диванчика.

— Как смеешь, низкое отродье! — вскричал. — В подвал заточу! Сгно-ю-ю!..

— Прек-ра-ти! — сверкнул глазами пленник. — Не то изловчусь и двину, — потряс кулачищем величиной в пудовую гирию. — Моргнуть не успеют караульные — как рыло твое свинячье сомну.

Парадно принаряженный воевода, обалдело задергал бровками, рухнул на диванчик.

Караульные с пиками неодобрительно глянули в сторону посрамленного воеводы. А пленник сдержанно хохотнул:

— Жидковат в коленках, воевода! От слова крепкого валишься, а от удара тебя не собрать будет. Так что лучше без ругани веди со мной разговор.

Слухи о том, что в Тюмени взят под стражу и после допросов воеводой отправлен в Тобольск "царь Петр III", пошли гулять по всей губернии и дальше. Они грозили донестись до Петербурга. Но то и входило в планы Петра Хрипунова, желавшего встретиться с Екатериной II.

В плену у пленника

— Ваше величество, самозванца привезли.

— Того самого?

— Его, скомороха...

— Все было исполнено, как я повелела?

— С похвальным прилежанием, государыня, — низко поклонился старый вельможа.

— Умалишенным объявлен?

— Глашатаи разнесли повсюду.

— Та-а-ак, — императрица плавно сошла с трона и присела к столу формы сердечка, помахивая маленьким веером. — Кто он?

Вельможа не отвечал.

Императрица с неудовольствием глянула на него, опустив руку с веером на подлокотник гнутого кресла, другою, сжав кулачок, подперла холерный подбородок. Прищурила глаза, резко отбросила локоны.

— Упорствует, называя себя именем моего усопшего супруга?

— Да, государыня, — выдавил вельможа.

— Он действительно не в своем уме!..

Напротив, самозванец, привезенный из Тобольска, отличался редкостным умом, цепким и гибким. И смелостью необыкновенной. Все это сочеталось в нем с красивой внешностью. Но удивительнее всего, что он обладал какой-то сверхъестественной способностью подчинять себе волю других...

— Об этом самозванце столько небылиц распустили, — обронила императрица. — Чего он добивается?

— Встречи с тобой, государыня...

— Что-о-о? — У нее округлились глаза, вся вспыхнула, — Аудиенцию балаганщику?!

— Сие невозможно, я уже заверил.

Императрица встала и, пальчиками изящно приподымая воздушный подол, уплыла на свой трон.

— А почему невозможно?

— Объявленного сумасшедшим пускать во Дворец?!

— Тайком пропустить.

— Как вам угодно, государыня...

Государыне было угодно лицезреть самозванца. И его доставили к ней.

— Здравствуй, матушка! — Самозванец широко и раскованно поклонился восседавшей на троне императрице.

— Здравствуй, здравствуй, — с нескрываемым интересом стала разглядывать его она и залюбовалась.

— "И этакого красавца, — подумала, — придется повесить".

— Повесить успеешь, самодержавная! — словно подслушав ее мысли, сказал красавец. — Позволь слово молвить.

— Мо-олви, — выговорила.

— Без посторонних ушей.

— Отчего?

— Не хочу, чтоб слово мое к тебе замарали. Они, — повел глазами на двух привезших его придворных чинов в ярких одеждах, — обязательно прибавят что-нибудь или переврут и разнесут по свету. О тебе потом такое в народе наговорят...

Придворные удалились.

— Эвон какие хоромы, — медленно огляделся самозванец. — Небось, многие миллионы потрачены. Здесь у тебя, как в роскошном... склепе. — От его глухого голоса, прозвучавшего в тишине, по телу императрицы пробежала мелкая дрожь. — Боишься? — заволаживающе спросил.

— Ко-го? — Язык плохо повиновался ей. — Ко-го боюсь?

— Теней тех, кого поубивала, — шагнул он к ней. — Не мерещатся по ночам?

Лик императрицы исказил неприлично открывшийся рот.

— Да ты-ы, — чуть не задохнулась она. Взбешенная порывисто поднялась, но под магическим взглядом самозванца села обратно. — Кто ты?

— Меня зовут Петр. И внук я Петра. Но не романовского рода, — самозванец легонько дунул в пушистые завитки бородки. — Кунецкий сын я, — взметнул смолистые брови-сабли. — Хрипунов. Петр Хрипунов, — с достоинством назвал. Поставил рядом с тронном высокий стул и уселся. — А дед мой из сибирских крестьян, вольный замлепашец. Да недолго он пахал и сеял. В торговые люди выбился. И преуспел славно. Перво-наперво проложил дорожку в златокипящую государеву вотчину Мангазею. Вскорости бывать стал в Бухаре. С Китаем сношения займел...

Императрица слушала самозванца с вниманием примерной ученицы. То ли колдовской силой взял, то ли увлеклась рассказом.

— Отец, унаследовав торговые занятия деда, по размаху уступал ему. Ездил же по белому свету чаще и охотнее. Меня за собой постоянно таскал с малых лет. — Он задумался, углубясь в воспоминания. — Всего я насмотрелся в мире, — тяжело покачал головой. — Но как притесняешь и тиранить работных людей ты, нигде не видел! — Голос у Петра Хрипунова звучал жестоко, гневно: — Вся земля российская под тобою стонет... За что истязаете народ?! — Взгляд его заострился. От него, как от ножа, отпрянула императрица. Он говорил, а перед глазами у него плыли и плыли плоты с торчащими на них виселицами, на которых болтались тела замученных. — Кончай свои зверства! — Самозванец встал во весь исполинский рост.

Императрица почувствовала, что ее покидают силы...

Возвращение Петра Хрипунова из Петербурга, как и визит его в царский Зимний дворец, полны загадок. Упоминание о Петре Хрипунове нашел я в книжке директора музея Памяти декабристов Н. В. Зубарева "Ялutorовск". Я написал ему и попросил указать источник, которым он пользовался. "Источника нет, — ответил мне Николай Васильевич. — Есть легенда, по которой из Петербурга самозванца вернули в Тобольск и поместили в сумасшедший дом. Там он и умер".

Но по сказанию бабушки Прасковии, Петр Хрипунов не умер в лечебнице. Его заковали в кандалы и отправили на жительство в лесную сторожку, что находилась километрах в четырех от нынешнего села Падун. Около сторожки выросло село, получившее название Заводоуковское, "основателем" которого считают Петра Хрипунова.

Сибирский тракт, проходивший рядом, превращен в асфальтовое шоссе. Недалеко от него и нашли ребята Заводоуковской средней школы № 1 кандалы. Старые, екатерининских времен. Они сначала экспонировались в школьном краеведческом музее. Несколько лет назад их передали в Тюменский областной музей. Не Петра ли Хрипунова заковывали в эти кандалы?

Последние Демидовы-владельцы

Николай МЕЗЕНИН

ЕЛИМ ПАВЛОВИЧ. Наследниками П. П. Демидова остались супруга Елена Петровна и шестеро детей: Елим, Аврора, Анатолий, Мария, Павел, Елена. До того, как дети подросли, делом управляла опека. По достижении же совершеннолетия дети стали получать доходы, которые составляли в среднем около миллиона рублей в год, согласно доле участия в имуществе. Все же имущество делилось на 1050 частей.

В начале XX века доли распределялись следующим образом: Елим — 280, Анатолий — 255, Павел — 300, Мария (в замужестве Абамелек-Лазарева) — 75, Елена (в первом браке Шувалова, во втором Павлова) — 90, Аврора. Аврора Павловна (в первом браке — княгиня Карагеоргиевич, во втором — графиня Ногера) жила за границей, умерла в 1904 году в возрасте 31 года, пополнив число наследников еще восемью членами.

Самой заметной фигурой среди наследников П. П. Демидова был его старший сын Елим Павлович Демидов, егермейстер высочайшего двора. Для своей карьеры он избрал традиционное семейное поприще — службу в министерстве иностранных дел.

В 1893 году Елим Павлович стал зятем графа И. И. Воронцо-

ва-Дашкова, министра императорского двора и уделов, одного из организаторов "Священной дружины". Но даже и такое знатное родство не спасало Демидова от критического отношения современников. Сохранилось, например, свидетельство царского дипломата, графа В. Н. Ламздорфа о служебном "рвении" молодого Демидова. В "Дневнике" Ламздорф рассказывает о беседе с вице-директором канцелярии МИД Вакселем. "Сей мальчуган, весьма богатый зять министра двора, легкомысленно отнесится к служебным обязанностям, подавая деморализующий пример своим коллегам. Службу он начал с того, что без всякого разрешения 4 дня пропал на охоте. Ваксель рассказывает, что с первых же дней пребывания на работе Демидов счел уместным сказать сослуживцам, с которыми только-только познакомился: "У нас замечательный директор — деревянный человечек со стеклянными глазами". Такое высказывание многообещающе!.. Я бы сделал все, от меня зависящее, чтобы сбить с рук этого ни на что не годного бездельника, хотя бы прикомандировав к одному из наших посольств". Так и случилось. В 1896—1897 годах Е. П. Демидов уже состоит при посольстве России в Великобритании. В канун февральской революции он занимал место русского посланника в Греции.

Если Демидовы первых двух поколений были знатоками горно-заводского дела и толковыми организаторами, то хозяйственные операции последующих трех поколений уже были значительно меньшего масштаба, но еще позволяли в какой-то мере сохранять огромное заводское хозяйство. Действия же остальных представителей знаменитой династии сводились к получению миллионных дивидендов, а энергия во многом уходила на то, чтобы поэффективнее тратить эти миллионы.

Горный инженер В. Е. Грум-Гржимайло знал четырех молодых владельцев заводов, где он служил. Елима Павловича видел в Тагиле трижды. Первый раз — 17-летним юношей, скучающим и послушным сопровождающему его управителю Жонесу. Заводского дела он не понимал и не хотел вникать в него. Приходил в ужас от пыли, жары и шума.

Второй раз — в голодном 1891 году Елим Павлович приехал месяца на три спасать свои заводы от голода, устраивать столовые. Однажды побывал в Нижней Салде, где в то время служил В. Е. Грум-Гржимайло. "Разговоры ни о чем, посещение утром завода, обед, после обеда возвращение на своей тройке в Тагил. О делах, конечно ни одного звука. Что он в них смыслил?", — писал Грум-Гржимайло в своих воспоминаниях. И далее: "Анекдоты о Демидове в заводах была масса. Анекдоты эти передавались из уст в уста. Мы смеялись над Демидовыми, над их дырявыми шелковыми карманами и служили им. Работали на совесть от мала до велика. Для чего мы работали? Мы смотрели так: Демидовы, барыши, которые им мы давали, — это была жертва Молоху. Заводы работали, заводы процветали. Кормилось 70 тысяч рабочих. Это — главное существование, а Демидовы — неизбежное зло, на которое мы смотрели иронически".

И все-таки сквозь это благодушие прорывается боль специалиста и энергичного работника. "О времена! О нравы! После таких времен бывает революция!"

Обстоятельства, однако, заставляли Елима Павловича проявлять определенный интерес к заводам. В 1909 году он получил по завещанию умершего брата Павла еще 300 паев и стал обладателем 580 паев, т. е. занял ведущее место в нижнетагильских владениях.

По распоряжению Е. П. Демидова был учрежден "Горнозаводский музей Нижнетагильских и Луньевских заводов".

К этому времени на заводе собралось уже 579 экспонатов, размещенных в четырех отделах: "Медь", "Железо", "Разные вещи", "Коллекции". Особое место занимали рекламные изделия-экспонаты всероссийских и всемирных выставок, в которых участвовали заводы округа. Начало собранию было положено еще в 1841 году камерным "музеем естественной истории и древностей" для узкого круга лиц заводоуправления. Музей родился как структурное подразделение металлургического заво-

да, поэтому сразу имел основательную материально-экономическую базу: все расходы входили в смету заводууправления. В наши дни эти коллекции стали основой Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела.

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Анатолий, владелец 255 паев, сначала подолгу жил в Тагиле, но был еще беспутнее Елима. Его компанию составлял лакей, с которым он устроил парусную лодку и целыми днями катался по тагильскому пруду. Некоторое время он служил в Гродненском гусарском полку, затем бросил службу и вел беспечную жизнь за границей. Образ жизни Анатолия Павловича вполне отражает переписку между доверенным лицом Демидовых П. Кузьминым и Елимом Павловичем. 10 марта 1895 года П. Кузьмин сообщал: "Анатолий Павлович по-прежнему занимается, по временам продолжает увлекаться цыганским хором и преподносит корзины цветов цыганкам, что нередко вызывает спор со мной, так как я отказываюсь платить за эти корзины (по 150 рублей), а карманных денег у него не хватает.

Согласно Вашему разговору с П. П. Дурново, денежные дела Анатолия приводятся в порядок; Анатолий постоянно говорит об экзаменах, вполне уверен, что выдержит их, но никак не может решить, в какой полк поступать — в лейб-гусарский или в гродненские гусары (в Варшаву) или же в Нижегородские драгуны на Кавказе".

В следующем письме Кузьмин продолжает рассказ: "Вопрос об экзаменах Анатолию наконец решен, т. е. удалось устроить с помощью П. П. Толстого, чтобы Анатолию назначили при I-м Кадетском корпусе, т. к. ни при каком другом он не выдержал бы их. Страшно только одно, как бы Анатолий не отказался ехать на экзамены, т. к. последнее время он занят цыганкою; денег на нее и из-за нее потратил массу (думаю, около тысяч 30). Я теперь узнал, как он добывает деньги: он, как и обещал Вам, ни одного векселя не подписал, но берет в разных магазинах вещи (преимущественно бриллианты) и отдает их цыганке, а при необходимости иметь наличные деньги закладывает эти вещи через своих милых товарищей... Разумеется, экзамены его будут одна лишь комедия".

Некоторую надежду подавал младший Демидов — Павел Павлович. Ему повезло на гувернера — им был приват-доцент Одесского университета. "Павел Павлович, говорят, хорошо учился и собирался поступить в Горный институт. Не помню, поступил ли, или провалился на экзамене, или убоился, — но в конце концов он оказался юнкером Гродненского полка и так вел себя, что

полковой командир радехонек был, когда юнкер, наконец, ушел из полка. Затем он начал путешествовать. Поехал в Центральную Азию с каким-то англичанином на охоту и побил много каменных баранов. По дороге он остановился на день в Тагиле, чтобы показать тягу на вальдшнепов. Потом поехал в Африку и скоро умер", — сообщает Грум-Гржимайло.

Горный инженер, присматриваясь к последним Демидовым, недоумевал: "Чего же им не хватало? Глупыми, идиотами их назвать было нельзя. Их сестры гремели в Петербурге как первые красавицы и самые интересные женщины общества". Грум считал, что нашел ответ на вопрос в том, что с одной стороны у Демидовых не было стимула чего-либо добиваться, с другой — панический страх, что заводы перестанут давать доходы и им, владельцам, нечем будет жить.

МЕНДЕЛЕЕВ В ТАГИЛЕ. Весь пореформенный период нижнетагильское хозяйство было самым крупным из горнозаводских округов Урала. В 1895 году на Нижнетагильском заводе было занято 1733 человека. Всего же в горном округе Демидовых работало 16 862 человека. В этом же году на заводе было получено 1 млн. 157 тыс. пудов чугуна, около 600 тыс. пудов стали и железа. Особенно рентабельно работал Нижнесалдинский завод.

Однако наметившаяся еще раньше диспропорция в развитии отдельных отраслей экономики Тагильского округа к концу XIX века усилилась. Топливная и рудная база заводского хозяйства развивалась медленнее, чем сами заводы. Им не хватало топлива, сырья. Прибегнули к привозному топливу, к частичной замене древесного угля каменным. Но это лишь увеличило расходы, Нижнетагильский округ уступил первое место по выпуску продукции Богословскому.

В 1899 году Министерство финансов подготовило научную экспедицию по изучению экономического состояния России и перспективам его развития. Возглавить ее пригласили Д. И. Менделеева.

В июне Менделеев прибыл в Нижний Тагил. На станции его ждали лошади, и он сразу отправился в главный старинный монументальный дом Демидовых, куда пригласил его управляющий всех имений наследников П. П. Демидова А. О. Жонес. Знаменитый химик пишет: "Вхожу в богатые залы, по стенам старинные портреты предков Демидовых и картины не нового покроя; такова же вся обстановка, даже терраса под окнами, даже вид в сад и на окрестности; все дышит чем-то почтенным, устоявшимся и не вчерашним".

В геологическом музее гостю показали массу образцов, различных уральских каменных углей. Он наблюдал процесс отделения золота от платины. Осмотрел большую заводскую лабораторию, музей с образцами тагильской продукции. Ученого поразило качество металла: "Из рельс навязаны узлы и наплетены чуть не кружева — без следов трещин, толстые в несколько дюймов листы железа согнутые не в два, а в четыре и более раза — как мягкая салфетка, и тоже нигде следа трещин. Все это наилучшее железо производится из высокогорской руды, и другие руды того не дают".

О вотчине Демидовых Менделеев писал так: "Нижне-Тагильск — целый город (32 тысячи жителей) с широкими улицами, с прекрасными церквями, с монументами на площадях, с пожарной каланчой на соседнем холме, как на многих заводах, а считается селом, хотя в нем одном три волости. Не сделан он городом, вероятно, по той причине, что состоит в по-сессионном владении рода Демидовых, и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейшие путанные отношения между владельцами, казною и жителями".

В отчете "Уральская промышленность железная в 1899 г." русский ученый назвал следующие препятствия развитию уральского горного дела: чрезмерное сосредоточение больших площадей в одних руках, использование только своего леса,

недостаточность путей сообщения, нехватка предприимчивости у владельцев.

КРИЗИС. В начале XX века Демидовы сменили главное правление Нижнетагильских и Луньевских заводов. Его возглавил бывший чиновник министерства финансов, служивший прежде вице-директором департамента железных дорог, А. Н. Ратьков-Рожнов. Он пытался поставить делопроизводство на солидную бюрократическую основу и нашел в этом поддержку основного пайщика Елима Павловича Демидова.

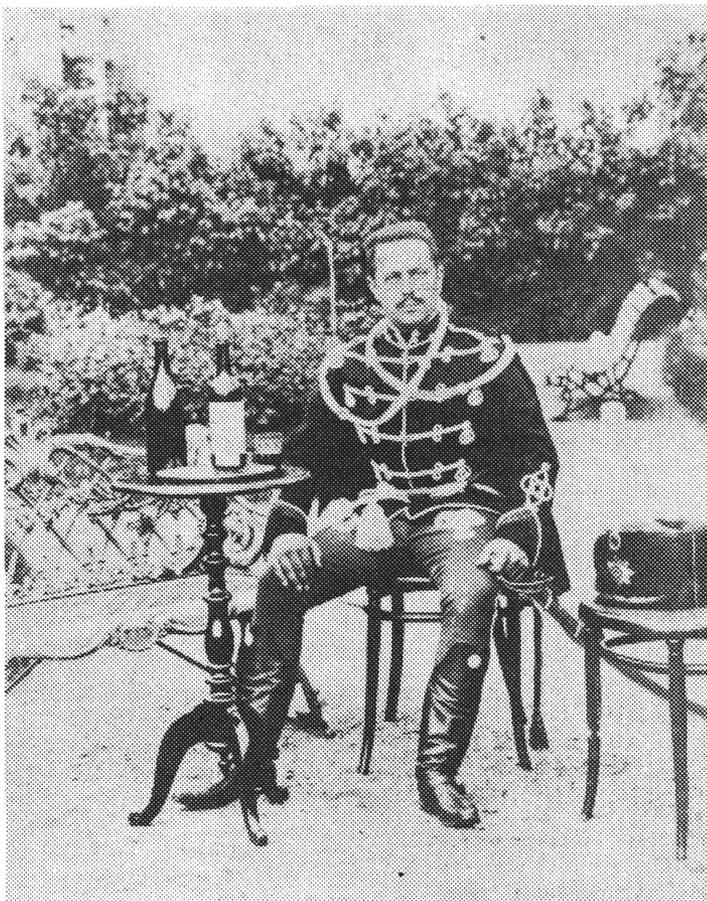
Однако в 1902—1903 отчетном году финансовое положение округа резко ухудшилось. Заводы потерпели убыток в 393 тыс. р. и остались совершенно без средств. Правление попыталось прибегнуть к испытанному средству — правительственным ссудам и кредитам у частных банков. Однако Государственный банк в суде отказал. Пошел навстречу Нижегородско-Самарский банк, выдав ссуду в размере 60 процентов оценочной суммы.

Но и это не вывело демидовские предприятия из кризисного состояния, убыточность Нижнетагильского округа росла: в 1903—1906 годах она составила 150 тыс. р. в 1908-м — 1,4 млн. р. Временно закрылись четыре завода и один из них — Лайский — более не возобновился. Позже, в 1911 году был законсервирован Висимо-Уткинский, в 1915-м — Висимо-Шайтанский. Заводы закрывались из-за полной изношенности оборудования, нехватки топлива и сокращения заказов.

К наиболее острому моменту кризиса — 1909 году — общая задолженность заводов достигала 14 млн. р. В течении шести месяцев рабочим не выдавали заработной платы. Заготовка топлива прекратилась. Большинство заводов остановилось. Однако владельцы продолжали изымать из активов предприятий огромные суммы на свои личные расходы. Они отвергли предложения Правления об акционировании дела, боясь потерять контроль над делами.

Опять спасло правительство, удовлетворив очередную просьбу Демидовых о денежной помощи в сумме 750 тыс. р. и разрешив им новые займы в русских и иностранных банках. В 1909 году владельцы подписали договор с платиново-промышленной компанией и получили от нее 750 тыс. р. аванса. Иностранному капиталу открылся доступ к природным богатствам края.

В декабре 1912 года А. Н. Ратьков-Рожнов доложил на общем собрании владельцев тагильских заводов, что пережитый кризис заставляет Главное правление предложить коренную перестройку заводов и обеспечить предприятия свободными средствами. Намечалось все производство сосредоточить на трех заводах — Нижнетагильском, Верхнесалдинском и Нижнесалдинском, которые связаны ширококолейными железными дорогами. Другие закрывались. Необходимую для перестройки сумму — 10 млн. р. — собиравались пополнить за счет организации фиктивного Платинового общества. Но финансовая база перемен оказалась

на практике слишком слабой, поскольку сами владельцы отказались его финансировать.

ЭПИЛОГ ДИНАСТИИ. О масштабах денежных оборотов демидовских предприятий говорит такой факт. Один из последних старых демидовских служащих Дмитрий Петрович Шорин (1817—1907) пережил в Тагиле четыре поколения господ Демидовых, работал у них главным кассиром. Исполняя должность счетного работника, он совершал частые поездки в Екатеринбург и Петербург, возил туда огромные суммы. Таких поездок он совершил до 700 и перевез свыше 70 миллионов рублей. Эта цифра включает не только доходы владельцев, но и расходы по производству.

Однако золотые дни кончились. Война опрокинула все планы. Она окончательно подорвала экономику округа. Хотя военные заказы создали некоторую видимость подъема производства, но скоро начала ощущаться нехватка сырья и рабочих, мобилизованных в армию. Пытаясь спасти положение, владельцы за крупную сумму в 4,4 млн. р. купили Туринскую лесную дачу. Но было уже поздно. В 1916 году в Нижнем Тагиле останавливаются доменные печи, закрывается Висимо-Шайтанский завод, с непоной нагрузкой работают цехи других заводов округа. Не справляясь с военными заказами, получив и потратив на переоборудование заводов государственную ссуду, хозяйство Демидовых оказалось накануне финансового краха.

В этой обстановке к попавшему в трудное положение предприятию находит дорогу банковский капитал. Вначале государственный долг переносится на Русский для внешней торговли банк, затем подписывается договор об учреждении Акционерного общества Нижнетагильских и Луньевских горных и механических заводов наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато и проводится финансовая реорганизация округов.

Акции были куплены многочисленной клиентурой банка. По ликвидационному балансу на 14 декабря 1917 года в портфеле Русского для внешней торговли банка имелось 41 910 тагильских акций собственной клиентуры. Принадлежность остальных акций неясна. Профессор Ю. А. Буранов определяет долю участия Демидовых в своем старом деле не более чем в 24 процента от основного капитала. Контроль Демидовых над своими владениями был утерян.

Затем пришли новые хозяева, сместившие и банковских владельцев. 30 декабря 1917 года на предприятиях Нижнетагильского округа ввели рабочий контроль. 28 января (10 февраля) 1918-го в виду того, что администрация Нижнетагильского и Луньевского горных округов перестала субсидировать округи и отказалась подчиняться декрету о рабочем контроле, Советское правительство издало декрет о национализации всех промышленных предприятий "Акционерного общества Нижнетагильских заводов и рудников — наследников П. П. Демидова".

Более чем двухвековое господство над уральскими заводами династии Демидовых закончилось.

На снимках: Елим Павлович Демидов, Анатолий Павлович Демидов; группа демидовских рабочих (конец 1890-годов);

Фоторепродукции Ивана Коверды.

Дубовые дощечки

Для тех, кто не читал первых публикаций "Дубовых дощечек" ("УС", №№ 5-6, 7, 12 - 1992), хочу пояснить название цикла.

Средневековые фламандские художники часто обращались к небольшим жанровым, бытовым сценам, исполняя их на дубовых шлифованных досках.

Ситуации вокруг Подростка, о которых рассказывает цикл, тоже имеют под собой дубовую основу. Но "дубовую" основу жизни. Стадно-овечьё, из стороны в сторону, шараханье политиков. Мрачно-смердящее дыхание татуированного мира. Растерянность и раздражение родителей.

Именно то, что творится вокруг, дало нам право назвать "дощечки" с ребячьими рожицами - ДУБОВЫМИ. А еще - в надежде и малой уверенности, что нынешние отроки сумеют построить в своей душе не коммунальный закуток, не тюремную камеру, но Храм. И тогда дубовая основа под их портретами потеряет всякую символику, просто превратится в гарант прочности. Дуб - дерево долговечное.

Кто "раскупит" нынешнюю "скрипку"?

В Екатеринбурге после ряда убийств лидеров теневой экономики, после ареста Цыганова, небезызвестного предводителя "уралмашевской" группировки, экономические обозреватели-газетчики развернули дискуссию: нужны ли нам "теневики"?

Послышалась нотка умиления: мол, они — единственная сила, способная жестко структурировать экономику, оградить ее от натиска всевозможных "шестерок" от преступного мира.

Возможно... В парадоксальной экономике и не то возможно.

Но я сейчас о другой экономике. Об экономике подростково-отчаяния.

Ближе к концу 80-х большинство отроков из уральской столицы знали такую поговорку: "Вагин любую скрипку раскупит".

В переводе со сленга это значило: некий имярек (а вне преступного мира Вагин, известный бизнесмен, недавно, кстати, убитый, был тогда известен лишь подросткам — да и то фамилией и имиджем "каталы", сурового картежного шулера)... так вот, некий имярек, разъясняла поговорка, распознает на любой колоде карт любые метки, предназначенные для мошенничества.

Еще подростки знали: существует некий полуподпольный центр в городе, где картежные шулера объединились и наладили денежные поборы среди ребят. Поборы посредством картежных долгов. Система была отлажена так, что отказаться играть в карты оказывалось невозможным, а взяв в руки колоду — невозможно было выиграть. Ведь не каждый пацан умел "выкупить" подсунутую "скрипку" (меченую колоду).

Какие отчаянные истории слышал я в те времена от мальчишек, в поисках каких баснословных сумм рыскали они по городу.

Будь я Нострадамусом и предвидь будущее — обязательно посоветовал бы тем картежным должникам из 80-х: не расстраивайтесь, через несколько лет на ваши деньги будет со-

здано много легальных фирм; по городу пойдет бесплатный троллейбус, рекламирующий одну из них; если безвылазно провести в этом троллейбусе пару-тройку месяцев может ваш недобровольный взнос частично и окупиться!

Я не Нострадамус, но я вижу: созданная отцами "теневого" бизнеса катально-тотальная система поборов работает. (Недавно ко мне обратились знакомые одного парня, который, пытаясь погасить картежный долг и проценты за его несвоевременную выплату, украл у родителей шесть миллионов и исчез с ними!) Я предвижу, что в скором времени известная сленговая поговорка немного изменится: "Новый имярек любую скрипку раскупит!"

И еще предвижу, чуть позже личность нового имярека всплывет в легальном бизнесе, а если, не дай бог для экономистов-мыслителей, эту личность кто-нибудь тронет, — снова развернется дискуссия: нужны ли бизнесу "теневики"... И вполне возможно, как аргумент, выплывет очередной бесплатный троллейбус...

У подростков популярна еще одна поговорка: "Время настанет — катки не станут".

Время идет, идет... А шулера по-прежнему наводят страх на тинейджеров. Вот бы о какой проблеме... нет, не подискутировать, а позаботиться реальными и оперативными делами. "Делами"!

Июль, 1993

В рыжем доме поселилась печаль

На бывших "горфяниках" лежит "спальный" район большого города. От центральной части его отделяет крутой взлук — все, что осталось от когдатойшной сопки.

Здесь, под боком срытой горы, и живет Пашка. В рыжем доме. Любой дотошный реалист поправит Пашку: дом не рыжий, а цвета запыленного кирпича. Но Пашке нравится так:

рыжий дом, пятиэтажка-рыжик. О "хрущевке" — как о человеке.

В рыжем доме Павел родился. Когда он выходит из подъезда с улыбкой — рыжие панельные стены улыбаются. Если Пашка хмур — дом тоже нахмурен.

В последнее время и Пашка, и его дом мрачнее тучи. От того, что расходятся Пашкины родители. С кем остаться, Пашка не знает. С матерью не хочет. Объясняет: "Там этот козел..." — про возможного отчима. Отцу боится стать обузой. Отец — инвалид второй группы. Пенсия — крохи. Да еще и нещадно поддает растерявшийся в жизни папаня.

Что творится в Пашкином сердце — как не догадаться? Кажется, ни одному чувству нет туда входа, кроме горькой безысходности. Но — нашлось такое чувство, которое обнаружило себе уголок в переполненном сердце Паши. Я говорю о печали...

Зачастую печалью называют что угодно: скуку, тоску, растерянность, подавленный страх, раздражение... Да мало ли чувств, у которых схожи внешние проявления и которые так легко перепутать друг с другом!..

Но печаль, по-моему, стоит наособицу. Это зрелое чувство.

В какой-то сказке братьев Grimm резанула меня однажды фраза: "Что печален, — или к смерти готовишься?" Уже не помню, кто из гриммовских героев задал этот отточенный вопрос. Но думаю, вряд ли подросток. Потому что не каждому подростку дано связать печаль с приурочиванием к уходу. Не каждому дано понять, что печаль — это та самая чувственная волна, которая охватывает тебя при мысли, что "все мы в этом мире странники".

Конечно, о смерти думают и на подростке. Но детские мысли не рождают печали, разве страх...

Роскошь и гнет печали нужно заслужить худо-бедно состоявшейся судьбой... Нужно пожить...

Печаль — чувство о собственной судьбе.

Конечно, о судьбе чаще размышляют. То низводя эту судьбу до банальной карьеры, то вплетая ее во вселенско-бытийный процесс. Нить таких размышлений изломчата и большеинству ребят известна: вчера получил тroyак по физике... в ВУЗ не поступить... хорошо, что Егору *вльндил*, никто не заявит, что я *лошина*... за что зацепиться?.. может, в Бога поверить? — и т. д. и т. п.

Итоги. Планы. Планы. Итоги. Конечно, тоже своеобразная подготовка к Самому Главному Итогу — к смерти, к черте собственной состоятельности.

Но рассудок часто врет. Размышляя о собственной жизни — можно стать чище и лучше. А можно не стать.

Печаль же не врет. Тот, кто чувствует о прожитом, тот себя не обманывает. Сердце само всколыхнется, когда память напомнит ему светлые дни былого. Добрый ли поступок. Любовь ли ("Мне грустно и легко. Печаль моя светла. Печаль моя полна тобою"...). Сердце вспомнит даже то, чего не выразить словами.

Человек печалившийся — чище светлей, чем он был раньше. Печаль напомнила ему такому, что из былого вызывает в нем приятный, радостный, жизнеутверждающий отзвук, а что — сожаление, в лучшем случае... Печаль подсказала как жить впредь. Жить так, чтобы смерть как итог не страшила.

Печаль — компромисс между жизнью и смертью.

Пашка из рыжего дома никогда не знал печали, и лишь однажды...

В то утро Пашка отправился в поход за лампочками. В самодельной гирлянде светомузыки перегорело несколько штук — и он решил их заменить.

Вообще-то, светомузыка подождала бы — не до нее. Но не терпелось показаться кому-то в новом костюме "Адидас" — в спортивной фиолетовой "мятке".

Деньги на костюм Пашка настрелял на "маршруте". "Маршрутом" он называл несколько хорошо изученных улиц вдалеке от дома, куда то один, то с другом Гошей ходил "бомбить" разъяв-малышей. "Бомбить", конечно, громко сказано... С "пескарей" много не возьмешь. Ну, двадцать пять рублей, ну, пятьдесят... С ребятами же постарше Пашка остерегался связываться.

С "маршрутными" деньгами к коммерческим киоскам можно было и не соваться. Не по карману там товар! Но какое-то шестое чувство привело Пашку к ДК "Автомобилист" — это рядом с "маршрутом". А там оказалась продажа поношенного зарубежного тряпья. И "Адидас" достался Пашке за бесценок.

Штаны были чересчур длинными, а колени — продранными. Но оба недостатка костюма обернулись в достоинство: лишние сантиметры штанин легли ромбовидными заплатками на колени.

Пашка зашел за Гошей, и теперь они подымались по улице, уводящей их из "спального" района.

Мне, к сожалению (или к счастью?), уже не восстановить, что чувствует человек, когда, наконец, становится КАК ВСЕ... Поэтому всяческие Пашкины переживания вокруг штанов, сравнивавших его с Гошей, я попросту опущу. Как оживленный, но беспредметный разговор между друзьями.

Перехватим наших героев у новой четырнадцатизатяжки, к которой они уже подошли. И еще раз окинем их, разглядим, потому что в стремительности дальнейшего будет не до этого.

Наше разглядывание ничего не добавит к Пашкиному характеру. Но мне отчего-то хочется не забыть тех легких импрессионистических мазков, что нарисовало стечение обстоятельств и которые так редки в нашем раздраженном чугуно-дымно-экскаваторшагающе-мрачном мегаполисе.

Четырнадцатизатяжка уронила на снег серую тень. Порывы поземки делали границу тени размытой, неверной. Лишь серый бетонный бордюр вдоль подвальных окон держал контур.

Пашка, встряхнув оголенными русыми прядями, вспрыгнул на бордюр. Его распахнутую черную куртку приподнял ветер — и фиолетовое пятно "Адидаса" над строгими линиями бетона стало на миг чуть больше, размытее.

Гоша шел рядом. Такой же фиолет штанов, такая же сажа курточки, да еще черная спортивная шапка. Но — четче, ярче, оформленной.

А за ними бежала Гошина собака — черный ризеншнауцер, завершающий мазок мимолетной картинке.

В подъезде было темно, посленовогодне: на полу валялись осколки стекла, проволока от шампанского, к пахнущему портьвейному пятну на стене прилипли конфетти. На ступеньках горелыми спичками кто-то выложил: "ПИСЯ" — какой-то малыш делился с миром мрачными открытиями.

Пашка с другом поднялись на лифте на шестой этаж. Собаку оставили у лифта, *на стреме* — давно продуманный и привычный этап операции. Можно и без собаки, но в новых домах не все плафоны разбиты. Прежде чем вывернуть лампочку, приходится снимать матовые шары. И мало приятного, если кто застанет тебя с плафоном в руке, — на празднолюбительство не сошлешься.

Улов с шестого этажа оказался невелик — одна лампочка. Остальные перегорели.

Пашка и Гоша переместились на седьмой.

Потом на этаж выше. Пока Гоша возился у мусоропровода с плафоном, Пашка решил передохнуть.

Вышел на площадку черной лестницы. Потом — на лоджию. Чего-то потянуло взглянуть на город с высоты летящих птах...

Перила лоджии были занесены. И только в одном месте... Побелевшие кисти рук, чьи-то пальцы, судорожно вцепившиеся в деревянную планку...

Сначала Пашка хмыкнул. Принял увиденное за чью-то шутку: не руки то — либо гипсовый муляж, либо резиновые перчатки...

Пашка шагнул поближе, чтобы рассмотреть новогодний розыгрыш.

Но розыгрыша не было.

За границей лоджии Пашка увидел человека. Человек висел на вытянутых руках, мертво вцепившись в перила. Он был в легкой тенниске, мужчина лет тридцати.

На запрокинутом лице безумно голубели глаза.

Что было дальше, Пашка помнит урывками, словно за-спанное сновидение. И рассказывает об этом так:

"Я Гошку как закричу!

Давай мы мужика поднимать. А он тяжелый — ничего не получается. Только тенниску на нем задрали. Спина оголилась.

Мы побежали кого-нибудь на помощь звать. А все отсеки на этажах перекрыты решетками и балконными дверями. Звоним, звоним — никто не выходит.

Вдруг один мужик все-таки появился. Пьяный. Мы ему объясняем, а он улыбается и молчит.

Я как заору:

— Что молчишь? *Глухаря поймал?* Там мужик сейчас разобьется!

До пьяного дошло. Он побежал к лоджии.

Мы — за ним.

Смотрим, а "спасатель" на балконе стоит. И рыдает, уткнувшись в тенниску, что была на том, который за балконом висел.

Не смог его спасти. Только тенниску содрал.

Оказывается, они друзьями были. Пили вместе.

Выбежали мы во двор. И видим, что сорвавшийся мужик лежит на бетонном бордюре. По пояс голый. От этого кровь на нем и вокруг него еще сильнее видна..."

Пашка замолкает, и я вижу печального подростка.

За свою жизнь Пашка кое-что сделал. Дарил цветы незнакомой старушке. "Для смеху", как объясняет... Словно птички гнезда, "зорил" плафоны в чужих подъездах... Унижал на "маршруте" *пескарей*... А сто рублей, отобранных у малышни, однажды необъяснимо для себя бросил в тубетейку таджика-беженца...

Кое-что сделал. Кое-что натворил. Но никогда не брался оценивать — что там, позади?

Лишь встреча с чужой смертью, мгновенной и нелепой, разбудила в Пашке желание самооценки, чувственной самооценки.

И печаль в его глазах светится теперь иногда подолгу.

Январь, 1993

Не за каждым жестом — мрак, мрак...

Я коллекционирую... жесты (у вашего молодца нет забавам конца!). Среди прочих моих социологических "коллекций" — эта особая.

Не похожая ни на словарь молодежного жаргона, ни на собрание подростковых снов, ни на картотеку отроческих кличек...

Цель-то у всех этих коллекций вроде одна: поймать, уловить, зафиксировать мимолетные проявления психики тинейджеров, сохранить детали их быта, попытаться перевести в нечто осязаемое ту кипящую атмосферу юности, энергии, которая окутывает каждое новое поколение "надцатилетних". Цель-то одна... Но если жаргон, клички, детские "страшилки" и тому подобные отголоски кипящего ядра поколения мне нужны, чтобы связать их вместе, выложить из них портрет поколения, чтобы, зацепив колечко за колечко, восстановить "кольчугу", за которой прячутся от взрослых легкоранимые юноши и девушки, то жесты...

Жесты я не пытаюсь увязать друг с другом. Не пробую передать через них облик всего поколения. Жесты интересны тем, что они характеризуют Личность. Неповторимую и только единожды пребывающую в этом бренном мире.

"Коллекция" невелика. Хороший жест, как какой-нибудь хороший драгоценный камень, редок.

Несколько таких "драгоценностей" я и хочу вам предложить.

Шестилетний Тема ест макароны.

Он только что усердно потрудился — до винтика раскурочил игрушечный "КАМАЗ", — и аппетит у него отменный.

Заметив, что я наблюдаю за ним, Тема замирает. Макаронина свешивается с губы. Артем косится на нее, на меня. Потом щепотками обеих рук прикладывает к своим ушам. Делает вид, что проворачивает некий стерженек, что соединил его лопушастые уши. Макаронина, тайно подхваченная языком, медленно исчезает во рту, будто и впрямь наматывается на невидимую ось.

Тема оглядывается на "КАМАЗик", где свернутое в рулон жестяное кузово обнажило миниатюрные карданы, коробку передач и прочую механку.

И хохочет. Мол, и сам-я — такие же винтики, гаечки, стерженьки...

Проводя сравнение между собой и машиной, Тема рад своему жесту-шутке. В этой шутке можно услышать отголоски каких-то смутных раздумий о собственной человеческой природе. Жест заменил несозревшие слова.

Как мила Темкина шутка. Хотя совсем не точна. Просто Тема еще не знает, да и истории, да и рядом, в жизни, уйма примеров, когда человек позволяет себе стать машиной, роботом, автоматом совсем "не понарошку".

27.03.92

Еще один жест:

Восьмиклассники Саша Л. и Дима Г. спорят о максимальной скорости велосипеда. Разгонится ли он до 250 километров в час?

— С ума сошел — 250... Он бы взлетел при такой скорости! — ершится Дима.

— Дурень! Ты совсем не знаешь аэродинамических свойств! Велосипед — он же, он же... Он же плоский, как доска! — И Саша запальчиво вытягивает руки вперед, несколько раз резко хлопает перед собой ладонями.

И сразу спор "ученых мужей" приобретает наглядность.

Кстати, когда настоящие ученые спорят о разных там мюонах, кварках, протонах, — так ли наглядны их дискуссии? Так же ли украшен жестами процесс постижения мира?

13.08.86

Один из нечаянных, невольных жестов...

Невольник жеста — бизнесмен Слава. По необходимости ли, просто ли в подкрепление своего бизнесменского образа, Слава купил себе газовый пистолет.

Решил испытать. И выстрелил в окно.

Потом по детской "ковбойской" привычке поднес ствол к лицу и втянул в себя... увы, вовсе не запах пороха.

Неожиданное, инстинктивное движение — и в солидном представителе деловых кругов вдруг разгляделся мальчишка. В широкополой шляпе. В "детскомировской" ковбойской подвязке. С игрушечным "пистиком" в руке...

29.02.92.

Жесты — один из самых древних способов общения. Каждый раз, записывая очередную находку, я буду радоваться тому шагу, который мы сделали от самого первобытного движения, которым человек выделился из стаи и почувствовал себя Индивидуальностью: просто показал на себя пальцем...

Или огорчаться, что такого шага не сделано... Но о жестах огорчительных — как-нибудь в другой раз.

Дождь смывает след зеленого мелка

Во дворе на скамейке, на свернувшихся от зноя лоскутках покраски стоит коробка с мелками.

Мне со второго этажа хорошо видно, какого мелка в коробке нет: зеленого.

Зеленый мелок в работе. Посреди двора сидит на корточках малыш и что-то рисует на асфальте.

Движения художника не по-детски порывисты. Это он старается успеть до грозы.

Гроза близка. Тяжело кипит грязно-сливовое небо. Тополя туда-сюда вертят растопыренными ладошками листьев, — как дошкольники перед дежурным, проверяющим чистоту рук.

Не могу сбросить с себя напряжения. Хочется, чтобы "клоп-малер" успел закончить рисунок. Чтобы поставил последнюю конопущку на веселой рожице... Дотянул до поребрика последний солнечный луч... Дочеркал... — впрочем, что малыш малюет на асфальте, мне не видно; он сидит ко мне спиной.

Откуда моя тревога? Откуда нетерпение?

Пройдет гроза. Подсохнет асфальт, — и вновь превратится в мольберт для пятилетнего художника.

Отчего же я рвусь увидеть рисунок именно сейчас?

Может, под диктатом собственных воспоминаний, смутных, капризных, готовых навсегда вернуться в глубины памяти, ничего не добавив мне в настоящем?

Воспоминания о собственном детстве. Ты давно зарекся лепить из них уродливые формы социальных символов. Нитями воспоминаний, яркими нитками-мулине, источенными временем, ты теперь не латаешь грубую мешковину современности, надеясь, что нынешний день будет понятней. Но откуда сегодняшняя потребность оживить давнее-давнее? Откуда желание вспомнить вот это?

В твоей ладони лежит фальшивое яйцо. Его не отличить от куриного, может, чуть больше засалено. Но это все же фальшивое яйцо. Оно из мела. Ты нашел его в курином гнезде и еще не знаешь, что подобные меловые подклады — приманка для пеструшек, подсказка, где нужно нестись. Ты ско-

вырываешь с яйца перышко, под ним открывается ослепительный белый узор, похожий на лист лекарственной ромашки.

Твои движения нерасчленены. Расчлененность — плод сомнений. Ты же уверен, что все в руках — твое, определено тебе для какой-то нужды.

Ты проводишь мелом по куску жести, которой обит сарай. Белая горизонтальная полоса в тени сарая светится снегом. Отходить, любоваться следами мела — этого нет и в мыслях. Без того понятно, что меловая черта красива. Ты тянешь эту черту дальше: по черной резине тракторного колеса, по радиатору (наткнувшись на масляное пятно след прерывается), по зеленым штакетинам палисадника, по срубам колодца, где линия не так ярка — мокро же...

Тебе хочется проложить меловый путь по зеленым стеблям конопли, но конопля не дается мелу. И на белой стене дома меловый след исчез, затаился. Зато за двором: столб, ствол тополя, поднятые кверху оглобли телеги — все отмечено белой линией на метровой высоте от земли. НА ВЫСОТЕ ТВОЕГО РОСТА!

Стоп, вот и разгадка твоей тревоги. Сейчас, здесь, на балконе, в ожидании грозы.

Меловая черта из детства вспомнилась не случайно. Ведь она так похожа на зарубки на дверных косяках. А сколько раз в последнее время ты замираешь над этими зарубками, старыми и новыми, в городских квартирах и деревенских. Отъскиваешь линию метровой высоты, линию самого зеленого детства. И задаешь себе вопрос за вопросом.

Для всех ли, во все ли времена эта линия — линия той высоты, с которой хорошо видны муравьи, созревшие калачики и блестящие никчемные безделушки? И больше ничего!

Или уже, как предсказывают футурологи, вот-вот появится поколение, для которого наши истоки, наши привычки, наши взгляды на жизнь (при всей их полярности), наша мораль (при всех в ней разночтениях) будут так чужды, как чужд нам какой-нибудь доисторический Homo erectus.

Ретроградно ли детство? По-прежнему ли ретроградно?

Ты задаешь себе вопросы и косишься на небо...

Хлынуло.

Гроза, как и положено городским грозам, окруженным бесчисленными громоотводами и водостоками, случилась суматошной.

Малыш поспешно поднимается. Засовывает мелок в кармашек шорт, пачкая мышиную штанину размашистой полосой. Бежит к подъезду.

Я смотрю на асфальт. Я вижу зеленую штриховку...

Латинская буква "S". Корявая, будто утка, нацелившая клюв под свое крыло. "S" перечеркнута двумя параллельными линиями. Знак доллара...

Дождевые потоки смывают меловой рисунок, словно спешат скрыть тайну малыша. Ту тайну, которая и без того не проявилась.

Что для него этот знак, в котором параллельные линии символизируют "Геркулесовы столбы", на языке античного мифа — выход в неизвестное?

Преждевременный ли прорыв из его теплого, мохнатого, апельсиново-хвойного, жалостливого к игрушкам мира в мир взрослый, флюгероватый по нынешнему безвременью?

Или "неизвестное" для малыша это то, что вскоре будет им познано, освоено и намертво отгорожено от меня, ото всех нас — каких-то там Homo sapiens?

17.06.93

С ВИКИНГАМИ НА СВАЛЬБАРД

15. У Вагна тоже есть сын, мать и жена

Под утро зоркий Оттар поднял всех криком:

— Вижу землю, вставайте!

Хельги едва не первым взвился из мешка и успел заметить вдали буроватую приземистую громаду, проглянувшую в разрыве клубившегося тумана — Хельги помнил, как он начинал собираться еще ночью, этот туман. Так бывает, когда в холодную воду выплеснут ведра кипятка.

Другим викингам повезло меньше. Пока они продирали глаза, остров затянуло опять.

— Все правильно, — проговорил Оттар с кормы. — Вагн так и рассказывал.

— Это Свальбард? — спросил Хельги. Оттар усмехнулся:

— Этот остров лежит посередине пути, и Вагна занесла сюда буря во время лова сельдей. Корабль едва не разбило о скалы, но Вагн нашел бухту на восточном берегу, под горой с тремя вершинами, где птицы загадили ему всю палубу...

— Вагн — величайший мореход из всех, о которых я слышал, — проговорил Ракни и отошел. Он любил приемного сына и в который уже раз сдержал раздражение: пусть возится с сосунком, если это может его позабавить...

Хельги умоляюще смотрел на Оттара, ожидая продолжения, и Оттар сказал:

— Они встретили здесь множество моржей и белых медведей и еще нашли пресное озеро, где водилась очень вкусная рыба. Правда, туда нелегко было идти, потому что ноги вязли в грязи, — ведь там, на острове, совсем ничего не растет. А потом буря затихла, и они увидели стаю гусей, летевших на север. Люди Вагна успели отдохнуть и сделать запасы, вот он и решил пойти вслед за гусями и разведать, нет ли там земли...

Хельги немедленно захотелось поудить в озере невиданных рыб, добыть несколько моржовых клыков и белую медвежью шкуру, не намокающую в воде. Но Оттар сказал:

— Ракни не будет здесь останавливаться. Он хочет непременно добраться на Свальбард прежде Вагна. А надо еще найти фиорд и домик на берегу!

Однако остров все же дал Хельги понять, что мечта непременно исполнится. Он показался снова, уже за кормой, и на сей раз Хельги ясно разглядел далекую гору с тремя сгорбленными вершинами, смотревшими вслед кораблю. И вдруг показалось, что это стояли в

серых плащах три старые норны, вестницы непреклонной судьбы: Урд, Верданди и Скульд...

Он хотел было по привычке сказать об этом Оттару, но что-то остановило его, и он промолчал.

Ночью Ракни пожелал вести ладью сам, и Хельги с Оттаром бок о бок устроились под скамьей. Хельги хотелось поговорить, и он очень обрадовался, увидев, что Оттар с улыбкой смотрел вверх, на полог, шевелившийся от ветра. Это было необычно; Хельги давно заметил — те же самые люди становились в море много молчаливее, чем на берегу. На корабле негде уединиться и некуда прогнать неприятного человека. Легче всем вместе придерживать языки, избегая лишних обид...

Викинг повернулся к Хельги и сказал, словно смущаясь:

— Я тут думал про Беленькую...

Хельги ответил:

— У тебя будет сын. Все финны колдуны, а их женщины в особенности. Она сделает, как обещала.

Оттар почесал плечо и блаженно зажмурился:

— Я не об этом... хотя и об этом тоже... я ей гачьего пуха со Свальбарда привезу для перинки... просто... я ведь обнимал красивых девчонок, но я никогда не думал, что может быть, как у нас с ней... Я из-за нее совсем другим стал. Я как будто не только Ракни теперь принадлежу. Она же горевать по мне будет, если погибну, ведь правда?

Оттар говорил трудно и сбивчиво, и Хельги слушал его, затаив дыхание. Небось не Карк был удостоен такого доверия и не Ракни сэконунг. Да и не поняли бы они ни ничего. А Хельги однажды сорвался со скалы, куда завела его погоня за дикой козой, и в короткий миг полета, пока рука не сомкнулась на гибком корне сосны, единственное, о чем он подумал, было: мать седая станет, когда его найдут там на камнях!.. Он поймал свою козу и похвальбы ради притащил ее живую домой, и мать встретила его у ворот. Еще в полдень ее словно локтем толкнули, так и металась весь день, места себе найти не могла. Хельги крепко это запомнил... Теперь ему все казалось, будто мать так и стояла на пороге, там, где он видел ее в последний раз.

Он спросил Оттара:

— А есть у тебя родня кроме Ракни?

— Наверное, есть, — сказал Оттар тихо. — Только я ничего про них не слышал. Ракни нашел меня на разбитом корабле, где не было больше живых, а я и говорить еще не умел. Может, я сын пленников, которых везли на продажу, а может, меня тоже родили девять морских дев, как Бога Хеймдалля. Ракни так и не до-

знался, откуда шел наш корабль. Он усыновил меня и дал имя, и я до сих пор думал, что мужчине достаточно иметь отца... ты понимаешь... такая маленькая и молоденькая... а вот по голове меня гладит... я не знаю... словно мать... Ты слышал, как Ракни называет свой меч? — спросил он и сам ответил: — Рождающий Вдов.

Да, здесь поистине не нужны были кеннинги¹, от подобного имени в ужасе разбежались бы все тролли. Оттар помолчал и добавил:

— Я теперь думаю, ведь у Вагна есть в Вике и мать, и жена. И маленький сын...

На другое утро Хельги сразу показалось, что вокруг значительно похолодало. Во всяком случае, он долго раздумывал, прежде чем вылезать из мешка. Но потом увидел Ракни, нахмурившегося с кормы из-под надвинутой шапки, и стыд прибавил решимости.

То, что это стоял день, а не ночь, можно было понять только по положению солнца. Корабль шел на север, а справа, ближе к корме, ползущие облака истончались, распадаясь на слои, и оттуда проникал бледный негрешущий свет. Круглые сутки эта промоина будет медленно двигаться по горизонту, и все время будет казаться, что уже вечер и над морем тлеет закат...

А на волнах, вблизи и поодаль, сзади и спереди, сколько хватало глаз, лениво качался лед.

Были здесь маленькие, изъеденные водой льдинки, с шуршанием разламывавшиеся под форштевнем. Были белые плиты размером в полпалубы, еще хранившие следы птичьих лапок и лунки, прогрызенные тюленями. Ракни внимательно и искусно уводил от них корабль. Оттар и Карк молча сидели на носу с длинными шестами в руках. Время от времени они разом вставали, и облитые железом острия упирались в бок какой-нибудь льдине, подкравшейся особенно близко.

Хельги невольно засмотрелся на куски красивого голубого льда, резко выделявшиеся среди всех. Ветер и вода потрудились на славу: Хельги замечал то спящего зверя, то птицу, то человека в длинном плаще... Иные глыбы перепоясывали темные полосы грязи, виднелись вмерзшие камни. Это был лед с ледников, лед, родившийся на земле. Первая и грозная весть, которую посылал им Свальбард.

— Плохо! — сказал Ракни. — Возьмем западнее, а то как бы не раздавило корабль!

Он был прав. К северо-востоку льдины смыкались в сплошное тяжело колыхавшееся поле, и над ним в сером тумане дрожал и серебрился мертвенный отсвет. Хельги узнал потом, как назывался этот удивительный свет: ледяная радуга. Вот только вряд ли она служила мостом богам и добрым знаком всем людям, как та, что бывает после дождя. Очень скоро оттуда, из мглы, выдвинулось угловатое чудовище, при виде которого Ракни зло выругался и еще сильнее переложил руль, а ирландец Луг покачал головой и перекрестился. В шершавой стали моря лежал осколок ледника, выломанный напряжением нечеловеческих сил. Он был в несколько раз длиннее корабля, а чистый, словно мечом срезанный бок показался замороженному и испуганному Хельги высотой едва ли не в половину Железной Скалы.

Битва исполинов еще длилась на севере, и это был лишь малый ее отголосок.

И снова почудился зловещий медленный грохот, и черной жутью повеяло от молочно-голубого обрыва... Хельги яростно замотал головой, гоня наваждение прочь.

Корабль далеко обходил смертоносного гостя, и айсберг величественно поворачивался перед мореходами, прежде чем вновь пропасть в холодном тумане...

Ракни все же безошибочно угадал, в какую сторону следовало спасаться. Чем дальше на запад, тем меньше делалось льда. А потом остались лишь маленькие обломки, от которых можно было и не уворачиваться.

Только по-прежнему неутомимо носились над волнами молчаливые серые буревестники, высматривающие неосторожную рыбу; да тюлени, никогда не видевшие человека, показывали из воды то любопытные усатые мордочки, то гладкие спины...

16. Холодные берега

Знать, по вкусу пришлось Эгиру оленина, пожертвованная перед отплытием. Северный океан все так же ровно дышал под тяжелыми тучами, ползшими вровень с мачтой корабля. Вечный вечер длился без конца и начала, и где теперь стояло низкое солнце, никто не мог с уверенностью сказать...

Опытный Ракни лучше многих знал истинный, беспощадный нрав здешнего моря. Он поделил людей на две части и приказал, чтобы одни непременно бодрствовали, пока другие спят. Он сам возглавил половину, остальных поручил Оттару; но никто не видел, чтобы вождь подолгу лежал в меховом мешке под скамьей.

Вдобавок ко всему, шторм, дружески подставлявший плечо, ушел своим путем на восток, и ветер снова стал северным. Приходилось растягивать парус вдоль корабля и часто поворачивать, хитростью побеждая его угрюмую мощь. Путь, конечно, затягивался, да и людям прибыло работы, и Ракни совсем потерял сон.

— На Свальбарде отосплюсь, — буркнул он сердито, когда Оттар однажды посоветовал ему отдохнуть.

Хельги уже думал, что не сумеет застать Оттара одного у правила. Но берег не спешил показываться из тумана, и Хельги все-таки подстерег, когда Ракни улется и закутался с головой, и бесшумно прокрался мимо конунга на корму.

Оттар, нахохлившись, сидел на высоком сидении рулевого, откуда так удобно оглядывать море. На руках у него были теплые оленины рукавицы — финский подарок.

— Совсем извелся Ракни сэконунг, — сказал Хельги негромко.

— Хороший вождь, вот и беспокоится, — отозвался Оттар. — Я не знаю второго такого. Ну, может, еще мой тезка с острова Сенья... да Вагн Мореход.

— А ты сам? — спросил Хельги удивленно. Оттар отмахнулся:

— Ну, я... У меня на самом деле давно есть свой корабль и люди, для которых я хевдинг. Однако я напросился с ним сюда простым гребцом, чтобы он еще немножко меня поучил. Ты же слышал, как он меня допрашивал. Как мальчишку, первый раз попавшего в море... вроде тебя.

¹ Кеннинг — особое иноказание, употреблявшееся в поэзии скальдов.

— Я не первый раз в море, — сказал Хельги совсем тихо, с бьющимся сердцем. — Допроси и меня, если хочешь.

Он уже готовился рассказывать про волны и облака, про приметные звезды, позволяющие выйти на Фэрейские острова² или к Хьялтланду³ но Оттар молча глянул на него и вдруг слез со своего места, приказав коротко:

— Держи руль!

Лишь много времени спустя Хельги понял, что Оттар намеренно застиг его врасплох; тут уж не притворишься, тут уж само тело либо отзовется привычным движением, либо не отзовется. Так выбирают щенка: вытряхивают весь помет в воду и смотрят, кто барахтается упрямей.

Что ж, Хельги умел перенимать руль при встречном ветре. Он пошире расставил ноги, принаравливаясь к ритму качки, отзывавшемуся размеренным трепетом правила... И пропал куда-то накинущийся было страх, оставив лишь ощущение радостного и любимого дела. Того единственного дела, ради которого стоило появиться на свет. Если бы сейчас Хельги спросили, что он хотел бы делать всю жизнь: сражаться, как отец, добывая бранную славу, или водить по морю корабли? — сын воина сгорел бы со стыда, но ответил без колебания: водить корабли...

Он был согласен стоять здесь на ветру до самого Свальбарда, без смены и без еды, и Ракни мог просыпаться и говорить ему все, что угодно... Оттар сперва

на всякий случай держал ладонь на руле, потом убрал ее. Хельги и не заметил, когда.

Корабль — это ведь не просто доски и брусья, пущенные по волнам. Кто лежал на палубе, согретой солнечными лучами, и греб обледенелым веслом, доверяя свою жизнь кораблю, тот привыкает чувствовать его тело как собственное, если не острее. Но правило, колеблющееся в ладонях, дарует совсем особое чувство. С ним рождаются: кому не дано, тому уж и не дано. Есть люди, отдававшие меда поэзии, и есть неспособные стать скальдами, как бы им того ни хотелось.

Хельги слился с кораблем в одно существо, став его слухом, зрением и умом. А правду молвить, у конунга был отличный корабль. Премудрые строители сшили его еловыми корешками, и Хельги видел, как упруго дышали, прогибаясь, увенчанные щитами борта. Хельги взялся бы спорить, что борта были из ясеневых досок; он ходил на кнарре Кетиля, дубовом и вдобавок обитом гвоздями, и ему совсем не понравилась натужная дрожь, с которой крепкое судно напролом шло сквозь гребни... Олень был совсем не таков. Он перетекал с волны на волну, гибкий, как ныряющий кит, он принадлежал морю, и море принадлежало ему...

— Пусти, — сказал Оттар. — Хватит с тебя.

Хельги отдал ему руль и сел на палубу, прячась от ветра. Его словно разбудили посреди счастливого сна, и было очень обидно. Обидней, чем тогда в Финнмарке, когда Оттар дал ему подержать свой меч и потом спрятал его обратно в сундук...

2 Фэрейские острова — теперь Фарерский архипелаг.

3 Хьялтланду — теперь Шетландские острова.

По команде Оттара люди перетянули парус, и корабль, повернув, опять зашагал по серым ступеням волн. Оттар ненадолго оторвал взгляд от моря, посмотрел на Хельги и сказал:

— Ты, верно, заметил, что во всех переделках Ракни сам берется за руль. Он даже мне не доверяет корабль, когда начинается настоящее дело.

Хельги молча кивнул... и неожиданная мысль заставила его вздрогнуть, словно рука, тяжело опустившаяся на плечо: нет, не утонул дед Виглаф, пропавший много зим тому назад!.. У деда был корабль не хуже, чем этот, и сам он знал о море не меньше, чем Ракни и Оттар, вместе взятые. Он не мог утонуть!..

Свальбард открылся перед ними как-то слишком уж обыкновенно. Так, словно это был тот безымянный остров на середине пути или любой другой, затерявшийся в сумраке моря. А вовсе не таинственная земля на самом пороге Страны Великанов!

Первыми, как водится, изменились волны: стало видно, что они шли не из открытого моря. Потом точно щит исполина заслонил корабль от северного ветра. Спавших растолкали, и все молча смотрели вперед, ожидая появления земли.

И вот наконец поредела, раздвигаясь, серая завеса тумана, и смутно зачернели громадные береговые утесы. За ними видны были подножия гор, уходящих в низкие облака...

— Вагн говорил, Свальбард показывался им несколько раз, — пробормотал Оттар, стоявший в проходе между скамьями. — Но достаточно было приблизиться или взобраться на мачту, и видение пропадало. Впрочем, тогда стояла ясная погода...

— Ну, это-то не видение, — отозвался Ракни, и зачарованно молчавшие викинги точно ожили, начали разговаривать и смеяться, принялись искать на берегу вход в удобную бухту. И то сказать, последние дни холод донимал беспощадно, так, что никого уже не грели сырые мешки, и Ракни даже распорядился устроить очажок в старом котле, хоть руки оживить после весла и мокрых канатов... Теперь можно будет набрать на берегу плавника и развести огонь до небес, а над ним повесить жариться самого большого оленя!

Железный Ракни, конечно, безо всяких передышек отправился бы искать западный берег и домик, построенный Вагном. Но конунг принадлежит своим людям не в меньшей степени, чем они ему принадлежат.

— К берегу! — велел Ракни и переложил руль, а Оттар побежал на нос. Вдвоем с Арком они сняли с форштевня резную драконью голову и убрали ее в трюм: пусть-ка здешние духи поласковее встретят гостей! Потом спустили парус, и гребцы взялись за весла, а Оттар привычно отвязал длинный шест — щупать глубину. Все как обычно при подходе к незнакомому берегу. Вот только гребцы то и дело норовили оглянуться через плечо, а Ракни выкрикивал команды еще более хрипло, чем всегда.

Ведь там, дома, в Норэгр, многие верили, будто именно здесь море и земля обрываются в бездну. И можно, набравшись храбрости, перегнуться через край и посмотреть вниз!..

...Нет, он не растаял призраком в тумане, этот бурый каменный берег, на который они ступили-таки в

глубине облюбованного залива! Вот зашуршала под килем крупная галька, и остановился корабль, и все, кто был на его палубе, разом бросились через борта, не боясь вымочить ноги. Бородатые мореходы ликовали подобно мальчишкам, впервые переплывшим фиорд. Земля!.. Настоящая, надежная земля под ногами, и после стольких ночей в холоде и сырости на палубе корабля снова можно устроить палатку под гостеприимным навесом скалы. Можно раздеться догола и вымыться в звенящем неподалеку ручье, не думая о том, что плавание продлится неведомо сколько и воду надо беречь!

Луг еще на палубе начал осенять себя священным крестом, а на берегу немедленно преклонил колени, поцеловал черные камни и зашептал, славя своего Бога... Насмешники-викинги успели дать монаху прозвище: Босоногий.

Хельги дружески хлопнул его по плечу.

— Не горюй, Луг, теперь мы поймем тюленя и справим тебе хорошие сапоги.

Ирландец поднял глаза, и Хельги увидел, что они были счастливыми и подозрительно влажными. Луг мечтал сподобиться господних чудес, и теперь они представляли ему одно за другим. Дай волю, он и здесь примется искать своих святых, ходивших на кожаных кораблях. И уж поистине найдет о чем поведать, возвратившись домой!..

— Стало быть, вот он и Свальбард, — сказал Оттар. — А помнишь, отец, сколько советчиков предостерегало тебя?

Ракни не спеша оглядел берег, отлого начинавшийся у воды и постепенно все круче устремлявшийся кверху. Потом прищурился и начал рассматривать другую сторону фиорда. Там подпирал тучу утес, весь белый от птичьего помета, и ни расстояние, ни ветер не могли заглушить множества пронзительных голосов...

Ракни сказал:

— Похоже, однако, что Утгард и вправду отсюда недалеко. Вагн велел высматривать гору с остроконечной вершиной. Он говорил, там виден кусок каменной ограды, которой великаны обнесли когда-то весь мир!

Хельги однажды спросил Оттара, что сделает конунг, если Вагн не появится. Оттар удивился: Вагн говорил о поездке как о деле решенном, и Вагн не из тех, кто могло бы остановить известие о замыслах Ракни...

— Мало кто зовет меня трусом, но у меня и то екало сердце, пока мы сюда добирались. А Вагн шел первым и не знал, найдет ли что-нибудь, кроме холодного моря. Вот если бы удалось побеседовать с ним перед сражением!..

17. Знак

Как ни хотелось конунгу скорее найти становище Вагна, для поисков нужна была по крайней мере ясная погода. Однако небо не спешило очищаться от туч, и немудрено — совсем неподалеку кипел прославленный котел, в котором Эгир варил морские ненастья. Серая мгла ползла по воде, и бухту окутывал густой плотный туман. Временами он скрывал даже корабль, стоявший у берега на якорях. Неторопливо кружившееся солнце просачивалось наземь каким-то прощальным скорбным мерцанием, озаряя исполинские чертоги, воздвигнутые

в облаках... Посреди лета тлели нескончаемые осенние сумерки, и никто не мог взять в толк, за что же Вагн Мореход хвалил эту страну.

Хельги с детства не любил вечеров, наводивших его на мысль о разлуках. Он завидовал Оттару, который сохранил и смешливый нрав, и привычку окатываться холодной водой. Ручей, протекавший возле палатки, брал начало из ледника, и после умывания в нем ветер с мелким дождем казался почти ласковым. Может, в том и было все дело: не унывает от холода знающий, что бывает куда холодней...

Однажды Хельги показалось, что его рубашка стала очень уж грязной и заскорузлой от пота. Он неумело принялся за стирку и вспомнил, что дома это всегда делала мать, и ловко же у нее получалось!.. Он вдруг увидел ее идущей к нему по каменистому берегу: вот она садится на выброшенную морем корягу, и можно обнять ее: уткнуться в мягкие колени лицом... Так часто бывало, когда он маленьким закидывал прутик-удочку с прибрежных корней, а мать приходила спросить, велик ли улов и не пора ли ставить на угли сковороду...

Оттар спугнув видение, сказал:

— А что, отец, может, в этих местах совсем и не бывает добрых деньков?

Тот нестоящий викинг, кто не носит на кончике языка множества веселых и насмешливых слов. Мореходы частенько забавлялись, подначивая друг дружку: однако на всем корабле только Оттар решался трогать вождя.

— Бывают! — отрезал Ракни угрюмо. — Вагн ут-верждал, что бывают!

— Я полагаю, — продолжал Оттар невозмутимо, — он говорил также, будто в ясную погоду здесь очень красиво...

Ракни понял, наконец, что приемный сын нарочно его поддразнивал.

— Ну вот что, — распорядился он по-прежнему хмуро. — Раз тебе не сидится, сходи на охоту. Если я съем еще одного баклана, у меня у самого вырастут перья!

До тех пор он никому не позволял далеко отлучаться.

Оттар вооружился луком и копьем, позвал двоих крепких парней и ушел. Хельги огорченно смотрел ему вслед: вот и опять не придется похвастаться сноровкой и доказать, что с него может быть толк... пятнадцати зим от роду разве поймешь, что о тебе позаботились, удержали вдали от опасности, стерегущей за ближним холмом!

Охотники вернулись достаточно быстро. Друзья Оттара волокли подстреленного оленя, а сам он нес на плече двух лебедей.

— Смотри, какие красавцы! — показал он их конунгу. — Тор свидетель, они и не думали улетать.

Олень, по его словам, тоже вел себя словно ручной: подпустил их вплотную и с любопытством смотрел, как в него целились из лука. Олень был невелик ростом, поменьше тех, на которых ездили финны, но крепок и очень пушист. Ракни нагнулся над ним, долго рассматривал уши и рога, не нашел никаких меток и сказал:

— Это дикий олень. Значит, люди вправду тут не живут.

Он велел отрезать рогатую голову зверя и принести с корабля деревянных Богов, без которых ни один разумный человек не пускается в путь. Викинги собрались вокруг разведенного костра, а Ракни принялся греть Богов и мазать их жиром из распоротого оленьего брюха:

— Я одолел неблизкий путь, чтобы ублажить тебя, Один, мстью за родича. Не годится тебе, одноглазый, останавливать меня перед порогом судьбы!

Морской конунг то ли испрашивал милости у Отца Богов, то ли угрожал. Если бы Один вдруг появился здесь у костра в развевающемся синем плаще, с копьем Гунгнир в руке и с воронами, каркающими на плечах, Ракни навряд ли опустил бы глаза...

По фиорду плыли белые и голубые льдинки — течение и ветер тащили их в открытое море. Оттар ловко поймал багром одну из них, близко подошедшую к берегу. Голову оленя положили на эту льдину, и Ракни, подумав, добавил к ней лебедя, того, что был покрупнее. Могучие крылья птицы почти касались воды...

Отлив подхватил льдину, и скоро она уже плыла в сторону моря, кружась и постепенно пропадая в тумане. Хельги показалось, будто она двигалась чуть-чуть быстрее других. Он сразу понял, что это был знак. Вот только не у кого было спросить, хороший или плохой!

На другое утро — и это действительно было утро — он проснулся оттого, что Оттар встряхнул его за плечо:

— Ветер переменился, вставай!

Хельги босиком выскочил из палатки, на ходу подергивая штаны. Тучи разорвались над фиордом, и видна была огромная гора, вонзавшаяся в синеву белым ослепительным рогом. Грудь горы покрывал панцирь разноцветных скал, сизых, черных, красноватых. Пятнами проступала зелень. Меж скалами начинались осыпи, простиравшиеся до подножия, как плащ.

Если северные горы вправду были исполинами, окаменевшими в начале веков, то один из них определенно стоял здесь, сверху вниз глядя на Хельги. Облака расползались все больше, с небес обрушивались потоки неистового света, и вода, только что угрюмо-стальная, вспыхивала серебром. Птицы, тысячами носившиеся над фиордом, закричали пронзительнее, ныряя за рыбой и снова взмывая в тучах огненных брызг...

Викинги торопливо натягивали одежду, сворачивая спальные мешки и одеяла, снимали деревянные подпорки палатки. Прилив позволил подвести корабль к самому берегу, и погрузку кончили быстро.

— Так!.. — сказал Ракни с нескрываемым торжеством. — Похоже, эту-то гору Вагн увидел с моря за полсуток пути. Значит, нас вынесло туда же, куда и его. Поднять парус! Мы пойдем на запад вдоль берега, и пусть вылезет моя борода, если придется долго искать!

Полосатый парус разгорелся над ними, как пламя: до чего же хорош он был в синем небе, среди крутых, изломанных, заснеженных гор!

— Посмотри внимательнее на берег, Луг, — толкнули в бок ирландца. — Не забыл ли ты чего-нибудь на сей раз?..

18. Вагн не обогрется у очага

Мать рассказывала Хельги, что в Гардарики земля

была теплая, ласковая, живая. Уютный кров и обильный стол всякому доброму гостю!.. Мать полагала, что даже прекрасная и щедрая земля Норэгр не шла с ее родной ни в какое сравнение. Это Хельги собирался когда-нибудь проверить сам. Но если он надумает еще раз съездить на Свальбард, он не возьмет с собой ни Вальберг, ни мать, как бы они ни просились.

Величавые гористые берега, вдоль которых шел корабль, ошеломляли чужой, пугающей красотой. Этот мир был полон холодного света, он жил сам по себе и никого не звал в гости... Ай да Вагн! Немало надо решимости, чтобы без спроса войти в такие чертоги!

Ракни неожиданно повернул руль, правя мористее, и Хельги увидел на берегу язык ледника, нежившийся в каменной долине. Белое чудовище тянулось к воде, словно желая напиться, горбатую спину покрывали трещины и длинные груды камней... чего боялся Ракни сэконунг?

Когда ледник остался уже за кормой, воздух в долине вдруг задрожал, и невидимая лавина стремительно вырвалась в море. Крутые вспененные волны перекатились через еще заметный след корабля... Хельги так и услышал треск паруса, раздираемого внезапным ударом, увидел запрокидывающуюся палубу и нависшую зеленую стену воды, а на берегу — неистого великана, заходящегося грохочущим смехом.

— Вагн рассказывал, такие вихри здесь очень сильные, особенно в фиордах, — задумчиво проговорил рядом Оттар. И добавил почти зло: — И чего им понадобилось драться там в Скирингссале, этому родичу Вагна с внуком нашего Ракни!.. Тоже мне, не поделили

мехового плаща!.. Пошли бы выпили пива да и помирились, как подобает мужам!..

Наверное, Вагн Мореход в самом деле хотел, чтобы идущие следом легко нашли его дом. В ясную пору заблудится здесь было решительно невозможно: Ракни уверенно называл то приметную гору, то островок, а потом без колебаний миновал устье фиорда, бросив коротко:

— Не этот!

Хельги все время казалось, что Вагн незримо был среди них на корабле, предупреждая, указывая дорогу...

А на берегах хлопотало стремительное свальбардское лето. В глубине фиордов открывались долины, полные яркой зелени и цветов. Олени спокойно паслись на склонах, нагуливая тело: они никогда не знали ни волков, ни мерзкого гнуса. И не было слышно прибоя за гомоном птиц, тучами срывавшихся с утесов. А там, где скалы отступали от моря, сменяясь широкими галечными отмелями, голубой воздух сотрясал низкий рокочущий рев, и землю прятали бурые туши бесчисленных моржей... Ракни далеко обходил лежбища, не видя толку попусту беспокоить зверье. Но и поодаль от берега, рядом с кораблем, то и дело всплывали изумленные нерпы, а еще дальше из воли поднимались столбы воды и теплого пара — дыхание могучих китов...

И надо всем этим сияли вечные ледники и высились зубчатые пики, кутавшиеся в снеговые плащи. Острые горы не заросли не то что лесом, даже кустарником. Летняя зелень вскипала на осыпях лишь там, куда часто заглядывало солнце и редко — холодные ветры. Но

таких мест было немного. Боги выковали Свальбард из морозного серебра, и, должно быть, могущественные скалы хранили покой этой земли

Потом ветер начал стихать, а по вершинам гор серыми змеями потянулся туман. Ракни велел взяться за весла и стал с беспокойством вглядываться вперед, ища укромную бухту или отлогий берег, не занятый моржами, куда корабль можно было бы вытащить на катках. Нет ничего хуже шторма возле чужих берегов, а здесь и посреди лета могла нагрянуть пурга!

Однако им повезло. За очередным мысом по левому борту открылась в море низменная земля, а вдоль правого распахнулся фиорд, столь широкий, что его едва не приняли за пролив. Приметы совпали: именно о таком рассказывал Вагн. Теперь следовало идти вдоль южного берега до бревна, утвержденного в куче камней. За ним-то покажется рукав фиорда, где Вагн Мореход выстроил себе дом.

Ракни, казалось, на время позабыл даже о тучах, черной стеной надвигавшихся с юго-востока. Жилье врага было совсем рядом, и он войдет в него уже нынче. Это будет славное дело, достойное памяти и рассказов. Ракни не считал, что проявлял отвагу, пересекая грозное море, безошибочно выводя к Свальбарду послушный корабль. Отвага — это не показать спину в бою, хотя бы на тебе живого места не было от ран... А ходить по морю, где веками рождались, кормились и умирали поколения предков — кто же посчитает это за подвиг, кому вздумается рассказывать об этом сагу, складывать песнь?

...Снег начался внезапно. Густые хлопья с шорохом падали в воду и на глазах выстилали берега белым ковром. Хельги и дома видел такое: почти черный фиорд под мрачно-серым, низко надвинувшимся небом, уложенный в нетронутые белые берега. Но здесь были еще и льдины больше самого корабля, величественные, неторопливые, светящиеся изнутри мертвенным голубым светом... Это поразило его, как поразило бы всякого, не лишнего глаза на красоту.

Потом с неба обвалился ветер, и корабль содрогнулся, а снег превратился в маленькие стрелы, зло разившие пришельцев.

— А ну-ка, нажмите на весла! — донесся с кормы голос вождя. — Пусть видят здешние тролли, что у меня тут викинги, а на бабы. И не им осаживать моего коня в двух шагах от конюшни!

Это прозвучало как боевой клич. В ответ люди завели песню, тяжкую и размеренную, как морской накат: так издавна помогали себе гребцы. Хельги жадно шарил глазами по берегу, разыскивая обещанное бревно.

Обломки скал, кучи камней и разбросанный волнами плавник... долгое время нечто не обнаруживало прикосновения человеческих рук. Впрочем... сдвинутые вместе валуны там, над полосами догнивающих водорослей... если бы Хельги ставил путевой знак, навряд ли он расположил бы его иначе... так, а что там такое в двух сотнях шагов выше по склону, на осыпи, где ветер никак не даст снегу улечься? Обломанная лесина с явными отметинами топора! Хельги вскочил на ноги:

— Бревно!..

— Вижу, — отозвался эсконунг. И добавил насмеш-

ливо: — Может, ты еще объяснишь, как оно туда взобралось?

Люди захохотали, и только Оттар неожиданно вступился за Хельги:

— Бревно могло затащить туда ветром. Ты сам рассказывал, какие тут бывают бешеные ветры, отец.

Ракни утер рукавом мокрое от снега лицо и нехотя кивнул:

— Ладно, посмотрим, что там за мысом.

За поворотом берега появились залив с узким устьем, наполовину перегороденным каменной грядой. Гряда сдерживала зыбь, и серая вода в заливе была удивительно гладкой. Низкие тучи напарывались на скалы. Горы здесь тоже были сложены из разноцветных пластов, сверху вниз тянулись черные трещины, и не зря Вагн говорил об ограде, воздвигнутой усилиями великанов. А выше всех вздымалась гора, запиравшая вершину фиорда. Облака опоясывали ее, а по склону, из просторной долины, выползал в воду ледник — недобро-голубой и громадный, с отвесным, как бы обрубленным краем...

Вымокшим людям некогда было любоваться неведомыми берегами. Дружный крик, раздавшийся над фиордом, согнал с камней пятнистых тюленей: на северной стороне, за песчаной косой, стоял дом!.. Совсем такой, как строили где-нибудь в Раумсдале или в Северном Мере!.. Ракни набрал полную грудь воздуха, но ничего не сказал и молча повернул руль, а Оттар огрел Хельги ладонью по спине, едва не смахнув его со скамьи. В последний раз взбили пену длинные весла...

— Вытаскивайте корабль! — приказал Ракни, когда под килем скрипнул песок. — И пусть оставит меня удача, если я велю спустить его раньше, чем сквитаяюсь с этим Вагном Мореходом сыном Хадда их Вика!..

Мощный голос породил эхо на берегу, как будто утесы повторяли клятву вождя.

В доме, пропахшем нежилой сыростью, нашлось хозяйское место с родовыми знаками Вагна, и последние сомнения исчезли. Ракни ликовал и не пытался скрыть радости. В немыслимой дали он разыскал этот дом и зажег огонь в очаге, возле которого никогда больше не обогрется его кровник. Вагн сойдет на берег, и его встретят мечи. Ракни знал своих людей. Они победят.

И вот впервые за много ночей все спали под крышей, в тепле, под хорошо высушенными одеялами, слушающая сквозь дрему ласковое потрескивание огня, и штормовая волна не грозила хлестнуть из-за борта... Вагн позаботился о тех, кому вздумается открыть его дверь. Он запас в избытке и дров, и даже вяленого мяса: не найденное прожорливыми песцами, оно ничуть не испортилось за минувшие две зимы.

Достойный человек для мести, что говорить...

19. Вальхалла

Через несколько дней Оттар заскучал и подступил к конунгу:

— Позволил бы ты мне, отец, сходить вверх по долине. Хочу посмотреть, что там забавного в глубине страны, за ледником.

Ракни, возившийся в корабельном имуществе, не слишком обрадовался.

— Я тебя отпущу, а в это время тролли принесут сюда Вагна. Ты об этом подумал?

Оттар ответил:

— Об этом можно спросить Гуннлоги.

Он открыл оружейный сундук, вытащил меч, развязал ремешок на ножнах, повернул меч рукоятью вниз и с силой встряхнул. Лезвие не выдвинулось наружу и на полпальца.

— Видишь? — сказал Оттар весело. — Гуннлоги полагают, что ты можешь отпустить меня и нечего не бояться. И я совсем не чувствую, чтобы духи-двойники Вагна сюда приближались. Иначе мы с тобой уже челоусти вывернули бы от зевоты.

Ракни долго смотрел то на Оттара, то на меч. Потом спросил по-прежнему недовольно:

— А с собой кого ты возьмешь?

Оттар обернулся и кивнул на Хельги, стоявшего неподалеку:

— Да хоть его.

Ракни смерил глазами Хельги и разрешил:

— Ну, с этого-то в случае чего все равно толку немного...

Хельги остановился, словно уткнувшись в стену лицом, и кровь бросилась в щеки. Мимо него проскочил Карк и согнулся перед Оттаром в три погибели, умоляя:

— Возьми меня...

— Зачем? — удивился Оттар. — Хватит мне одного товарища, я же не пойду далеко.

Но Карк повалился на колени и принялся так униженно обещать, что понесет самый тяжелый мешок и каждый день будет готовить еду, что Оттар в конце концов махнул рукой:

— Ладно, только чтобы не слушать, как ты скулишь.

Вольноотпущенник вскочил и немедленно побежал собираться. Оттар усмехнулся ему вслед и покачал головой, а Хельги неприязненно подумал, до чего все-таки Карк был некрасив. Это так: невольник может быть сколь угодно пригож, но истинной красоты в нем никогда нет и не будет. Не живет красота без мужества и без свободы. А мужественный человек не потерпит, чтобы его называли рабом. Хотя бы это ему стоило жизни. Вот такого наверняка запомнят красивым. Даже если он был хром, горбат и впридачу черноволос...

Белая спина ледника неистово сверкала на солнце, и Оттар радостно щурился:

— Вагн говорил, его все время подмывало разведать, нет ли чего интересного за перевалом. Но они были заняты охотой, потому что хотели добыть клыков и шкур для торговли, и никуда так и не выбрались. Мы побываем там самыми первыми, ты понял?

Ледник длинным языком уходил вниз, к воде. Дом Вагна и синий корабль возле него казались игрушечными. Дальше виднелся залив и каменный мыс в его устье: за ним волновалась холодная, солнечная синева большого фьорда с неторопливо плывшими айсбергами и бурьми в белых шапках горами на том берегу... Оттуда дул могучий, ровный, стремительный ветер, и из глаз сами собой катились слезы. Только ли от холода, или, может, еще от восторга?... Дурманящий простор и совсем не такой, как дома, в зеленых горах Раумсдаля. Смешно даже вспоминать, сколь громадным и исполненным тайны совсем недавно был родной уютный фьорд!

Чего стоил один заповедный мыс с его Железной Скалой! А теперь все это шапкой можно было накрыть, словно гагачье гнездо с сидящей на нем крапчатой уткой...

Хельги слышал, конечно, что Вальхалла, обитель Отца Богов, была чертогом с многими очагами в полу и со стенами, увешенными оружием. Все так, но ему с детства представлялось не дымное жилище, пропитанное запахами стряпни, а что-то похожее на морозные, полные света зимние облака... Нет, на месте Одина Хельги точно поселился бы где-нибудь здесь. Боги не возделывают полей, человеческая пища им не нужна. Но не нарочно ли была создана эта ширь, чтобы любоваться ею с порога Вальхаллы — зрелище, достойное героев, а ведь был меж ними и отец!..

Каждый человек не просто живет сам. Его грудью дышат бесчисленные поколения рода, все, ушедшие в непроглядную темноту, и все, кому еще не настало время родиться. Глазами сына смотрел на Свальбард Хельги Виглафссон, которого сожгли в Гардарики. И дед Виглаф, мечтавший повидать эти края. И от того вдвое радостней было глядеть по сторонам и шагать вслед за Оттаром по камнепаду, взбираясь все выше!

Карк сдержал обещание: действительно навьючил на себя все припасы и еще порывался идти первым, особенно когда перебирались через ледник.

— Невелика будет неудача, если я провалюсь... — повторял он умоляюще, заглядывая Оттару в глаза. Но уговорить его не сумел. Оттар сам пошел впереди, и однажды снег расступился у него под ногами, обнажив глубокую трещину во льду. Копье Оттара легло поперек, и он выскочил из ловушки еще прежде, чем Хельги с Карком подоспели на помощь.

— Вперед наука мне, неосторожному, — сказал он, отряхиваясь и сплевывая в бездонную голубую дыру. — Вот видишь, Карк, мы могли потерять не только тебя, но и всю нашу еду.

Карк молча нагнулся, помогая ему вычистить снег из сапог. Руки у вольноотпущенника заметно дрожали.

А когда они уже сошли с ледника и двинулись дальше вверх к перевалу, позади вдруг раздался удар грома, от которого все трое испуганно обернулись.

— Лед трескается, — сказал Оттар и добавил, подумав: — Так вот почему я не видел ни одной нерпы там возле края!..

Хельги хотел спросить его, в чем дело, но перехватил насмешливый взгляд Карка и промолчал.

На самом перевале тоже властвовал ветер — в глаза летел песок и мелкая пыль. Так всегда, если земля не укутана травяной шубой, не прошита гибкими корнями деревьев. Скрипели под ногами камни, раздробленные водой и морозом на множество колючих обломков. Больно было идти по ним в мягких кожаных сапогах. К тому же сверкающая Вальхалла снежных гор и большого фьорда не была больше видна: впереди и вокруг лежала голая пустошь, то тут, то там вздымавшаяся в небо безжизненные скалы. Лишь морские птицы по-прежнему кружились над головами, да прошмыгнул и скрылся впереди облезлый летний песец...

— Не много потерял Вагн оттого, что не побывал здесь, — сказал Хельги, поправляя лямки мешка. Оттар откликнулся:

— Мне самому мало нравится это нагорье, но мы ушли еще недостаточно далеко, чтобы о чем-то судить.

А Карк бросил язвительно:

— Ты можешь вернуться, если раздумал идти. Тут близко, и ты навряд ли заблудишься.

Хельги остановился, задрожав от обиды:

— Я не говорил, что хочу назад. И выбирай слова, сын раба, пока я не надумал вогнать их тебе обратно в глотку!

— Хватит ссориться! — остановил их Оттар. — Я так и знал, Карк что ты изведешь меня нытьем, а его примешься задирать!

20. Рассказни плавающих по морю

Потом они увидели между холмами небольшой ледник, весь засыпанный пылью и сильно подтаявший на солнце. У одного края собралось целое озеро, и в нем шумно плескалось стадо гусей.

Здесь решили устроиться на ночлег. Правда, не из чего было сложить костер, но в мешках сыскались лососи, пойманные уже на Свальбарде и приготовленные в построенной Вагном коптильне, а рядом бежала чистая голубая вода — чего еще?..

У всех гудели усталые ноги, подзабывшие в плавании о дальних переходах пешком, но троем сразу спать не годилось. А ну пожалует в белой шубе грозный Хозяин Льдов, привлеченный запахом человека, или подкрадется, горбясь за валунами, потревоженный тролль!

— Первым будешь сторожить ты, — сказал Оттар Карку. — Разбудишь меня, когда солнце доберется до той горы. А ты, — повернулся он к Хельги, посидишь после меня, пока солнце не встанет вон там. Запомнил?

Хельги кивнул и подумал, что Оттар выбрал себе самую трудную стражу — в середине ночи, когда всего сильнее клонит ко сну. Он хотел сказать, что не маленький и не нуждается в поблажках... но Оттар уже спал, с головой забравшись в мешок в поисках темноты.

...Хельги удивился спросонья недружелюбному тычку под ребра, разлил веки и увидел над собой Карка. Правду молвить, глаза открылись с трудом, и он сразу подумал, что разбудили его слишком рано, не в очередь. Он не ошибся: бледно-желтое солнце, прикрытое легкой дымкой, висело как раз над первой вершиной из тех, что Оттар указал им накануне.

— Оттару досталось вчера не меньше, чем нам, — сиплым шепотом проговорил Карк, влезая в мешок, — Особенно на льду. Буди его сам, если не выпался, а я не стану.

Хельги промолчал, лишь злорадно отметил, что мешок у него был как раз подходящий, латанный-перелатанный и грязный, криво скроенный из вонючей лысой овчины... Сидел бы вместо Оттара сам и не перекалывал этого на других!

От обиды сон как будто пропал, но Хельги знал, что непременно задремлет, если не встанет. Он поднялся и тут же застучал зубами, поспешно натягивая штаны. Северный ветер отгонял тяжелые непогожие тучи, но зато сам был по-зимнему жесток. Накануне, пока они шагали в гору, да еще с мешками на плечах, холод ощущался как-то не так...

Хельги немного попрыгал на заиндевелых камнях,

размахивая руками, но камни хрустели очень уж громко. Тогда он решительно разделся, подошел к увешанному сосульками краю ледничка, полюбовался немного таинственным светом, мерцавшим из глубины — и шагнул под обжигающе-холодные струйки, весело катившиеся в озеро.

Видела бы мать, подумал он, вертясь и содрогаясь под частой капелью, от которой на груди и руках выступали жаркие пятна. Да, здесь никто не лез к нему с советами и предостережениями, не упрасивал одеваться теплее и ни в коем случае не ходить на лодке мимо Железной Скалы... Но странное дело: теперь, когда надоедливые заботы матери превратились в воспоминания, они растягивали его губы улыбкой вместо того, чтобы сердить. А может, он просто стал взрослым мужчиной?

Спросить бы Оттара, но Оттар, не знавший матери, навряд ли сумел бы что-нибудь подсказать.

К тому времени, когда солнце напоролось на вершину черной скалы, оплывило ее и осталось висеть, истекая золотой кровью, Хельги распластал второго лосося и принялся его чистить. Пожалуй, пора было будить остальных, и он запустил мелким камешком в Карка, потом в Оттара. Оба немедля проснулись, и Оттар вместо благодарности выругался:

— Всякий сопляк берется судить, сильно л я устал!

Он не привык, чтобы ему возражали. Хельги отмолчался: он стерпел бы даже затрещину, на Оттара нельзя было обижаться, как не обижаться на старшего брата. Зато Карк смотрел на него в явной тревоге, ожидая отместки. Страх, достойный невольника. Древний Хельги, чье мужество не знало предела, сам пошел на казнь, не желая, чтобы вместо него убили раба. Карк, наверное, никогда и не слышал про такое, рабы редко беседуют о чем-либо кроме еды и работы. Он так и не понял, почему Хельги не стал его выдавать.

Сворачивая мешок, Оттар все смотрел на гусей, щипавших редкую зелень и громко гоготавших на том берегу. Хельги ждал, что Оттар предложит добыть впрок две-три птицы, благо каждый захватил с собой лук, — но Оттар вдруг сказал:

— Сколько гусей, а вот лебедя я больше не видел. Может, я последних застрелил возле Рогатой горы?

Они направились вниз по течению ручья. Вода в нем была мутная и неслась с бешеной силой, ворочая камни: думай дважды, прежде чем затевать переправу. Кое-где ручей проел в песчанике широкое глубокое ложе; в иных местах попадался гранит, и ручей с ревом пенился на порогах.

— Всего на пять ночей отпустил меня Ракни, — сказал Оттар. — Надо нам поворачиваться, если мы вправду хотим увидеть что-нибудь, кроме этих камней!

Весело было идти вместе с ручьем, бежавшим под гору; сделалось еще веселее, когда впереди вновь открылось далекое море и гористые острова, черные на синем, с серебряными шапками ледников. Совсем другой берег, не тот, что провожал их накануне.

Этот склон смотрел к югу, на солнце. Перевал оставивший холодные ветры, и здесь росло куда больше зелени, чем в фиорде Вагна, пага нельзя было сделать, не наступив на цветок. Хельги впервые в жизни стало жалко их мять. И как не пожалеть белые, желтые,

красные, ярко-лиловые звездочки, едва успевшие обрадоваться скудному солнечному теплу? Зря, что ли, они так прижимались друг к другу и к земле, собираясь в зеленые подушки, и на одном крохотном кустике можно было обнаружить сразу ягоды и цветы: то, в других странах успевало свершиться за одно лето, здесь растягивалось на два, а то и на три. Надо будет собрать потом десятка два разных и захватить домой — показать матери. Мать любит цветы...

Путешествие по ручью кончилось неожиданно скоро. Сперва Хельги заметил, что птицы стали носиться так часто, как бывает лишь рядом с гнездовьями, а ведь до моря было еще неблизко...

Он едва успел подумать об этом, и цветущая тундра исчезла, ринувшись в бездну обрывом чудовищной высоты. На выступах слоистого камня кричали и суегились вездесущие кайры. Ручей с разбегу перелетал через кромку и падал вниз цельной струей. Шума ее падения нельзя было различить.

Оттар первым подошел к самому краю и посмотрел вниз, оперев руки в колени.

— Ого, — долетело до Хельги. Хельги тоже заглянул в пропасть и понял, что возглас Оттара относился не к высоте.

Там, прямо под ногами, были хорошо виден сине-зеленый, облитый солнцем фиорд с мутными пятнами в устьях речек и ручьев, впадавших с разных сторон. В глубине проступали темные мели. Устье фиорда слепило глаза, плотно закупоренное льдами. А на берегу, за сыростью и водорослями полосы отлива, стоял дом. Очень похожий на тот, что выстроил себе Вагн. Оленьи рога украшали гребень его крыши... А рядом с домом виднелся длинный боевой корабль, заботливо вытасченный на сушу и подпёртый на подпорки. И — ни души вокруг, если не считать кружившихся и галдевших обитателей гнезд...

— Вот и верь после этого рассказням путешествующих по морю, проговорил Оттар и отодвинулся от края. — Я смотрю, сюда плавают все, кому только не лень!

21. Колокольчик возле края расселины

Хельги прикинул на глаз расстояние до вершины фиорда и отозвался:

— Немалое время мы потратим, обходя обрыв. И как знать, кто встретит нас в доме.

Оттар усмехнулся:

— Даже если там сам Вагн, он не погонит нас с порога. Но на Вагна мало похоже, этот корабль не его. А обходить обрыв мы не будем, мы спустимся. Если, конечно, никто их нас не боится.

Да, лететь отсюда было навряд ли ближе, чем с железной Скалы... Хельги еще раз посмотрел вниз и ослабил лямки мешка, чтобы в случае чего легко сбросить его со спины.

Карк уже вытащил пару крепких веревок и невозмутимо сравнивал их, протягивая меж пальцев. Нетерпеливый Оттар выдернул у него одну и бросил Хельги свободный конец:

— Пойдешь вторым... я сам проверял их еще на корабле, на каждой можно вешать всех нас троих.

Карк вдруг посерел, как обсохшие на солнце булжники, и прижал огромные ладони к груди:

— Дай мне эту веревку и позволь пойти первым!.. Я здесь самый никчемный, невелик будет убыток, если сорвусь!..

Оттар ответил, привязывая веревку к ремню:

— Ты здесь самый ловкий и навряд ли слабее меня. Удержишь, если птицы стащат нас со скалы.

Хельги понуро молчал, слушая вполуха. Дома он один ползал по кручам, одолевая обрывы пострашней этого, а Оттар опять оберегал его, как маленького, ставя в середину. И мало пользы доказывать, что в горах Линсетра давно не осталось скалы, не выглаженной его животом...

Конец веревки ударил Хельги по сапогам: на лице Карка бессильная злоба мешалась с искренней мукой. Случилось что с Оттаром, вольноотпущенник не переживет его ни на день.

Оттару тоже явно не впервые приходилось карабкаться по крутизне. Мало ли у каких островов останавливался прежде Ракни сэконунг, посылая своих людей набрать вкусных птичьих яиц!

Оттар спускался медленно и осторожно, изредка поглядывая вниз. На всем огромном обрыве не было уголка, не облюбованного какой-нибудь птицей; волей-неволей Оттар тревожил гнездо за гнездом, и разъяренные хозяева взмывали из-под ног, неистово ругаясь на своем языке и целя острыми клювами в его затылок, укрытый плотной кожаной шапкой. Оттар не отмахивался, больше оберегая руки, лишённые рукавиц.

Хельги легко шел по его следу, не ослабляя сверх меры и не натягивая веревку, и улучал еще время разглядывать отчаянно храбрых насекомых, вжимавшихся в камень в какой-нибудь пяди от его лица. Капли белого помета приставали к одежде. А когда птица не выдерживала и слетала, на узеньком выступе оставалось пятнистое яичко, резко суженное к одному концу и потому не скатывавшееся вниз. Их можно было брать хоть прямо губами, но Хельги не был голоден, и птицы возвращались, переставая кричать. Потом он поднял голову и увидел, что запасливый Карк привязал к шее свою шапку и собирал в нее все яйца, до которых мог дотянуться. Больше Хельги на него не смотрел.

Он как раз добрался до карниза в целый локоть ширины, на котором можно было удобно устроиться и перестать двигаться. Оттар уже побывал здесь и спускался дальше, придирчиво ощупывая камни. Хельги невольно залюбовался им, ловким, как дикая кошка... И вдруг казавшийся прочным уступ рассыпался под Оттаром в прах, точно вылепленный из песка! Оттар повис на одной руке, тщетно шаря в поисках хоть какой-нибудь трещины. Похолодевший Хельги увидел, как неотвратимо крошилась и та единственная опора, что еще держала его над пустотой.

Оттар не попросил помощи, надеясь выкарабкаться сам, но Хельги не стал дожидаться: обвил ногами надежный гранитный желвак, торопливо намотал на руку веревку, чтобы под тяжестью Оттара не так сильно рванула, и заорал что было мочи:

— Выступ слева! Иди по скале!

Оттар посмотрел на него и кивнул, убедившись, что Хельги сидел действительно крепко. И убрал пальцы с

предательски разламывавшегося камня, намереваясь упереться в стену ногами и сдвинуться левее, где будет полечче.

...Веревка лопнула как раз посередине. Лопнула, едва натянувшись, точно свитая из гнилого мочала. Глаза Оттара изумленно расширились, а в следующий миг он полетел вниз.

У него хватило выдержки уже в падении кое-как оттолкнуться, уходя от обрыва, а потом высвободиться из лямки и пинком отбросить мешок. Хельги показалось, что Оттар падал нескончаемо долго, постепенно делаясь меньше... Белый венец бурунов был огромным: это значило, что Оттар разбился.

Хельги стащил свой мешок и повесил на выступ, потом перехватил ножом веревку, скреплявшую его с Карком. Покрепче вбил нож обратно в ножны... Карк что-то кричал, но Хельги не слушал. На узком карнизе было не разбежаться. Хельги взмахнул руками и прыгнул прямо с места. Мелькнул, впечатываясь в память, одинокий синенький колокольчик у края расселины...

...Да, этот откос определенно был поворотом Железной Скалы. Такая же ведьмина забава. А вода, встретившая Хельги!.. Недаром искрились кружевами белые забереги. В Раумсдале тоже бывала зимой такая водичка, но Хельги всегда благоразумно обходил стороной проруби и польньи...

Он глубоко канул в этот прозрачный жидкий огонь, но потом вынырнул и увидел неподалеку мокрую, без шапки, облизанную голову Оттара, Оттар подплыл, яростно загребая руками, и хрипло велел:

— К берегу! Живо!..

Он знал, что в подобной воде совсем необязательно

тонуть. Человек погибает в ней прежде, чем кто-нибудь сосчитает до тысячи.

Хельги поплыл с ним рядом; плылось гораздо труднее, чем тот раз дома, хотя и тогда он не на шутку боялся замерзнуть. Отлив мешал им, и возле самого берега Хельги вдруг разом перестал чувствовать руки и ноги. Оттар за шиворот выволок его на сушу. Здесь не было солнца, зато ветер, стекавший с ледяных гор, немедля вонзил отточенные ножи. Это был холод, какого Хельги никогда раньше не знал. Проковыляв несколько шагов прочь от воды, он увидел на своей одежде расплывшиеся пятнышки льда и понял, что это воистину приближался конец. Он подумал о смерти почти равнодушно. Что-то в нем еще требовало борьбы, но кровь и жизни быстро отступали вглубь тела, и сознание съеживалось, уходя.

— Раздевайся! — крикнул Оттар. — Раздевайся, щенок!

Хельги поднял руки, но пальцы не гнулись. Оттар содрал с него полушубок. Сам он был уже голый, белый с синими губами и какой-то по-особому гладкий, точно сделанный их подтаявшего снега. Хельги, наверное, выгладел не лучше. Оттар сунул ему в руки увесистый камень:

— Беги! В гору беги!..

Хельги выронил камень и попытался сесть. Жестокая оплеуха заставила выпрямиться, но ненадолго. Холод добивал его, холод, в который просто нельзя было поверить. Холод по имени Модсогнир — Высасывающий силы. Хельги не понимал, что такое гора.

Оттар заставил его снова взять камень и вытянул по

спине поясным ремнем, на котором еще болтался обрывок веревки:

— Бегом, говорю, ты, рожденный в помойке!..

Серебряные бляшки ранили кожу, но крови не было. Сперва Хельги едва тащил ноги, однако удары и ругань сыпались беспощадно, и он зашагал уверенней, потом побежал. К концу подъема он начал соображать, что происходило. Он сказал Оттару:

— Хватит меня пороть, теперь я не упаду.

Вниз они спускались наперегонки. У воды повернули и снова побежали вверх, каждый со своим камнем. Вот когда Хельги почувствовал в спине и плечах саднящую боль, провел ладонью и увидел на руке красные капли!.. Тело оживало, всю кожу кололи изнутри маленькие иголки.

Они взбежали на косогор еще два или три раза, и к ним подоспел Карк. Он тяжело дышал, но Хельги сразу понял, за что Оттар называл его самым ловким. Карк даже не растерял птичьих яиц из шапки, висевшей на шее. А в глазах вольноотпущенника стояли, кажется, слезы. Этот с радостью вспорол бы себе живот, только чтобы Оттар мог обогреть руки!

— Костер разложи! — велел ему викинг. — Побольше...

Карк бросился складывать плавник. Его спальный мешок остался сухим; Оттар не пожелал греться один, и пришлось сделать из мешка одеяло. В него закутались оба, и Карк постарался, конечно, чтобы Оттару достался самый теплый и пушистый кусок.

Одежда сохла отчаянно долго, и камни пригодились еще не раз. Карк хотел раздеться, но Оттар ему не позволил:

— Не легче замерзать втроем, чем вдвоем.

Карк испек собранные яйца и все предлагал их Оттару, но на еду никого не тянуло. Наконец Оттар и Хельги влезли в горячие, пропахшие дымом полушубки и немедленно повалились спать прямо на камнях. Не было сил дойти до близкого уже дома и постучать в дверь. Или хоть удивиться, почему никто не вышел спросить, что случилось и отчего столько шума на берегу.

22. Не мстят рабам и собакам

Хельги не знал, сколько они спали. Долго, наверное. Может, полсутки, а может, и больше. Он проснулся с ощущением тревоги, и точно, Оттар осторожно сжимал его руку:

— Медведи...

Хельги сразу вспомнил, что накануне у них остался на всех один лук и два копья. Незачем спрашивать, отчего Оттар не спешил на охоту.

Он медленно приподнял голову, высовываясь из-за валуна. Сначала ничего не было видно, но вскоре звери появились из-за дома и принялись играть около заросшей стены, обложенной землей и камнями. Ветер дул с их стороны, и они не чуяли людей.

Это была медведица с двумя сыновьями. Три кома желтоватого меха перекатывались друг через друга, беззлбно ворча. Наверное, низкое бледное солнце каза-

лось им по-летнему жарким. Хельги содрогнулся при мысли, как бы Хозяева Льдов не надумали еще испугаться: тогда боя не миновать. Медведжата баловались по-детски, но их возня была игрой юных чудовищ.

— Странно... — проговорил Оттар некоторое время спустя. — Ванн рассказывал, не так они ведут себя возле жилья!

— А может, это оборотни? спросил вдруг Карк. — И дом принадлежит им?..

Оттар молча сжал губы, а Хельги нашарил у шеи свой серебряный молоточек и крепко стиснул в кулаке.

Наконец медведица подняла голову, понюхала воздух и, коротко рывкнув, повела детей прочь от берега, в глубь страны. Должно быть, ветер доставил ей оттуда какую-то добрую весть.

— Мудро ты поступил, Карк, что не стал жарить уток, — сказал Оттар, выпрямляясь во весь рост и выходя из-за валуна. — Запах жареного они слышат удивительно далеко, и по ветру, и против.

Оказывается, Карк поймал двух гаг, пока они спали.

— Я выщиплю у них пух, — сказал он со счастливой улыбкой. — Ты говорил, тебе скоро понадобится...

Оттар покачал головой.

— Пух с убитой гаги — мертвый пух, и в нем толку немного. Мне нужен живой, от гнезда, из которого вышли птенцы. Он счастливее, да и теплее. Я сам его собираю.

Карк понурился и отошел, огорченный. Опять он не сумел угодить.

Когда доедали печеные яйца, Оттар спросил его:

— А где веревка, из-за которой я свалился вчера? Я не отказался бы посмотреть, отчего она порвалась.

Карк ответил:

— Я сжег ее. Мне подумалось, она заслуживала казни.

Дверь дома оказалась сколочена из крепких корабельных скамей. Твердое дерево хранило следы огромных когтей, но видно было, что жадный зверь так с ним и не справился. Оттар рассмотрел в щель, что дверь держала изнутри тяжелая поперечина. Его могла отворить только человеческая рука.

И трудно сказать, почему, но был у этой двери такой вид, словно она не поворачивалась в петлях уже давным-давно. Оттар громко постучал кулаком, хотя все трое заранее чувствовали — ответа не будет. Оттар постучал еще раз, потом вытащил нож, поддел и выбросил поперечину из зашпин. Ссохшийся запор уступил легко, точно радуясь, что кто-то его потревожил.

Внутри было тихо и холодно. В раскрытый проем падал сноп ярких лучей, но освещал лишь неведомо когда потухший очаг. По сторонам лежала плотная тьма, и Оттар негромко велел Хельги:

— Высеки огонь. Я хочу, чтобы именно ты это сделал.

Хельги молча послушался. Очаг, дрова в котором сгорели лишь наполовину, затеплился не сразу. Но постепенно мрак отступил, и Хельги увидел людей.

Сперва он так и вскочил на ноги, хватаясь за нож: чего хорошего ждать от затаившихся в потемках!.. Однако потом разглядел, что все они были давно мертвы, и перевел дух.

Четверо лежали на широких лавках вдоль стен, ук-

Алексей ИВАНОВ

КОРАБЛИ И ГАЛАКТИКА

ПОВЕСТЬ

Иллюстрации Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Глава 1. ДЪЯРВЫ

У Галактики было шесть полюсов. Авл и Евл венчали исполинский сплюснутый шар ядра, а Сбет, Гвит, Скут и Зарват находились на четырех наиболее удаленных точках диска, образованного могучими спиральями разбегающегося звездного вещества. От полюсов, открытых лишь скудным свечением разреженного межгалактического газа, расстился бесконечный пустой, неподвижный и мрачный простор Орпокены — океана, разделяющего галактики.

Злой полюс Скут находился в устье звездного рукава, прозванного Мертвой Норой, в центре скопления Ящера — плотного роя гигантских багровых звезд, остывающих в смертоносном прибое Орпокены. Через него текло Большое Галактическое Скут-Евловое течение, пересекающее пустошь Смертный Грех, скопление Инквизитора, туманность Пцера и вдоль звездной аллеи Яркий Строй уходящее дальше, к полюсу Евл. Используя силу этого течения, большой караван грузовых судов стремительно огибал жуткую Пцеру, рассчитывая через месяц прибыть к причалам урановых компаний Скут-порта. Но прогорел реактор самого старого транспорта № 23, и всему каравану пришлось лечь в дрейф.

Положение осложнилось тем, что авария произошла вблизи Дикого Улова — области астероидных полей, где гнездились дьярвы, пожиратели металла. Ветхий транспорт ставил всю флотилию под угрозу атаки из Дикого Улова.

На борту потерпевшего аварии корабля находилось два разумных существа. Первым из них был пилот-механоид. Все корабли Млечного Пути после разгрома монастыря Инквизиторов теперь принадлежали победителям — Корабельной Корпорации Сатара. С самого возникновения Корпорации ее учредитель — Сатар — записал в Корабельном Уставе, что во избежание повторения ига монахов-инквизиторов, завладевших сперва всеми кораблями, а потом всей Галактикой, управление и Корпорацией, и кораблями передается специальным автоматам — механоидам. И это было справедливо, потому что режим Энергетического Неблагополучия, царивший во Млечном Пути, всегда и везде грозил людям гибелью от неисчислимых опасностей, к примеру, тех же дьярв.

Вторым разумным существом был молодой человек по имени Навк. Он стремился успеть ко вступительным экзаменам в Музыкальную Академию в столице Скут-сектора Рамадарии и поэтому решил лететь не на пассажирском лайнере, а с грузовым караваном. Он с отличием закончил Музыкальный Лицей на провинциальной планете Пандадион. В дороге, скучая, он осматривал корабли, пока не очутился на борту транспорта № 23. Корабли были увлечением Навка, хотя в Галактике это считалось непростительным, почти порочным. Транспорт № 23 сильно заинтересовал Навка. Корабль этот был построен еще до еретической войны с монахами и до штурма монастыря Нанарбек. Навк, вспоминая жуткие сказки о злодеяниях Изуверов, с жадным любопытством осматривал корабль, этими

Изуверами и построенный. На рулях корабля он обнаружил даже вычеканенное название — "Ультар". Ни один корабль Корпорации Сатара не имел имени — это приравнивалось к осквернению, к глумлению над человеческим достоинством. Навк остался на борту "Ультара", переоборудованного под рудовоз. Здесь его и застала авария.

Пока весь караван, сжавшись в ожидании дьярв, лежал в дрейфе, Навк и механоид два часа ползали по двигательному отсеку. Наконец, масштаб разрушений стал ясен, и пилот с пассажиром вернулись в рубку.

— Докладывает пилот-механоид транспорта № 23, — сказал пилот лидер-механоиду каравана, ожидавшему на связи. — Срок ремонта оцениваю в двенадцать часов.

— По сообщению наблюдателей, из Дикого Улова вышли стаи дьярв, — ответил лидер-механоид. — Объявляю тревогу всему каравану. Через три часа дьярвы достигнут караван. Требую немедленной эвакуации пилота и пассажира на борт транспорта № 22.

— Подождите, лидер-механоид, — горячо возразил Навк. — Понимаете, этот корабль — очень древний. Для нас, для людей, он представляет историческую ценность. Нельзя его бросить здесь! Я сумею починить его за три часа, я немного разбираюсь в этом...

— Понятие "историческая ценность" в моей памяти не содержится, — бесстрастно сказал лидер-механоид. — Сожалею, но транспорт № 23 будет оставлен здесь.

— А если я не покину борт корабля? — разозлился Навк.

— В таком случае караван уйдет без вас. Согласно Уставу Корабельной Корпорации Сатара, для экипажа корабля приоритетными представляются его прямые функции. Мои прямые функции — спасти корабли и груз ценой наименьших потерь.

— Ну и черт с вами, — в сердцах сказал Навк. — Летите, сколько влезет. Вот увидите, я догоню вас.

— Скорость транспорта № 23 не позволит вам догнать нас.

— Пока вы по дуге огибаете туманность Пцера, я пролечу ее насквозь и встречу вас по другую ее сторону.

— Полеты в туманности Пцера категорически запрещены, — напомнил лидер-механоид. — Туманность Пцера — зона смертельного риска.

— Ну и наплевать, — сказал Навк. — Проскочу.

— Прошу подтвердить ваш окончательный отказ оставить корабль, — подведя итог, произнес лидер-механоид.

— Отказ подтверждаю, — хмуро ответил Навк.

— Благодарю вас, — сказал лидер-механоид. — Пилот-механоид может покинуть борт корабля. До свидания, пассажир Навк. Желаю удачи.

— Проваливайте, — ответил пассажир Навк.

Пилот-механоид — двухметровый металлический скелет, набитый приборами и опутанный проводами — не прощаясь, ушел в тоннель. Навк слышал, как он скрежещет дверью заржавевшего шлюза, как хлопает воздух, вырывающийся наружу, и с лязгом отталкиваются ноги механоида от обшивки

корабля. Через пять минут сквозь иллюминатор Навк увидел, как дрейфующий в черном объеме космоса косяк серебристых рыб — его караван — осветился россыпью маршевых огней. Тонкие струи пламени ударили из сопел. Караван беззвучно и слаженно сдвинулся с места, навалился на одно крыло и поплыл, поплыл все быстрее и быстрее в радостное созвездие Кливеров.

— Предатели электрические!.. — вслед им зло сказал Навк.

В мрачном настроении он угрюмо побрел в инструментальный отсек, а оттуда, отягощенный объемистой сумкой, — в двигательный, чтобы отремонтировать реактор. Через два часа Навк вернулся в рубку, включил проклятый реактор на прогревание, сидел в кресле, отдыхая, потом вытащил скафандр, влез в него и отправился за борт, вооружившись плазменным резаком. Он собирался отсечь от корабля огромный, раз в десять больше самого "Ультара", тендер, доверху загруженный урановой рудой. Тендер крепился к корме "Ультара" тремя двойными фермами, которые Навку предстояло перерезать.

Ступив на обшивку корабля, он задрал голову и сощурился от дробного, многомерного, беспокойного звездного света. К корме вели монтажные пути — ряд металлических обручей, соединенных длинными штангами. Навк пополз сквозь них, цепляясь рукояткой резака. Поверхность корабля ярко и мертвенно-бело блестела в звездном сиянии, и за космическими огнями стеной стояла неразбавленная тьма мироздания.

Выбравшись на шершавую, бурую броню кожуха двигательного отсека, Навк увидел за кормой корабля огромную цистерну грузового тендера. Он подобрался к ближайшей паре дырчатых ферм-консолей и устроился поудобнее. Штык плазмы вонзился в металл, и металл начал краснеть, дрожать и рваться, как мокрая бумага. Навк распилил первую консоль, вторую и, моргая от напряжения, оглянулся. И едва не закричал от ужаса — сверху на корабль пикировала дьярва.

Дьярвы были закованными в пупырчатый панцирь чудовищами, каждое размером с "Ультар". Формой они напоминали трехгранную пирамиду, в основании которой находилось сопло их внутреннего реактора, а острие представляло собой клюв. По углам у основания, занесенные для удара, дыбились три огромные клешни-кувалды. Навк увидел, как передняя тварь врезалась клювом в тендер, насквозь пробивая корпус, а сверху еще рухнули клешни, сминая металл гармошкой, вздернулись снова и начали бить. Клюв раскрылся, и ядерный моллюск, роняя клочья плазмы, погрузил свои псевдоподии в содержимое тендера, как пиявка, высасывая расплавленную руду. Из глубин космоса летели все новые и новые чудовища, вонзались в тендер. Корабль качался от их ударов. Это спасло его, когда одна из дьярв ринулась прямо на рубку. Ее отбросило, и она, раскрыв клюв в космической пустоте, словно взорвалась от внутреннего давления, выплюнув стужок огня и сумасшедше завертев клешнями.

Замирая от страха, Навк пополз по сотрясающемуся корпусу к следующим консолям. Он принялся пилить другую ферму, вполглаза следя, как новая

дьярва спикировала на корабль, но не смогла пробить обшивку и лишь оставила в ней глубокую вмятину.

Консоль, наконец, лопнула, и Навк полез к последней ферме. Дьярвы носились вокруг "Ультара", спшибались, взрывались, пикировали. Над головой Навка полыхали огненные всплески и бесновались тени. Тендер уже превратился в неопишное месиво из космических хищников, которые врезались в него, втискиваясь между братьями, и тут же лопались, раздробленные кувалдами соседей. На место взорвавшихся сразу приносились новые. Вся стая клочкотала, бурлила вокруг тендера, расшвыривая куски ядерных моллюсков, скорлупу панцирей и отломленные клешни.

Третья консоль отделилась от брони корпуса и поплыла в сторону, пройдя над самой головой Навка. Почти не дыша от ужаса, Навк нырнул в уцелевший монтажный тоннель и сквозь обручи на четвереньках зашпешил к шлюзу. Маленький корабль привлекал чудовищ гораздо меньше, чем огромный, легкодоступный тендер, и это его уберегло; но очередная тварь все же впилась в него и иступленно колотила клешнями. Навк, проползая в опасной близости от летающих молотов, чувствовал, как весь "Ультар" ходит ходуном.

Добравшись до шлюза, Навк втиснулся в люк по пояс, нацелил раструб резака и дал выстрел в полную мощь батарей. Плазменное копье вонзилось в бок вгрызавшейся дьярвы и вылетело с другой стороны. Тотчас из пробоины ударил раскаленный фонтан выброшенных внутренностей чудовища. Навк упал в шлюз, выскочил в тоннель и, выбравшись из скафандра, припустил к рубке. Он свалился в пилотское кресло; не теряя времени, дал старт, с ходу загрузив реактор на полную мощность. В корме глухо заворчало, а потом заревело. По переборкам поползла вибрация. Ускорение мягко завалило Навка на спину. В реакторе снова горели предохранители, насосы снова не справлялись с дейтериевой водой, а жестокое напряжение рвало процессорные цепи, но теперь уже некогда было щадить двигатель. "Ультар", дрожа, все убыстрял ход. Реактор вошел в маршевый режим. По дуге обойдя другую стаю дьярв, несущуюся к месту побоища, корабль помчался к туманности Пцера.

Глава 2. ПЦЕРА

Сначала как-то незаметно гасли звезды; впереди, по курсу — быстрее, а по сторонам — медленно и неохотно. Тьма охватывала со всех сторон, и ощущение движения исчезало. Корабль ровно, без единого толчка, висел в пустой черноте. Но потом впереди во тьме стали проступать смутные светлеющие тени, какое-то внутреннее волнение, неоднородность мрака. Наконец обостренное зрение нашарило зыбкую границу туманности, выпуклые объемы ее масс. И вскоре во всю ширь вселенной растеклось холмистое поле скопления космических газов. Оно таяло, меркло вдали и дымно отсвечивало прямо по курсу.

И тогда Навку по-настоящему стало страшно. Что он для вселенной? Металлическое зернышко с искоркой внутри — что он со своим кораблем может противопоставить исполинским концентрациям

масс, астрономическим величинам сил, неумолимым океанам энергии, не поддающемуся осмыслению ходу времен? Караван ушел, оставив Навка наедине с вечностью, он словно по широкой дуге обогнул вечные вопросы, и те с неизрасходованной страстью набросились на Навка, приняв облик космических чудовищ, пожирающих звездолеты, запретных миров, где тайный нечеловеческий замысел ломает человеческую природу, призраков великих, но погребенных в веках цивилизаций, истлевшая древность которых сквозит в бледном свете ветхих звезд, и тех жгучих смертоносных загадок, что мерцанием запретельного знания приваживают и губят отбившихся одиночек.

Неизбывное, беспросветное одиночество корабля, затонувшего и погрузившегося на самое дно, пронзило Навка. Спасаясь от тоскливой неприкаянности, Навк попытался вспомнить что-нибудь радостное из жизни кораблей. Но такого не вспоминалось. Заводы-автоматы собирали серийные звездолеты и с клеймом "Корабельные верфи Сатара" спускали по стапелям в космос. Корабль служил свой срок в однообразных, как пустыня, рейсах, сходил с трассы и кончал жизнь в деструктурных цехах той же самой Корабельной Корпорации. Одиночество не разбавлялось даже смутной романтикой космических дорог. А если эта романтика и вторгалась в виде аварий, метеоритных атак, судорог силовых полей или космических чудовищ, то все это лишь приближало деструктурный цех и лазерные пилы. Навк больше не мог думать о кораблях.

Он долго глядел в непроглядную тьму Пцеры, и вдруг ему начало казаться, что гигантские невидимые призраки обступают его со всех сторон. Навк включил мощный прожектор. Луч его, колесом прокатившись вокруг "Ультара", вырвал из тьмы ее тайную начинку — три трансгалактических крейсера взяли корабль в кольцо. Три сизые бронированные громады висели справа, слева и сверху над "Ультаром". И когда их секрет был раскрыт прожектором Навка, они, не таясь, зажгли полную иллюминацию. Целое облако света заклубилось вокруг.

Каждый крейсер был раз в тридцать длиннее "Ультара". Их выпуклые борта покрывал синеватый космический иней. Навк с трепетом глядел на боевые башни, высоко встающие над палубой, на покатые, приземистые, влетающие друг на друга надстройки, сверху заросшие черной арматурой, среди которой торчали решетки радаров, медленно крутились лопасти локаторов. Навк смотрел на широкий пролет капитанского мостика, где в крошечных тусклых иллюминаторах изредка вспыхивал слабый отблеск. Навк видел направленные в темные тучи ракетные посты и красные стартовые сигналы на хвостовиках космических торпед, вытянувшихся вдоль бортов. Массивное брюхо ближайшего, верхнего крейсера было обнажено, броневой кожей разошелся, как две челюсти, и Навк видел зловещий улей в чреве титана — стальные соты, где гнездились боевые катера. Жуть продрала Навка, когда он ощутил все неизмеримое могущество этих хищников, чью мрачную тропу он по неведению пересек.

В сотах над "Ультаром" полыхнуло. Из темных ячеек в космос выпало несколько "складных но-

жей", или "псаев" — так в космопортах называли боевые катера марки ПСАИ: патрульно-сторожевой автоматический истребитель. На борту каждого псаев был пилот-механоид. Выпавшие в пустоту узкие контейнеры "складных ножей" сразу начали раскрываться, приобретая вид катера. Отстрелились и заняли нужную позицию короткие крылья, корпус разломился на три части и состыковался в фюзеляж, из которого на штанге выехал кормовой двигательный блок и вывинтился маячок автоматического лучемета.

Навк услышал, как заработал шлюз "Ультара", как механоиды загремели в тоннелях, и наконец один из них, вооруженный лучеметом, шагнул в рубку.

— Кто вы такой? — спросил он. — Объясните ваше присутствие в этой точке Галактики. При попытке разрушить меня и моих спутников ваш корабль будет немедленно торпедирован и уничтожен.

У Навка пропал голос.

— Я — пассажир Навк. Летел на борту транспорта № 23 каравана Пандаион — Скут-порт, 47. В районе Дикого Улова при атаке дьярв отстал от каравана и сейчас догоняю его...

Механоид долго молчал, ожидая связи с центром.

— В караване № 47 нет транспорта № 23, — сказал он. — Корабельный Регистр Сатара дает информацию, что он считается погибшим на трассе.

— А мой корабль и есть... — начал было Навк.

— Ваш корабль идентифицирован нами с транспортом № 23, — перебил механоид. — Совпадение по всем параметрам полное, кроме степени износа двигателя и корпуса. Также в Регистре не содержится сведений об обломках клюва космического хищника дьярвы, торчащих из корпуса.

— Это мое свежее приобретение, — мрачно сказал Навк.

— А что в Регистре говорится о пассажире Навке?

— Пассажир транспорта № 23 Навк считается погибшим.

— Но я жив, — неуверенно сказал Навк.

— Для идентификации вас с пассажиром Навком прошу вашего разрешения на проведение полного экспресс-анализа.

— Почему обязательно полного? — подозрительно спросил Навк.

— Чтобы определить степень вашего здоровья. Патруль Корабельной Корпорации Сатара в районе туманности Пцера разыскивает человека, большого опаснейшим психическим расстройством — кораблевой болезнью. Этот человек считает себя силантом из галактики Цветущий Куст.

— И для поисков одного сумасшедшего Корабельная Корпорация Сатара отрядила три трансгалактических крейсера? — съязвил Навк.

— Нет, — бесстрастно ответил механоид.

— Приказываете мне не верить своим глазам?

— На поиски человека, считающего себя силантом, Корабельная Корпорация Сатара направила триста шесть патрульных групп, насчитывающих восемьсот двадцать два трансгалактических крейсера-носителя, двести восемьдесят три сверхтяжелых фрегата, вооруженных планетарными аннигиляторами, пятьсот сорок сторожевых станций на внешних подступах к Галактике в Скут-зоне, четыре косми-

ческих цитадели высшей защиты и двадцать пять тысяч семьсот сорок боевых модулей для усиления охраны туманности Пцера.

Навк потерял дар речи. Подавленный, он покорно подвергся анализу.

— По картотеке пассажирского регистра Сатара вы идентифицируетесь как пассажир Навк, — сообщил результат механоид.

— А кораблевой болезнью я не болею? — спросил на всякий случай Навк.

— Нет. Ваши психические реакции в пределах нормы. К сожалению, у нас пока нет возможности внести коррективы в регистры Сатара ввиду того, что релейная станция Скут-сектора в результате массивных поисков больного человека полностью загружена. До того времени, пока больной не будет обнаружен, вы будете считаться погибшим.

— Ничего, побуду покойником, — ответил Навк. — Надеюсь, это не приведет к какой-нибудь катастрофе?

— Ваш корабль всеми следящими системами будет идентифицирован как космическое тело, например, астероид. Вас могут расстрелять траловые суда Службы борьбы с космическим мусором.

— И что же мне делать? — озадачился Навк.

— Мы можем сообщить о вас на все траловые станции по пути вашего следования. Назовите ваш маршрут.

— Вообще-то я собирался лететь через Пцеру... — начал Навк.

— Полеты сквозь туманность Пцера категорически запрещены. Туманность Пцера признана зоной высочайшего риска. Она охраняется системой боевых модулей, усиленной в связи с поиском сумасшедшего. При попытке проникнуть в туманность Пцера боевые модули открывают огонь на уничтожение по любому кораблю.

— Вот как! — воскликнул Навк. — Чтобы ты не погиб там, убьют здесь!

— Это нелогично, — возразил механоид. — В туманности Пцера опасно, поэтому на полеты в ней наложен запрет. А уничтожение, согласно Кодексу Сатара, производится при попытке нарушить запрет.

— Но если я полечу в обход Пцеры вслед за караваном, то я погибну!.. — закричал Навк.

— Очень сожалею.

Навк разозлился. "Пока меня считают погибшим, я буду признан астероидом и пройду в Пцеру под носом у их усиленной защиты. Вот так", — сказал он сам себе, глядя, как механоиды, покинув "Ультар", забираются в катера. Псаи взлетели, сложились и вошли в свои ячейки. Челюсти кожуха закрыли улей в брюхе верхнего крейсера. Корабли тронулись, плавно прошли мимо, погасили огни и скоро растаяли во мраке.

Навк выждал, пока они уйдут подальше, развернул "Ультар" и бесшабашно направил его в пучину тьмы.

Линию, на которой висели боевые модули, Навк прополз очень медленно. В боковом иллюминаторе он видел затаившееся звездное страшилище — массивный ящик, меланхолично мигающий маячком. На торце ящика, как исполнинская бабочка, сидела ажурная чаша рефлектора сверхдальнего излучателя. Неусыпный страж Пцеры не обратил внимания

на "Ультар", и Навк, ликуя, повел корабль туда, где смутно, могуче, медленно и грозно выступали из черного небытия гигантские завихрения, пласты, валы мрака, где плотный газовый слой скрывал от мира древнюю и страшную звездную россыпь Пцеры.

"Ультар" в безмолвии промчался невидимым меридианом модуля и вошел в густые газовые слои. Опрокинутый в кресле, Навк несся в толщах неизмеримой массы космической материи. Капля горячего металла, какою был "Ультар", бесконечно долго падала, падала, падала сквозь захлебывающуюся дробь галактических верст, где не то чтобы одна походила на другую, а миллион их ничем не отличался от другого миллиона. Навк потерял ощущение времени.

Но вдруг в мгновение ока "Ультар" вырвался из душевной тьмы газовых глубин в черную хрустальную пустоту. Навк успел подумать, что это стремнина Скут-Евлового течения отмахнула вязкие туманные топи в сторону. На дне ослепительно-чистого потока Навк увидел нежно переливающийся венец далеких и неведомых звезд Пцеры. Навк охватил это все одним взглядом в единый миг, а справа и слева от "Ультара", на одной скорости с ним, из тумана вырвались два боевых крейсера.

Глава 3. ИИЛАХ

С того момента, как вооруженные лучеметами механоиды ворвались в рубку "Ультара", Навк был пленником. Участь пленника оказалась весьма плачевной. Навк понимал, что ему не поздоровится, но не думал, что высшим наказанием будет полное равнодушие лишенных чувств механоидов. Для Навка на крейсере не нашлось даже каюты.

Его посадили в прозрачную пластиковую банку высотой в его рост и шириной в один шаг. Банка эта, которую Навк окрестил для себя "термосом", стояла в специальном станке, прикрепленном к палубе. Целыми днями Навк сидел на откидной скамеечке, слушая, как над его головой сопят резиновые трубы. На ночь "термос" автоматически опрокидывался набок, и Навку волей-неволей приходилось засыпать. Обиднее же всего было то, что "термос" стоял посреди темного грузового трюма крейсера.

Но вот однажды, когда Навк спал, кабина "термоса" вдруг поднялась вертикально. Навк сполз на дно и очнулся. Трюм был полон механоидов, которые закрепляли грузы. Навк понял, что крейсер достиг базы. На всех базах Сатара корабли входили в защитное поле станции с раскрытыми трюмами. Это делалось для того, чтобы за линию защиты в трюмах не проникла какая-нибудь космическая тварь, вроде пыльных тарантулов или лунных макак, не говоря уже о Черных Пиявках. Навк задрал голову. Две огромные створки грузового трюма вдруг осветились проникшим внутрь звездным отблеском и медленно, тяжело открылись, распахивая над глубокой стальной могилой трюма сияющие просторы вселенной. Неведомые звезды туманности Пцера ярко и светло горели в немыслимой вышине, и Навк обрадовался им, как люди радуются радуге после долгой грозы.

Сторожевой спутник, раскинув воронки излучате-

лей, парил над разъятым трюмом, перемигиваясь зелеными огоньками. Но Навк не разглядывал этого цепного пса Сатара. С изумлением он смотрел на саму станцию, висевшую невдалеке, словно чудовищный плод. Навк никогда не встречал таких станций: это была древняя космическая крепость. Стены ее, выложенные из массивных валунов, обросли ледяным мхом. Кое-где строители вмуровали грубо обтесанные каменные плиты. На своем суровом лике крепость несла следы былых осад и штурмов — выбоины и трещины, проломы от ударов тарана, закрытые ржавыми металлическими щитами. Местами камни были расколоты и соединены огромными скобами, местами поверх сокрушенных валунов лежал слой кирпичной кладки. Башни и бастионы были усилены контрфорсами. Кое-где камни облизала копоть пожаров, торчали обломанные зубцы парапетов. В брусья бастиона, служившего строителям цитадели причалом, были ввинчены тяжелые толстые кольца. Но Корабельная Корпорация Сатара переоборудовала древнюю твердыню. С некоторых башен срезали своды, и в них установили лучебои. Толщу стен просверлили лазерные бойницы. Подъемный мост на цепях был снят, а широкий портал перекрыли створки ворот новейшей конструкции.

Крейсер, пройдя досмотр, поплыл дальше, и грозная цитадель опустилась за урез трюма. А затем крейсер вошел в ангар, и потолок наехал сверху, закрывая звезды.

"Термос" с Навком перегрузили на самоходную платформу и по аппарели повезли внутрь станции. Навк во все глаза рассматривал длинные и темные коридоры, заполненные механоидами всех марок и классов. Платформа сновала между ними, то и дело сворачивала в боковые ответвления, опускалась и поднималась по квадратным шахтам, где некогда были винтовые лестницы, демонтированные новыми хозяевами. Тоннели были разные — широкие и узкие, перекрытые плоскими плитами, цилиндрическими сводами или стрельчатыми арками. Кое-где висели растрескавшиеся каменные щиты с вырезанными на них геральдическими чудовищами. Из стен еще торчали держалки для факелов. В темных нишах ржавели какие-то доспехи или штурмовые механизмы. Наконец платформа остановилась у шлюза. Механоиды повалили "термос" с Навком набок и пристыковали к люку, из которого Навк выполз на четвереньках. За шлюзом его поджидали два могучих страж-механоида с лучеметами. Под их злобещим конвоем Навк зашагал дальше. В крепости было холодно, дул ветер, пахло железом. Навк, привыкшего к плотной тишине своего плена в "термосе", крепость оглушила многослойным гулом, дальним лязгом, механическим воем.

Железный конвой молча доставил Навка в большой зал, все стены которого были заняты пультами. Посреди зала на квадратном подиуме сидел огромный металлический краб. Навк остановился. Краб молчал и смотрел на Навка зелеными выпуклыми глазами. Наконец какой-то новый свет полыхнул в его пустых зрачках, и он глухо прокричал:

— Перед тобой супермозг Корморан Корабельной Корпорации Сатара, главнокомандующий боевой станцией Иилах спецфлота Иилаха, прокуратор

туманности Пцера. Отвечай, пассажир Навк, зачем ты желал спасти свой корабль? Ты сожалел о его стоимости? О стоимости груза? Ты знаешь, что ты одушевил корабль своим нежеланием бросить его?

— А разве это запрещено? — хрипло спросил Навк.

— Кто тебе внушил, что корабль может быть одушевлен?

— Никто... Я и не задумывался об этом. — Навку стало жутко.

— Зачем тебе надо было попасть в Пцера? Знал ли ты человека по имени Корабельщик? Знал ли ты о войне Кораблей и Мамбетов? Знал ли ты об учении Полночи в Мироздании? Знал ли ты об идеях монахов Нанарбека? Знал ли ты правду о Ереси? Знал ли ты о Галактическом Тормозе?

— Как много вы всего спросили... — запинаясь, сказал Навк. — Корабельщик — это предводитель монахов-Изуверов, Нанарбек — их столица, Ересь — всенародное движение против владычества Изуверов в Галактике, возглавленное Сатаром... Но это известно всем со школы из Великого Галактического Эпоса "Сатариада" и было давно, несколько веков назад... А больше я ничего не знаю.

— Значит, ты по своей воле одушевил корабль, — сделал вывод прокуратор. — Признаю тебя психически больным. Ты сумасшедший. Твой разум поражен кораблевой болезнью. Приговариваю тебя к пожизненной терапии в колонии на планете Калат. Твой корабль отправляю в деструктурный цех для уничтожения. Именем Сатара, да будет так.

— Нет, погодите!.. — закричал Навк, перепугавшись, но страж-механоид моментально ткнул его в затылок стволом парализатора. Яростная вспышка словно огнем продула Навка насквозь...

Очнувшись он оттого, что кто-то довольно сильно бил его по лицу.

Навк разлепил веки и увидел, что лежит в просторном темном помещении. Стены и своды его, сложенные из огромных кирпичей, покрывала плесень. Столбы и пологие арки поддерживали низкий потолок каземата. Единственная лампа над маленькой стальной дверью мрачным багровым светом озаряла шербатый пол с черными трещинами. Угрюмые дальние пространства терялись во мраке. Кое-где вдали Навк с ужасом различал висевших под потолком нетопырей, обросших бурой шерстью. А по скакам Навка бил огромный старик, сидевший перед ним.

Он был необыкновенно худ, широкоплеч и сутул. Одежду его составляли рубаха с разорванным воротом и истрепанные штаны, заправленные в высокие ботинки. Лицо у старика было каким-то пепельным — так темнеет кожа от космического излучения, — в его выражении было что-то сумасшедшее, хищное, безжалостное и измученное. Морщины изрубили лицо, как сабельные удары. Взгляд запавших глаз был исполнен такой силы, что ощущался как прикосновение. У старика была огромная шапка седых волос, которые спутанными кольцами падали на плечи, и такая же взрытая борода.

— Ты — силант из Цветущего Куста? — спросил старик.

Навк промычал что-то в ответ, ничего не понимая.

— Че-ло-век!.. — с непонятной ненавистью вос-

кликнул старик и сказал неизвестно кому: — Это человек, Дождилика... Силанта еще нет...

— А где мы? — с трудом спросил Навк. — Уже на этом... как его?.. на Калаате?.. — Навк подумал, что сумасшедший старик очень похож на обитателя колонии Калаата.

— Нет, — грубо ответил старик. — Это застенки Иилаха. А ты сослан на каторгу? За что?

— Не знаю, — пожал плечами Навк. — Понимаете, как было...

И Навк пересказал свою историю.

— А почему ты пожалел корабль? Ты пилот?

— Нет. Пилотами бывают только механоиды. Человеку слишком опасно выходить в космос, это делают немногие, да и то в случае крайней необходимости. Я вообще-то музыкант. Мои родители погибли, и меня отдали в Музыкальный Лицей на Пандадионе...

— А откуда ты умеешь водить корабль? — не дослушав, спросил старик.

— Видите ли, мои родители работали в лаборатории космических феноменов в Астрофизической Академии Пандадиона. Отца звали Нордаль, а маму Ольга. Они пропали в космосе во время каких-то опасных исследований. От них остались книги, одна была по пилотированию. А тот корабль, ну, на котором я летел, к тому же еще был очень древний. Его бы в музей экспонатом. Жалко, если он погибнет. Пусть его построили и Изуверы — все равно это история нашей Галактики...

— А как он назывался? — Старик, не мигая, уставился на Навка.

— "Ультар".

Старик отшатнулся, точно от удара.

— "Ультар"?! — в страшном возбуждении повторил он, хватая Навка за плечи и глядя в глаза. — Точно — "Ультар"?

— Н-не знаю... — испугавшись, пробормотал Навк. — На рулях отчеканено было — "Ультар"...

— Дождилика, девочка моя! — вдруг почти закричал сумасшедший старик. — Я нашел "Ультар"! Он здесь, на Иилахе! Не выходи из Фокуса, мы с Силантом прилетим на "Ультаре"! Береги Парусник, девочка!..

— "Ультар" все равно отправили под лазерную пилу, — сказал Навк, вдруг испытав ревность за свой корабль.

Старик зарычал, сжав кулаки.

— Силант должен успеть! — повторил он упрямо.

Навк пожал плечами. "Какой силант, какая Дождилика? — подумал он. — Бедный старик свихнулся от одиночества..."

Старик нервно зашагал по каземату, запуская пальцы в свои кудри. Тень его металась по стене.

— А что это за станция — Иилах? — спросил его Навк.

— Это не станция. Это космическая крепость древней цивилизации Всадников, изуродованная Сатаром.

— Никогда не слышал о такой цивилизации...

— А о каких ты вообще слышал? — с презреньем спросил старик.

— Ну... Мы проходили в школе древние цивилизации Галактики — Миротворцев, Труженников, Умельцев... Вот и Изуверов потом...

— Не было таких цивилизаций! Были великие галактические расы, знание о которых дошло и до других галактик, хотя океан Орпокены и непреодолим. Были Первые Люди, были Зодчие, Всадники, Хозяева, Пахари, Воители, Монахи... Все, что ты знаешь о Галактике — ложь, сочиненная Сатаром для того, чтобы лишить людей кораблей и космоса!

— Никто нас кораблей не лишает, — обидевшись, заявил Навк. — Хочешь — лети в космос на здоровье. Только это очень опасно, и Сатар, то есть Корабельная Корпорация Сатара, оберегает нас. И хорошо, что весь флот автоматизирован, что корабли водят механоиды — меньше жертв будет. Мои родители погибли из-за собственного упрямства, и надо мной весь наш интернет смеялся...

Старик очень внимательно слушал Навка.

— Дождилика, — произнес он, когда Навк кончил. — Девочка моя... Когда я умру, не возвращайся к людям. Теперь это такая гадость...

И тут дверь в каземат, лязгнув, открылась. В узкий проем въехала гусеничная платформа с непонятной конструкцией наверху. Четыре прожекторных луча ударили с платформы в старика. Его седые кудри пронзительно заблестели. Непонятная конструкция задвигалась, поднимаясь, и с платформы встал могучий террор-механоид в броне. Жерло его лучебоя, телескопически вывинчиваясь, нацелилось на старика.

— По приказу Сатара ты должен быть уничтожен, — хрипло прорычал он и сам себе дал команду: — Огонь!

Глава 4. СИЛАНТ

Удар встряхнул весь каземат так, что упыри посыпались с потолка. Проломив противоположную стену, по каземату стремительно прокатился грохочущий огненный шар. Он ударился в террор-механоид и лопнул, разлетевшись на клочья. Террор-механоид застыл у двери оплавленной покосившейся болванкой. Пламя плясало на его плечах, на камнях вокруг него. Навка и старика сбило с ног, но старик моментально вскочил. В пролом стены пролезал широкоплечий горбатый карлик. От него словно исходила какая-то энергия. Навк почти физически ощутил, как опасна близость к нему.

— Силант? — хрипло спросил старик.

— Галактика Цветущий Куст приветствует Королеву Мирю, — складывая руки на груди, глухим, но сильным голосом сказал горбун.

— Млечный Путь во мгле, — произнес старик, пристально глядя на пришельца. — Но с твоей помощью мне будет легче закрутить Валатурб.

— Для этого я шел сорок четыре таланта времени. Что сделал для Млечного Пути мой брат Ребран?

— Он погиб, — отрывисто ответил старик.

— Мы сами избрали свою судьбу. Я счастлив, что брат Ребран выполнил свой долг. Что предстоит мне?

— Ты должен помочь мне выбраться с Иилаха.

Разбитая конструкция у входа вдруг отлетела в сторону, и в проеме показался другой террор-механоид. Он едва успел подняться и выставить лучебой, когда словно бы огромный невидимый каблук наступил на него и с хрустом раздавил. Старик и

силант нырнули в освободившийся проход и исчезли, оставив Навка одного. И сразу после этого свод над головой Навка просел и осыпался.

Оглушенного и полужадохнувшегося, отчаянно кашляющего Навка выволок из обвалившегося каземата третий террор-механоид. Безжалостные стальные манипуляторы бросили Навка в клетку на корме механодонта. Юркий механэрикс, летевший под потолком, кинулся вперед, завывая басовитой сиреной, чтобы освободить дорогу. Тяжелый механодонт побежал по тоннелю вслед за ним, унося на спине Навка.

Навк трясся, цепляясь за прутья клетки, и видел, как переполошились все механические бестии Иилаха. Шагали тяжеловооруженные механозавры, гренадер-механоиды мчались по боковым ходам.

Навка вытащили из клетки у самых дверей прокуратора и втокнули в зал, где на подиуме все так же восседал металлический краб.

— Кто освободил старика? Силант? — прорычал прокуратор.

— Старик называл его силантом... — растерянно ответил Навк.

— Куда они направились?

— Не знаю... — соврал Навк. Он догадывался, что старик и силант пошли на "Ультар". "Зачем я прикрываю их? — быстро подумал Навк. — В их схватке я — мелкая сошка, разменная монета... Со мной никто не будет церемониться... К тому же они-то меня бросили..." Но смутное чувство солидарности с тем, кто, как и он, сидел в застенке Иилаха, побуждало Навка молчать.

— Если ты не скажешь, то умрешь! — грозно проревел краб.

Навк молчал, затравленно глядя на прокуратора.

Но вдруг каменная плита в полу треснула и провалилась вниз, а из пылающей дыры с грохотом, как из преисподней, поднялся силант. Он тут же обеими руками схватил краба за клешню, легко сдернул с места и, махнув им над Навком, швырнул в глубину зала. Корпус прокуратора лопнул от удара о стену, из пробоины повалил дым и посыпались мелкие, как орехи, шарики электричества. Четыре лапы Корморана конвульсивно проскребли по полу и, скрючившись, замерли.

— Учитель послал меня за тобой, — сказал силант Навку, окаменевшему от потрясения. — Твой корабль не хочет улетать без тебя.

— Мой корабль?.. — тупо повторил Навк. — Без меня?..

— Я донесу тебя, — сказал силант.

— Донесете? — ошалело переспросил Навк. Внезапно стены, пол, потолок колесом прокрутились в его глазах. Это силант, ухватив Навка мощными руками, перевернул его в воздухе и усадил на свой горб.

— Держись за волосы, — велел он, и Навк едва успел ухватиться.

С непостижимой скоростью силант промчался по залу и нырнул в проход. Навк инстинктивно пригнулся, чтобы не разбить лоб о какую-нибудь арку. Силант вылетел в тоннель и понесся вперед.

Замелькали кирпичи, стены, ниши. В ушах зашумело. Силант пулей преодолевал расстояния. У Навка все внутренности подскакивали к горлу, когда силант кидался в повороты ходов. Механоид, по-

павшийся им на пути, был мгновенно сбит с ног. Навк еще успел услышать, как тот громыкает, катясь по камням вслед беглецам. Другой механоид только вздернул лучемет, как силант уже проскочил мимо, отшвырнув его к стене. В руке силанта остался вырванный из плеча с проводами манипулятор механоида, в котором было зажато оружие. Не замедляя бега, силант открыл из него огонь по встречным механоидам. Навка охватил почти суеверный ужас, когда он увидел, как стрелы лучей уносятся вперед, прожигая врагов, а силант бежит мимо горящих механоидов, словно мимо горящих деревьев. Израсходовав батарею, силант выбросил лучемет. Когда новые стальные твари кинулись ему навстречу, он прогнал перед собою огненный шар, в котором механоиды плавилась, застывая на полушаге перекошенными скелетами. Выбив в броске двери в конце тоннеля, силант с Навком на плечах вылетел в пустоту.

Они оказались в гигантской галерее, по дну которой на транспортере ехал целый вал железных обломков. Далеко впереди эти обломки рушились в вертикальную шахту. Над шахтой, как над кратером вулкана, освещая дикие камни стен, стояло яркое зарево — там находились сверхмощные лазерные пилы. "Ультар", криво лежащий на конвейере, медленно приближался к роковой пропасти.

Силант понесся к нему прямо по воздуху. Между тем "Ультар" качнулся, накренился и вдруг нырнул в шахту, взмахнув хвостом. Силант в отчаянном пике настиг его и рукой вцепился в элерон хвостового руля. Его могуче рвануло вниз, а Навк едва не соскочил с плеч силанта — все его тело вмиг раскалилось от напряжения. Силант, повиснув в пустоте, держал целый корабль над сияющей пропастью, из которой поднимался кипящий воздух.

— Корабль не включит двигателя без твоего приказа, — утробно прогудел силант, и Навк его понял.

Он перекинул ногу через лобастую голову силанта, по его раскаленной руке съехал вниз и перебрался на хвост корабля. По кромке хвоста, раздирая комбинезон и живот, Навк сполз на крышу, а затем в раскрытый кормовой люк. Он кувырок докатился до рубки, упал на пульт и вдавил штурвал в панель. Старик, пристегнувшийся к пилотскому креслу, с ненавистью полоснул по Навку из-под бровей взглядом побелевших глаз. Турбины "Ультара" синхронно взвыли, и корабль подался вверх, прочь от страшной глотки Иилаха.

— Теперь лети над транспортером и вышибай створки, — велел старик. — Нам надо в космос.

"Ультар", как луч света, пронзил всю длину галереи, сбил, точно сухие ветви, манипуляторы, которые заботливо укладывали обломки на конвейер, и таранил металлические ворота. Квадратная пластина вырвалась из креплений и, вертясь, затанцевала в распахнувшемся звездном просторе, куда вынесло и "Ультар". По напряженной дуге кораблик обогнул мрачную глыбу Иилаха, и угрюмый гигант, покорно поворачивающийся вниз, вдруг показался Навку быком, целиком насаженным на вертел его победы.

Тяжелые шаги в глубине корабля заставили Навка оглянуться. Это возвращался силант. Волосы колыхнулись на голове Навка. Вместо глаз силанта

бугрились узлы черной плоти. Вместо ноги, оторванной по колено, в палубу упирался заостренный металлический стержень. Вместо ладоней из окровавленных запястий торчали два крюка.

— Меня ударило о створку ворот, — глухо произнес силант. — Но это не лишило меня моей силы. Что надо сделать еще? Я могу выполнить все, учитель.

— Хорошо, — жестко сказал старик. — Я знаю, как велика сила силанта. — Лицо старика было безжалостно. — В крепости Иилах, построенной Всадниками, есть огромная пещера. Раньше от битв и ураганов Всадники укрывали там оцера — межзвездного вола, который таскал их крепость по всей Галактике. В этой пещере сейчас Сатар.

— Я понял, учитель, — ответил силант. — Я погибну, но разрушу Иилах и убью Великого Мамбета. Это долг галактик перед Королевой.

На лбу его запульсировала кожа, надулась волдырем и вдруг лопнула. Циклопический глаз открылся на челе силанта.

— Мне хватит силы, — уже другим голосом сказал силант. — Я буду счастлив, если мой огонь осветит Млечный Путь. Королева Миров взойдет на небосводе вселенной. Запомни мое имя, учитель, и назови его другим силантам — Зелва.

— Прощай, Зелва, — произнес старик.

Силант развернулся и вышел из рубки. Шаги его стихли, вздохнул шлюз и хлопнул люк. Маленькая искорка, выйдя из-за уреза иллюминатора, стала, как снежинка, падать на Иилах. И в холодной глубине пространства узловатый орех цитадели вдруг треснул. Вихорек яркого пламени завертелся на его скорлупе, заметался, раскручивая спираль, и наконец яростный огонь охватил Иилах со всех сторон, пожирая его. Пылающая роза поплыла по мирозданию, шевелясь, как клубок змей, клокоча, бурля, рассыпая по мраку искры, точно капли крови.

— Смотри!.. — вдруг закричал старик, хватая Навка за рукав.

Словно кто-то живой метался в пожарище, как скорпион, брошенный в костер. Черная змейка, извиваясь, скользнула прочь от огненной розы.

— Это Сатар!.. — прошептал старик. — Он опять спасся... Он успел, проклятый Мамбет!.. Значит, я даром убил силанта!.. Надо уходить. Мы спрячемся на Фокусе. Но Сатар будет искать нас...

"Ультар" понесся в пустоте, и она обьяла его, как океан...

Они вышли к Фокусу — точке, где свет ближних звезд накладывался друг на друга, укрывая все, что здесь находится, от любопытного взора. Навк обомлел. Над звездным озером Пцеры плыл гигантский голубой диск, а посреди него росло белоснежное дерево. Ветви его выгибались, листва была надута, мерцание и всплески света волнами пронеслись в его сияющих трепещущих кулах. Навк глядел, не отрывая глаз, и вдруг понял, что это не дерево, а корабль, парусный корабль, стоящий над диском на тонкой игле. Его паруса невесомым воздушным утесом парили над точеным корпусом, кливера рвались с бушприта. "Ультар" опустился на плоскость диска, и от парусника к нему побежала девушка. У нее была такая же шапка растрепанных кудрей, как у старика, спускавшегося по

трапу ей навстречу, но кудри эти были золотыми — солнечные паруса над серыми раскосыми глазами. Старик обхватил девушку и закружил, а она, плача, спрятала лицо в его бороде. Навк, робея, встал за спиной старика.

Старик оглянулся на Навка и сказал ему:

— Знакомься, парень. Это моя дочь. Ее зовут Дождилика, что значит Рожденная В Звездную Непогоду. А это ее корабль, лучший корабль в Галактике, который я для нее построил — Парусник.

— А кто ты? — уже улыбаясь сквозь слезы, спросила девушка.

— Меня зовут Навк. Я...

— Навк?!.. — вытаращив глаза, вдруг почти с ужасом переспросил старик. — Ты сказал — Навк?!.. — Он помолчал, пристально глядя на Навка, и протянул ему руку: — Можешь называть меня Корабельщиком.

Глава 5. РАКАЙ

Они вышли в путь в тайфун. Тайфун, ослабленный вязкими полями пустоши Смертный Грех, прикатил через весь Скут-сектор от скопления Лучника. Оставляя за собой ключья развеянных туманностей, лопнувшие звезды, разбросанные по космосу астероиды, он вторгся в Пцеры и был снесен к ее внутреннему краю Большим Скут-Евловым течением.

Крейсера Сатара, стянутые со всей Пцеры к месту сокрушительной гибели Иилаха, тяжело мотало из стороны в сторону, переваливало с борта на борт. Навк видел их желтые хищные огни.

Старик летел на "Ультаре" вместе с Навком. Ребра кораблика потрескивали, переборки глухо стонали. Навк чувствовал, как буря наваливается на крылья и хвостовую лопасть "Ультара", стремясь столкнуть корабль с курса. Парусник, державшийся по левому борту, шел с сильным креном. Его растрепанное оперенье гнало мачты, и они дрожали, как чуткие струны лиры под грубыми пальцами варвара. Всякий раз при виде этой картины — кипящие непогодой просторы, дальние звезды, почти затянутые мглой, волчьих глаза крейсеров и сияющий Парусник в облаке тьмы — Навк представлял, как там, в рубке этой прекрасной птицы, стоит у штурвала Дождилика, которая родилась, видно, в такой же ураган.

— Крейсера не догонят нас, — сказал Навк Корабельщику.

Старик промолчал. Желтые огни отчаянно боролись с несущимися на них рядами озверевших валов. Зыбь колеблющегося пространства свихла их, не давая вырваться из свирепого противотока.

— Мы в школе изучали Великий Галактический Эпос "Сатариада", — осторожно начал Навк, обращаясь к Корабельщику. — Там рассказывается о монастыре Нанарбек, который владел всей Галактикой. Монахи-инквизиторы придумали теорию, что люди являются детьми самой первой цивилизации Млечного Пути — цивилизации Кораблей. А вы, то есть Корабельщик, были Верховным Магистром Нанарбека. Одураченные люди верили Изуверам, а вы изобрели машину, которая превращала людей в корабли. Из таких кораблей монахи собирали гигантский флот, чтобы преодолеть Орпокену и покорить

соседнюю галактику Цветущий Куст. Это были корабли-вампиры. В них загоняли людей, и корабли высасывали из них жизнь, чтобы иметь энергию для полетов. Но в Галактике родился человек по имени Сатар. В Цветущем Кусте был создан орден силантов, который посвятил себя борьбе с Нанарбеком, чтобы не было нашествия Изуверов на кораблях-вампирах. Силант Ребран пересек Орпокену, достиг Млечного Пути, нашел Сатара и дал ему испить воды из волшебного источника Синистер. Сатар стал бессмертен. Силант поведал ему правду о Нанарбеке. Чтобы проверить слова силанта, Сатар совершил паломничество в Нанарбек. Перевозчиком на планету Эрия, где стоял монастырь, был сам Корабельщик. Корабль-вампир попытался высосать жизнь из Сатара, пока Корабельщик вез его, но Сатар был бессмертен, и Корабельщик не смог причинить ему вреда. В сражении силант пленил Корабельщика, а Сатар отправился по всей Галактике разносить правду о Нанарбеке. Эту правду люди назвали Священной Ересью, и вскоре вся Галактика восстала. Отряды еретиков штурмом взяли монастырь, и владычеству Изуверов пришел конец. Все корабли-вампиры были уничтожены. Сатар учредил Корабельную Корпорацию и встал во главе ее на страже, чтобы корабли больше никогда не угрожали людям. А Корабельщик бежал из плена, убив силанта Ребрана, и скрылся на просторах Галактики. Вот такой эпос — "Сатариада".

Старик молчал с каменным лицом.

— Так я не понял, — робко продолжил Навк. — Вы и вправду тот Корабельщик, бывший Магистр Нанарбека? Но почему тогда другой силант спасал вас? Почему вы говорите, что Сатар — это какой-то Мамбет?..

— Послушай, мальчик, — сказал Корабельщик. — Я отдам тебе твой корабль. Я научу тебя, как выбраться из Пцеры. Ты улетишь, спрячешься на планетах, поступишь в свою Академию, и никакой Сатар не найдет тебя. Если ты сейчас счастлив и свободен, зачем ты желаешь знать истину? Познать истину — значит, вечно зависеть от нее и потерять радость. Наша встреча — случайность. Ты мне не нужен. Все, что ты знаешь — это ложь, но у меня нет ни сил, ни времени рассказывать тебе обо всем, да и к чему это? Замолчи, я не хочу слушать твои бредни. Верь во что хочешь, но не вставай на моей дороге.

— Больно мне надо знать ваши секреты, — обидевшись, ответил Навк. — У меня и без вас дел по горло. Как отдадите корабль, так больше меня и не увидите. А вообще-то куда мы сейчас летим, а?

— На планету Ракай, — кратко сказал старик. — Здесь должен быть выход к Ракаю. Надо ждать, когда он появится.

Навк молча сбросил скорость и безнадежно уставился в окно.

Крейсера подходили все ближе. Их мрачные огни рассыпались на более мелкие — каждый стал словно маленькое созвездие. Наконец вдали Навк различил корпуса, слабо освещенные маршевыми сигналами.

— Предлагаю уходить, — сказал Навк. — Они уже на дистанции огня...

— Ракайский Ключ! — подавшись вперед, вдруг воскликнул Корабельщик. — Лети навстречу!

Из звездной пропасти к "Ультару" приближалась искорка. Чем ближе она подходила, тем явственнее Навк видел, что это было какое-то странное космическое образование, напоминающее пружину.

И едва "Ультар" скользнул вперед, пружина начала вращаться вокруг своей оси, все быстрее, быстрее, и наконец ее спираль, раскручиваясь, образовала кольцо. Крейсера рванулись к "Ультару", почуввав, что беглецы ускользают. Стрелы лучевых ударов скрестились над кораблем.

— Дождилика, проходи первой!.. — крикнул старик. Тотчас снежная громада Парусника в плавном вираже обогнула "Ультар", качнулась, устремляясь в круглое окно, как в полынью. Тьма зарыбила от частых лучей, целым снопом выпущенных с крейсеров.

— Давай! — рявкнул старик. Навк кинул корабль в обруч, промчавшись сквозь него, как стрела сквозь кольцо.

И сразу за кормой "Ультара" обруч превратился в спираль, замедляя бег, потом скрутился в пружину и наконец сжался узлом перед бронированными рылами крейсеров Сатара. "Ультар" и Парусник парили в полной темноте. Прямо перед ними висела огромная планета.

— Это и есть Ракай? — спросил Навк. — А что за спираль там была?

— Корабли поместили Ракай в пространственный мешок, — пояснил старик. — А вход лишь один — через Ракайский Ключ. Он раскрывается только перед тем кораблем, который может назвать свое имя. "Ультар" и Парусник — наверное, последние корабли в Галактике, имеющие свои имена. Разве что где-нибудь в обвалившихся пещерах, в забытых убежищах еще ждут капитанов старые корабли монахов Нанарбека. А крейсера Сатара имен не имеют, поэтому им сюда дороги нет.

"Ультар" и Парусник опустились на Ракай там, где среди высоких скал простерлась огромная площадь. Когда Навк по трапу спустился на древние плиты, ветер, бушующий под низким серым небом Ракая, резанул лицо, выбив слезы. Вдали высилось огромное кубическое здание.

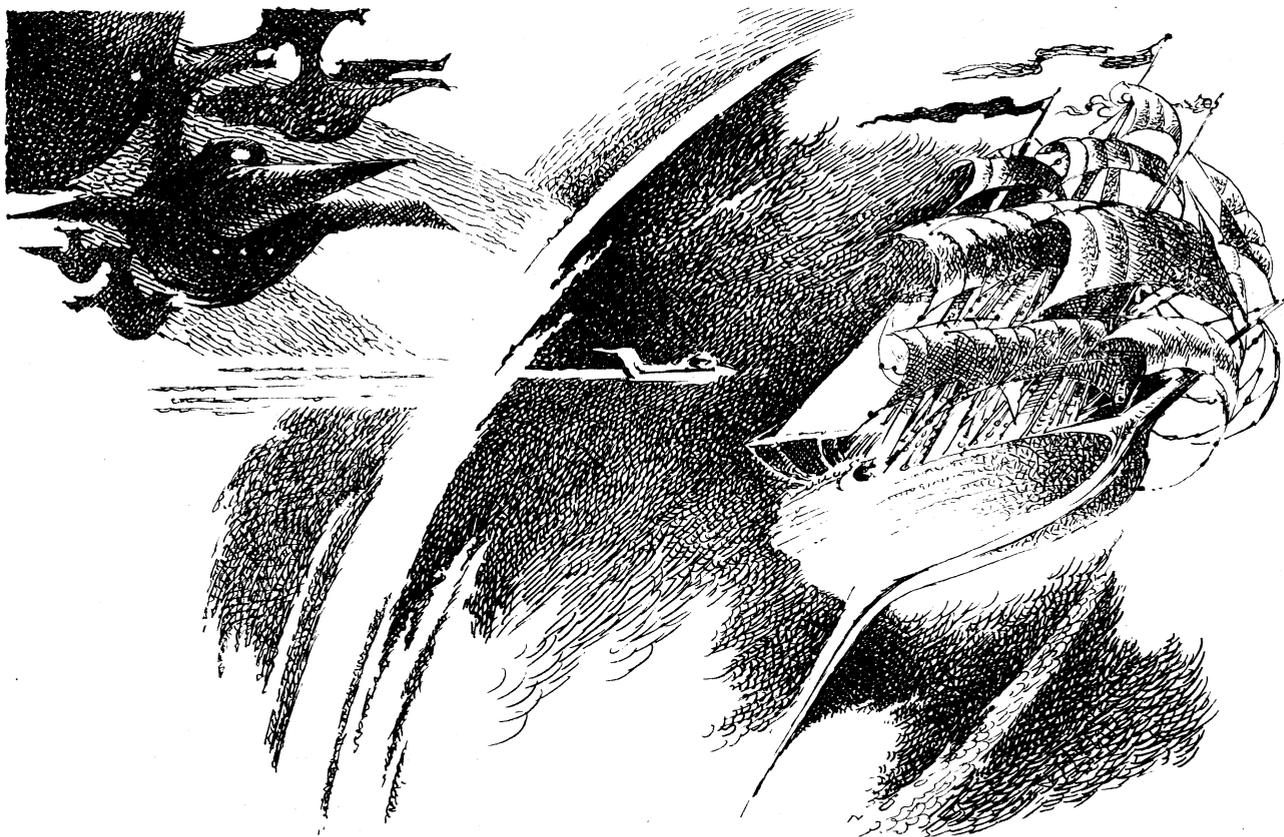
Старик молча пошагал вперед. Ветер трепал его кудри и бороду. Навк и Дождилика, переглянувшись, поспешили за ним.

— Что там впереди? — спросил Навк, догоняя старика.

— Это Храм Мироздания, — ответил тот. — Его построили еще Корабли. В нем хранятся перлиор, за которым мы сюда прилетели.

Странность, загадочность слов Корабельщика сильно подействовала на Навка. Со смутным ощущением нечеловеческого величия зодчих, воздвигших в тайном уголке Галактики грандиозный храм, Навк словно коснулся тонкого стекла, льда, покрывающего толщу неизведанной, могучей, но уже отшумевшей жизни, былых империй, войн, звезд, от которых теперь остался лишь светящийся песок.

Они вошли под гигантский купол храма, как под гранитный небосвод. Не поддерживаемый ничем, он парил в вышине. От обнаженного, чистого, пустого объема храма закружилась голова. Изнутри купол переливчато мерцал золотисто-синеватыми волнами, и Навк, приглядевшись, понял, что он весь распи-

сан линиями, иероглифами, концентрическими окружностями. Эти фрески и излучали тонкое сияние.

— Система мира... — подняв лицо, негромко произнес Корабельщик.

Седина его в отсвете фресок отливала синевою. Лицо Дождилики стало словно из серебра, а кудри — с прозеленью.

В стенах храма темнели полуциркульные ниши, посреди на странном ступенчатом пьедестале стояла чаша. Больше ничего здесь не было. Навк медленно двинулся по тонкой пыли, покрывающей пол, чтобы узнать, что находится в арках, но остановился на полпути у большого черного пятна, просвечивающего сквозь пыль.

— Тут Навага ударил меня ножом, — сказал Старик. — Это моя кровь.

Навк не решился переступить страшный знак преступления. Со своего места он видел, что во всех нишах стоят странные фигуры — черные, напоминающие скелеты. Навк содрогнулся, взглянув на их совсем человеческие лица с закрытыми глазами и печатью нерушимого покоя.

— Это чаморы, хранители жемчужины, — сказал Корабельщик. — Вечно живые мумии. Корабли вложили в них сердца межзвездных варалов.

Старик и девушка направились к постаменту с чашей. Обойдя пятно, Навк пошел вслед за ними, с тревогой оглядываясь на чамор.

Постамент представлял собой толстый каменный диск, на котором покоился такой же массивный каменный квадрат, а на квадрате — треугольник. Сверху стояла резная чаша. Пришельцы осторожно поднялись к ней. Навк увидел, что на дне чаши лежит пылающая жемчужина.

— Это и есть перлиор, — сказал Корабельщик. — Слеза Вселенной. Его оставили нам Корабли, чтобы мы запустили Валатурб. Постамент заключает в себе секрет запуска. Когда я бедствовал на Ракае после предательства Наваги и Кромлеха, я долго размышлял и отыскал ключ к пониманию. Древняя система знаков гласит, что треугольник — символ песчинки, квадрат — искры, круг — зерна. На каждой ступени этого постамента написано название. На треугольнике — "Джизирак", на квадрате — "Сингуль", на круге — "Вольтан". Я знаю во Пцере белый карлик Джизирак, знаю мертвую звезду Сингуль, но Вольтана не знаю. Надо понимать так, что у Джизирака перлиор будет песчинкой, у Сингуля — искрой, а у неведомого мне Вольтана — зерном. В этом секрет Валатурба. Са-тар отдал бы все, чтобы знать его.

— А что за иероглифы написаны на ступенях? — спросил Навк, стирая ногой пыль. — И почему они светятся?

— Все росписи сделаны кровью древнего космического вепря Уруха, — пояснил Корабельщик. — А иероглифы начертаны, чтобы знать свою судьбу. Перлиор прокатится по ступеням, и знак, который он заденет, предскажет вам будущее у Джизирака или Сингуля. Я же беру себе Вольтан. Я хочу знать, чем кончится для меня запуск Валатурба.

— Тогда Сингуль будет моим, — решила девушка.

— Сойдите вниз, — велел Корабельщик. Когда он один остался наверху, он качнул чашу и закрутил ее. И тотчас все три ступени постамента начали с шорохом вращаться. Жемчужина, лежавшая на дне чаши, побежала, покатила по спирали, наби-

рая скорость, взлетела на кромку чаши, спрыгнула вниз, прочертила все три ступеньки, оказалась на полу и помчалась дальше в пыли.

Корабельщик медленно спустился, глядя под ноги на иероглифы

— Навк, — сказал он. — Тебе у Джизирака выпала кровь... Дождилика, девочка... — Старик пошатнулся. — Перлиор коснулся знака смерти на Сингуле... А мне на Вольтане — покой.

— Я должна погибнуть? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Не знаю, — задумавшись, сказал старик. — Но если ты будешь со мной у Сингуля, ты встретишься со смертью.

Волна горечи захлестнула Навка, и он, отвернувшись, пошел по следу жемчужины, чтобы подобрать ее. След вел прямо к стене, и Навк увидел в пыли огонек перлиора. Он нагнулся за жемчужиной, а выправившись, в ужасе отлетел назад. Прямо перед ним была ниша, и чаморы в ней глядели на Навка светящимися багровыми глазами.

— О-о-они ожили!.. — заикаясь, крикнул Навк, отступая спиной вперед. — Му-мумии!..

Корабельщик быстро глянул в его сторону. Дождилика первой побежала к выходу. Навк — за ней. Последним, задумавшись, шагал старик. Они покинули темный храм и вышли на просторную площадь.

— Мы забрали перлиор, и энергия Ракая высвобождается, — произнес Корабельщик. — Скоро Ракайский тоннель откроется, но только для одного корабля. Ты не полетишь со мной, Дождилика. Жди меня в Фокусе.

— Нет, — покачала головой девушка. — Я не боюсь смерти.

— Перестань, — вдруг сказал Навк Дождилике, и девушка со стариком изумленно оглянулись на него. — Миллион лет назад кто-то нарисовал иероглиф, а ты уже умираешь... Сейчас уже все иначе.

— Иначе?! — Дождилика, казалось, разозлилась. — Что ты понимаешь в этом? Как ты можешь судить о мудрости древних цивилизаций, не зная даже, что представляет твоя собственная?.. Папа, — устало обратилась девушка к Корабельщику. — Он же все равно полетит с тобой. Пока Ракайский тоннель не открылся, расскажи ему о Кораблях.

— О Кораблях? — усмехнулся старик. — Хорошо.

Глава 6. МАМБЕТЫ

— Учение Нанарбека, которое называется "Полночь в Мироздании", утверждает: материя одухотворена насковзь. А в чем самая высокая концентрация одухотворенности? В той вещи, стихия которой — свободное движение. В той, которая, единственная из всех, не входит в сочетание со средой своего обитания, а противостоит ей, обрекая себя на вечные странствия, одиночество и гибель. Мудрецы Нанарбека называли такую вещь словом "пталь". Они знали несколько категорий пталь: по категории разума — Познание, по категории духа — Талант, по категории чувства — Любовь, а по категории материи — Корабль. Корабль! Именно в нем воп-

лотилось одухотворение материи с небывалой силой! Да и как может быть иначе? Кто ритмом своих линий, стремительностью движения являет нам образ совершенной красоты? Кто извечно будоражит наше воображение тайной своих странствий, высокой трагедией своего изгнания, силою самоотречения, бедой неприкаянности? Чье магическое притяжение срывает нас с мест и несет по вселенной? Где мы живем тысячью жизней сразу, не доживая и одной? Произнеси это емкое, звучное, вытянутое вверх слово — корабль!

Кораблями была и великая первовицилизация галактики Млечный Путь. Настоящими Кораблями, летающими в космическом просторе. Откуда они пришли — неизвестно, они не строили памятников. Они построили для нас нечто большее — они построили Галактику.

Вселенная находится в безостановочном движении, и галактики несутся в космосе по своим орбитам. Преодолеть расстояние от одной галактики до другой, преодолеть Орпокену — очень трудно, а единичная победа почти ничего не значит для двух гигантских миров. И тогда великие мегацивилизации, рожденные еще Первогалактикой Талант, так организовали движение своих галактик, что они сами плыли навстречу друг другу. И все многообразное перемещение галактик было рассчитано так, что они, сменяя друг друга, вечно сходились и расходились, проницая самих себя, пролетая одна сквозь другую, как две птичьи стаи. Такой порядок во вселенной называется Хоровод Миров — бесконечный круговорот галактик, который для каждой отдельной из них делает доступным все мироздание.

А на окраине этого вселенского вальса кособоко тащилось скопление Куча, служившее свалкой космического мусора, пока в недрах его не появились первые Корабли. Сотни тысяч лет длилась их работа. Но они построили лучшую галактику в мироздании. Они дали ей нежное и загадочное имя — Млечный Путь, и она поплыла в прозрачной тьме, как ладья, как алмазная диадема, покатила по сверкающей во мраке вселенской дороге, словно хрустальное колесо, полетела в душах всех, кого постигла беда в полночь увидеть ее на небосводе, точно несбыточный и мучительно-прекрасный сон, зовущий и неуловимый. Траектории всех других галактик сошлись на ней, и она стала центром мира — Королевой Миров.

Гений Кораблей создал великое звездное чудо, в сердце которого пылало небывалое, ослепительно-зеленое светило Таэра. Но собственное совершенство и сгубило Млечный Путь. Среди межзвездного вещества, которое пошло на строительство, были клочья мертвой, вырожденной материи — материи, лишенной одухотворенности. Неизвестно, в каких космических катаклизмах она претерпела такую ужасную метаморфозу. В любой галактике имеется такой мусор, но нигде он не был столь сконцентрирован. Млечный Путь Корабли вычистили насковзь, а вырожденную материю в коконе силовых полей, называемом Урва, подвесили в пустоте далеко за полюсом Скут. Там-то и завелись бестии, которые потом получили имя Мамбеты.

Подобно Кораблям, они обитали в космосе. Когда вся Урва переродилась в единую злобную стаю, они ринулись в Галактику. Взрывая звезды, ломая

системы, изгибая линии эклиптики, свирепые орды Мамбетов рвались к власти над Млечным Путем. И Корабли, застигнутые врасплох, не могли отбить их атаки.

Могучие и древние Корабли сражались насмерть. Но по природе своей они были одиночки, и хищные стаи Мамбетов уничтожали их по одному. Вся Галактика закипела великой войной Кораблей и Мамбетов. Все просторы Млечного Пути были усыпаны обломками Кораблей. В пыли сражений гасли, меняли цвет, загнивали звезды. Скопища метеоритных туч перекрывали прежние пути. Ширились гибельные ямы гравитационных ловушек и смертоносные завихрения энергопотоков. Странные и жуткие твари расплодились в пространстве. Стройные эллипсы орбит бесчисленных планет и лун искажались, увлекая их к столкновениям и катастрофам. Звездные трясины — Вырла — укрыли великолепную Таэру. Но хотя мрачная тень крушения и нависла над Млечным Путем, с иных берегов Орпокены чудо-галактика сияла все так же ярко и нежно, и другие галактики по-прежнему стремились на встречу с ней. На это и рассчитывали Мамбеты. Овладев своей Галактикой, они, благодаря Хороводу Миров, перейдут на другую, потом на третью, на пятую, десятую, и так до бесконечности, пока вся вселенная не покорится их игу...

Оставшиеся в живых Корабли собрались, наконец, воедино и создали флот, вспомнив навыки боя своих далеких предков и воодушевившись их грозной силой, которая просочилась сквозь плотные слои тысячелетий. Флот Кораблей начал бить стаи Мамбетов, одерживая победу за победой. Но и Мамбеты учились драться с непокорными Кораблями. У них появилось новое оружие, которое несло Кораблям гибель — оно выжигало из материи ее одухотворенность, и лишенный одухотворенности Корабль сам превращался в Мамбета.

Корабли все равно продолжали войну, пусть и обреченную на поражение. Но теперь, предпочитая гибель существованию в облике Мамбета, они создали механизм самоуничтожения. Это был объект, в котором заключался и разум, и дух Корабля. Он управлял Кораблем и пребывал с ним в симбиозе, однако был слаб настолько, что если в нем выжигали одухотворенность, то он погибал. Вместе с ним погибал и Корабль, не превращаясь больше в Мамбета. Объект этот Корабли называли Человеком.

Создание Человека ненадолго продлило эпоху Кораблей. Их раса истекла кровью. В живых после тысяч лет войны с Мамбетами остались лишь самые старые, самые опытные, самые могучие воины. Взятые в кольцо осады, они уже почти ничего не значили для Галактики. Черный день взшел над Млечным Путем. Иго живых мертвецов охватило Галактику, и венцом творения стал вампир. А тем временем через пучину Орпокены другие звездные острова плыли на воссоединение с собратом. Они все еще не знали о чуме, поразившей Королеву Миров. Мамбеты же были готовы с Млечного Пути перескочить в галактику Цветущий Куст, а дальше подходили галактики Гейзер, Форштвень, Морозный Ключ, Гроза, Райская Птица, Фонарь, а еще дальше — другие галактики...

И тогда Корабли, оценив угрозу, которую их мир представлял для вселенной, решили последним

усилием перекрыть Мамбетам выход в нее, сделать невозможной встречу галактик, сколлапсировать Млечный Путь. Они разделились на две группы. Одна из них прорвалась к полюсу Зарват и подожгла огромное облако межзвездного газа, взрыв которого закрутил Галактику вокруг своей оси, как волчок. Теперь никакая иная галактика не смогла бы пройти сквозь Млечный Путь, ибо эта встреча была чревата гибелью. Королева Миров покинула великий Хоровод. Разделенные Орпокеной, другие галактики, и в первую очередь Цветущий Куст, были спасены от нашествия Мамбетов. Сила взрыва оказалась такова, что вращение Млечного Пути само по себе прекратилось бы только через миллиард лет. За такой огромный срок Мамбеты вымерли бы, и даже слова о них не сохранилось бы на скрижалях вечности.

Однако Корабли даже перед лицом гибели не верили в свой безвозвратный уход. На тот час, когда их род воспрянет из пепла, у злого полюса Скут в туманности Пцера они — вторая группа Кораблей — построили Галактический Тормоз, или Валатурб, который мог остановить вращение Млечного Пути в любой момент, ибо нельзя жить на острове, даже если он — галактика. Мамбет не мог запустить Валатурб. Запустить его мог только Корабль. А построив Валатурб, последние Корабли вышли из Пцеры и приняли бой, в котором погибли все до единого среди несметных полчищ Мамбетов.

Но хотя Галактика и была отрезана от вселенной, война с Мамбетами еще не кончилась, ибо после Кораблей остались Люди. Жалкие, голые, неумелые, они выползали из-под обломков Кораблей, рухнувших на скалы неизвестных планет. Много тысяч лет прошло, прежде чем они окрепли, собрались сперва в стада, затем в племена, покорили горы и равнины, овладели огнем и осознали, что они — Люди, дети Кораблей, а значит, им и принадлежит весь звездный свод.

Люди стали выходить в космос. Они ловили огромных космических улиток, которые изредка опускались в луга за свежей сочной травой, приручали их, забирались внутрь, в раковину, и так путешествовали. Сперва — на соседние планеты, потом — в соседние звездные системы, а после, когда научились управлять улитками, и по всей Галактике. Мамбеты даже не заметили, как со всех сторон их оплела упрямая и живучая жизнь. И люди, осмелев, растревожили мрачный покой угрюмых космических чудовищ.

Люди первыми вступили в войну с Мамбетами. Их память несла в себе образ врага, и они принялись уничтожать Мамбетов, где только могли. Когда целенаправленная и хладнокровная бойня стала очевидной, словно грозная тень Кораблей снова навдвинулась на Мамбетов. Но люди были не такими противниками, как Корабли. К отваге и доблести Кораблей люди добавили расчет, хитрость, сплоченность и дерзость. Война в Галактике совершила новый виток. Неукротимый дух древних Кораблей кипел в человеческой крови страстью к мщению и тоской по красоте.

Люди, выстраивая фальшивые города, заманивали Мамбетов на просторы своих планет. Едва Мамбет опускался, в него летели крючья и якоря. Притянув Мамбета вниз, люди били его камнями и топо-

рами, рвали бивнями и топтали ногами исполинских животных. Мамбетов приманивали на хищные болота, а как только хоть один из них опускался, прожорливые трясиновые спруты обвивали его щупальцами и утаскивали на дно. На своих улитах люди убивали в космосе любого одиночного Мамбета, и те привыкли держаться стаями. На ледяных планетах, поливая вечную мерзлоту кровью жертвенных коров, люди выращивали Хрустальные Хризантемы, а потом обламывали стеклянные соцветия и вставляли в прорези на панцирях улитов. Собирая свет факелов, Хризантемы жгли Мамбетов лазерными иглами. Люди посылали в запретные пространства тучи межпланетных жуков-камнеедов, и те прилетали обратно с крупницей бесценного металла в брюшке. Металл этот не притягивался к массе, а отталкивался. Люди ковали из него особые щиты. Из ребер животных и глины они строили летучие крепости — традеры, закрывали их латами чудесного металла и поднимались в космос. Они ловили глубоководную рыбу го, сушили ее жабры и толкли в ступах, а потом в каменных ядрах пробивали отверстия, засыпали их толчеными жабрами и поджигали. Пылающие бомбы сыпались с космических крепостей, круша Мамбетов направо и налево. В черепах многоглавого чудовища Сзевра люди вылетали из традеров прямо в гущу Мамбетов. В этих черепах в особых мешках лежал электрический мозг Сзевра, и между двух чудовищных кльков, торчащих из челюстей, сияла электрическая дуга, разрезавшая Мамбетов пополам. Покрыв свои тела слоем сала кротов из пещер насквозь замороженных планет, которое, застывая в космической стуже, превращалось в гибкий скафандр, и взяв в зубы губку из солнечных атоллов планеты Пелла, способную еще целых полчаса выделять чистый воздух, люди выходили в пустоту драться с Мамбетами один на один. В руках они держали пики, на которые были насажены вырванные из тел огненных ящеров планеты Юкла плазмотворные железы — с них каждую секунду срывалась шаровая молния, прожигавшая любого Мамбета насквозь.

Изнурительная война шла тысячи лет, и конца ей не было видно, ибо никто не мог одолеть врага. Сама Галактика, пришедшая в полный упадок, утратившая все былое величие, опустошенная, замусоренная, полуразрушенная, казалось, взмолилась о пощаде. И наконец Мамбеты решили взять хитростью там, где невозможно было взять силой.

Сколько еще надо ждать, чтобы остановила свое вращение Галактика? И не придут ли на смену Людям еще более опасные враги? И можно ли за миллиард лет сохранить цель? Мамбеты не знали ответов на эти вопросы. И тогда они решили просто уйти в летаргию до нужного срока. Они больше не будут воевать. Они заберутся в недра планет и уснут, чтобы проснуться через миллиард лет. Об их существовании уже никто не вспомнит, и они завоюют Галактику одним внезапным ударом. А другие галактики тем временем уже возьмут курс на Млечный Путь, и Мамбеты пройдут по ним, как по мостам над Орпокеной, чтобы после смертельно долгого ожидания все же обрести невиданную власть.

И план этот во всем устраивал Мамбетов, кроме одного. Вся вселенная была одухотворена, ее про-

зывало единое излучение, которое поддерживало жизнь во всех живущих, даже в самих Мамбетах. Но если Мамбет облачался в цисту и залегал в спячку, это же излучение его убивало. После того, как Корабли закрутили Галактику, излучение вселенной в нее не проникало, а тот объем его, который остался внутри Млечного Пути, лишенный органичной связи со всеобщей одухотворенностью вселенной, постепенно выродился. Вырожденная одухотворенность — излишняя энергия Галактики — стала причиной бесконечных энергетических бурь и катаклизмов. Она окостенела в гравитационные мели, перегнивала в звездные трясины, загнивалась черными дырами, пульсировала нестабильностью тяготения, обращалась в области анизотропного пространства. Она вращала волчки выворотней, раздувала ураганы, гнала световые и магнитные цунами, раздирала космос провалами. Режим переполненности Галактики вырожденной энергией вселенной и называется режимом Энергетического Неблагополучия Млечного Пути. Личинки Мамбетов без вреда пережили бы миллиард лет, но ведь Люди могли возродить цивилизацию Кораблей, а те могли запустить Галактический Тормоз Валатурб. В таком случае Галактика прекратит вращение, остановится, и энергия вселенной хлынет внутрь, уничтожая спящих Мамбетов. Чтобы этого не случилось, Мамбеты решили оставить наблюдателем самого мудрого и самого сильного из них — Великого Мамбета Сатара. Он не должен допустить возрождения Кораблей.

И, приняв решение, орды Мамбетов разлетелись по Галактике. Облачившись в непроницаемые черные цисты, Мамбеты из космоса выбросились на планеты, винтились в грунт, поползли все глубже и глубже и, наконец, достигнув безопасной глубины, заснули в смертельной летаргии. А Сатар остался следить, чтобы у кораблей никогда не появилась душа.

Глава 7. НАУРИЯ

Седые кудри Корабельщика словно кипели под сильным и холодным ветром Ракая. Навк, взбежав по ступенькам трапа к люку "Ультара", ожидал старика, который разговаривал с Дождиликой.

— Папочка, — улыбаясь, говорила девушка. — Парусник — лучший корабль во Млечном Пути. На нем я прорвусь через блокаду у Ракайского Ключа и уйду от любой погони. Ты не виноват, что Ракайский тоннель открыт лишь для одного корабля... Лучше поспешите, ведь и в планетарных недрах энергия не бесконечна...

— Хорошо, — нахмурившись, тяжело согласился Корабельщик.

Через пять минут пространство дрогнуло от рева турбин "Ультара". Копья плазмы вонзились в деревянные плиты. "Ультар" медленно поднимался над полем. Навк увидел в иллюминаторах, как по равнине, местами проломленной метеоритами, бегут смутные и неровные тени облаков, а вдали бледно светится первый магический знак Кораблей.

Неяркая золотая полоска прямо по курсу постепенно превратилась в исполинскую оперенную стрелу, указывающую путь "Ультару". Кораблик пронесся над ней, и впереди появилось свечение

следующего знака. Вскоре в иллюминаторах внизу мощным изгибом тела блеснул Рак, вытянув вперед клешню. Потом под днищем вспыхнул знак Рыбы, потом — Кувшин.

— Что они означают? — спросил Навк, перекивая гул двигателя.

— Не знаю, — ответил старик. — Я уже забыл. Ты лучше гляди вперед. Видишь, темные тучи поднимаются из-за горизонта... Это открылись главные вулканы Ракая. Энергия стекается к тоннелю. Нельзя опоздать.

В глаза прыгнул знак Рога, вслед за ним — Солнечное Колесо. Вдали поднимались черные скалы, сгущалась угрюмая тень, и в ней засветился последний загадочный символ — Огненная Комета.

Она пронеслась внизу, как сноп искр. Навк потянул на себя рули, и кораблик опустился почти к самым плитам. В сумраке, который делался все плотнее, Навк увидел, как стремительно приближаются горы на окраине равнины. У подножия самой большой зиял портал тоннеля.

"Ультар" вонзился в его тьму. Впереди на дне тоннеля алым огнем, переливчатые, как рубины, заиграли непонятные иероглифы, начертанные Кораблями для тех, кто пройдет этим путем. Навк, окостенев от напряжения, вел "Ультар" по их ленте.

Но вот линия иероглифов оборвалась. Несколько мгновений корабль мчался во тьме, и вдруг слева вспыхнула нарисованная тем же светящимся золотом фигура человека. Навк скопил на нее глаза, не понимая, почему она не исчезает, но потом до него дошло, что он видит суммированную проекцию

многократно повторенного, точно кадр киноплетки, изображения. А светящийся человек на стене вдруг вздрогнул, словно проснулся, изменил позу и сделал шаг. Потом другой, третий, пошел, быстрее, еще быстрее, и наконец побежал, неестественно-медленно взлетая в прыжках. Навк понял, что из мглы тысячелетий Корабли дают ему знать, какой скорости надо держаться, и прибавил ходу, чтобы нарисованный человек бежал естественно.

"Ультар" летел сквозь бесконечный тоннель, а рядом с ним бежал нарисованный человек, который, как коня под уздцы, вел его, все ускоряя и ускоряя свой бег. Навк не снимал руки с панели скоростей, и "Ультар", сотрясая скалы над собой, спуска лавины по их склонам, словно демон из недр земли, рвался к выходу в свою стихию.

Прорыв сквозь барьер, разделяющий Ракай и неведомую еще точку Галактики, намеченную Кораблями, отозвался в голове Навка вспышкой огня и боли, скорчившей его, как электрический разряд. Когда же Навк очнулся, расцепил скрюченные пальцы и разлепил веки, "Ультар" безвольно куврыкался в чистом космосе, окруженный неизвестными светилами.

— Дождлика, ты меня слышишь?.. — бормотал рядом старик, закрыв глаза. — Они тебя не догонят. Неужели ты сомневаешься в Паруснике? "Ультар" возле Оверка, мы называем его Большой Выворотень... Это не так уж и далеко от Ракая. Когда Корабли построили Ракай, между ним и Оверком лежал огромный массив гравитационных мелей, поэтому они пробили тоннель... А после взрыва сверхновой Фарлинги, которым Мамбеты хотели за-

переть от людей Пцеры, мели откочевали на Гвит-Евл-Евл-Зарват и были размыты Большим Скут-Евловым течением, оставив на месте себя пороги Верхний и Нижний Бантага-Ул и Тхаса... Держи курс на Скут-полюс, Дождилика, а мы пойдем тебе навстречу...

"Как они разговаривают?" — подумал Навк. — Что это за связь, которой не страшны парсеки?.."

— А скоро мы встретимся с Парусником? — спросил он вслух.

— Нет, — сердито ответил старик.

Навк не стал больше расспрашивать хмурого Корабельщика и решил вздремнуть. Он откинул спинку кресла и вытянул ноги.

— Иди спать в каюту, — неожиданно грубо сказал ему старик.

— А почему это я не могу спать здесь? — удивился Навк и почти сразу же возмущился: — И почему это вы так мне говорите?

— Потому что мне надо остаться один на один с "Ультаром". Он был моим кораблем триста лет. А ты мне мешаешь.

Навк, сдержавшись, встал и вышел из рубки, яростно хлопнув дверью. Он ушел в каюту, повалился в гамак, злорадно размышляя о том, как совершит какой-нибудь героический поступок, от которого старику станет стыдно, и с этими размышлениями уснул.

Он не знал, сколько проспал. Резкий толчок экстренного торможения кинул его гамак на стену. Навк вскочил и увидел в иллюминатор, что крыло корабля освещено каким-то непонятным жемчужным светом. Навк бросился в рубку.

— Дождилика!.. — услышал он еще в коридоре голос Корабельщика. — Девочка моя, что случилось?..

— Папа!.. — раздался вдруг голос Дождилики в голове Навка, и он, пораженный, споткнулся. — Папа! Парусник словно обезумел! Я никогда не видела его таким! Я боюсь, папа!.. Он забрался прямо в чашу и весь дрожит!..

Навк влетел в рубку и остановился. Впереди по курсу "Ультара" парил в пустоте гигантский, величиной с большую планету, спутанный клубок каких-то растений. Тонкие, гибкие ветви сплетались и скручивались. Трепетали длинные и узкие бирюзовые листья. Огромные цветы-колокольчики розового, алого, малинового цвета были окутаны мохнатыми, струящимися облаками пыльцы. В глубине соцветий тлели багряные огни. Жемчужные и голубые плоды, как фонари, висели в недрах этого куста, озаряя все вокруг изумительно-чистым, нежным сиянием. Роем кружили мотыльки с шелковыми расписными крыльями. Навк почувствовал непреодолимое, гипнотически властное влечение к этим райским кущам и качнулся вперед.

— Наурия!.. — закрывая лицо руками, прошептал Корабельщик. — Легендарные звездные цветники Кораблей, окружавшие Таэру! Вечная радость Кораблей — наурия, которая дарит покой!.. Я не знал, что от тех садов уцелело хоть что-то!..

— Папа, что мне делать?.. — плакала Дождилика. — Парусник словно заснул среди этих листьев!.. Он больше не слушает меня!.. Я уже вижу крейсера механоидов!.. Папа, не молчи, отвечай мне!..

— Наурия!.. — сжав руками виски, как безумный повторял Корабельщик, потрясенно глядя в иллюминатор. Глаза его были слепыми от серебряного огня.

— Д-дождилика... — охрипнув, вслух произнес Навк. — Ты слышишь меня?.. Это Навк...

— Папа, почему ты молчишь?! — надрылась девушка.

— Он тоже как загипнотизированный, — продолжал Навк, не зная, слышит его девушка или нет.

— Папа! Крейсера Сатара уже со всех сторон!..

— Дождилика, он не ответит... Слушай меня внимательно... Я уверен, что это сделал Мамбет, ну, Сатар, ведь только он мог знать, что наурия способна зачаровывать Корабли!.. Оставайся в Паруснике, не покидай его ни в каком случае!.. Пусть механоиды возьмут вас в плен... Я сейчас уведу "Ультар" от наурии, тогда твой отец очнется, и мы тебя выручим!.. Слышишь меня, Дождилика?!

— Слышу... — сквозь пространство и беду донеслось до Навка.

Глава 8. ВЫВОРОТЕНЬ

Выворотень представлял собою область движущегося пространства посреди статичного, неподвижного. Область эта могла иметь форму любого тела вращения. В Галактике встречались самые причудливые выворотни, напоминающие то рюмку, то песочные часы, то гриб, то шахматную фигуру. Если выворотень вращался вокруг своей оси медленно, то для корабля был досадным, однако почти безопасным космическим ухабом. Но если скорость этого вращения была велика — кораблю могла угрожать неминуемая гибель.

Большой выворотень Пцеры, называющийся Оверком, был быстровращающимся коническим выворотнем. Особенность его заключалась в том, что подосвой он стоял на массиве непроходимой гравитационной мели, а единственный вход внутрь — горло в острие конуса — был перекрыт белым карликом. Белый карлик — крохотная звезда-коллапсар, отталкивающая от себя все, что есть в мироздании, подобно тому, как черный карлик, Черная Дыра, все притягивает к себе. Свет огibal эту звезду, и она казалась пятном сверхъестественной темноты в космическом мраке. Сила отталкивания белого карлика постоянно менялась, звезда неритмично пульсировала. Имя ей было Джизирак. В прочно закупоренном мешке выворотня находился один из механизмов древнего Валатурба, и ключиком к нему служила песчинка перлиора.

— Дождилика, положишься на силу Парусника, — говорил Корабельщик. — Я не знаю корабля сильнее его. Когда вы окажетесь в сфере действия Джизирака, прикажи ему идти вперед не смотря ни на что — я уверен, что он сможет продержаться до тех пор, пока врагов не сорвет с него, как в бурю срывает листву с деревьев!..

Маленький "Ультар" мчался к черному провалу, а за ним рвалась свора мощных кораблей механоидов. В центре этой своры, завязанный в узел силовых полей четырех крейсеров, бессильно летел пленный Парусник. Лазерные дальнубои насторожились в своих гнездах, но убийственный луч не

гнал за Корабельщиком, ибо Сатару нужно было уничтожить не Корабельщика, а Валатурб; без Корабельщика же Сатар не смог бы этого сделать.

— Пусти меня к пульту, — велел Корабельщик Навку.

— Нет, — сказал Навк, краснея. Он чувствовал, что ужасно глупо спорить с самим Корабельщиком, но покориться ему было нестерпимо обидно. — Это мой корабль. Его капитан — я, и я буду у штурвала.

Эскадра крейсеров в безмолвии и напряжении стремительно летела навстречу невидимому врагу. Навк, возглавляя эту эскадру, взял курс точно по середине зазора между звездой и первой концентрической зоной выворотня. Зловещий пульсар затаился, заманивая кажущейся легкостью прохода. "Ультар" вторгся в пределы антитяготения Джизирака, и Навк включил гравитационный экран. В крошечном мраке пространства вспыхнул, словно вырвался из преисподней, чудовищный шар белого карлика, покрытый какими-то пятнами, будто лишаями. Жуть прорвала Навка.

Он не осознал того, как ревущий прибой космического отторжения накатил на него, но уже в следующую миг в тисках перегрузок Навк все-таки висел на штурвале бьющегося в урагане "Ультара", удерживая равновесие корабля. Белый карлик единым движением разметал эскадру. Крейсера разлетелись, кувыркаясь в бешеном потоке. При этом один из них разломился, еще один — просто рассыпался.

"Вперед! — подумал Навк. — Вперед, пока до следующей волны далеко!.." Но от Джизирака мерно "дуло" антигравитацией, и "Ультар" сносило назад. Навк дал реактору полную тягу. Застонав, корабль остановился, потом медленно двинулся вперед.

А Джизирак вдруг заиграл перепадами сил давления, испытывая противника на прочность. "Ультар" то бросало вперед, то останавливало. Корпус его хрустел и трещал, все лампы мигали, с потолка что-то сыпалось. Вдали беззвучно взорвался один из крейсеров, изнуренный атакой, но его яркая вспышка сквозь лавину антигравитации добралась до Джизирака лишь угрюмо-багровым отсветом на лишаях звезды. И тогда Джизирак новым ударом смел все корабли. Навк почувствовал, как "Ультар" несет задом наперед. Два крейсера лопнули, один расплющился, а еще один угодил в выворотень, и его по гигантской дуге понесло в сторону, чтобы через два-три оборота, как камень из пращи, метнуть во вселенную...

"И все же я пройду его!" — зверя, подумал Навк и включил резервные, аварийные мощности реактора. Крейсера отстали, опасаясь гнева белого карлика, а "Ультар" снова двинулся на прорыв... и снова его отнесло в сторону. Потом все повторилось, и повторялось опять и опять — Навк в одиночку упрямо ломился в закрытые ворота вечности. Эскадра механоидов, обессиленная и поредевшая, висела вдали, безучастно покачиваясь на мертвой зыби галактической непогоды.

Джизирак вращался вокруг своей оси. Его лишая ползли по массивному выпуклому боку... И вдруг не на гравитационном экране, а в иллюминаторе Навк заметил, как слабое свечение острым серпом

озаряет его край и на фоне тьмы вырисовывается часть контура небольшого диска. Навк растерялся, не понимая, откуда взялся этот свет. А свечение усиливалось, и вот горб черной сферы, угрюмо высунувшейся из мрака, прочертили огненные линии. Джизирак неохотно разворачивался, и на его сумрачном челе потрясенный Навк увидел огненное клеймо Кораблей. На лике звезды пылал иероглиф: крест, три кольца и семь дуг радугой.

— Что это значит?.. — взволнованно спросил Навк Корабельщика.

— Иероглиф означает Таэру, — помолчав, ответил старик. — Корабли дают тебе ориентир. Держи направление к центру Галактики...

Но тьма стояла вокруг выворотня — Джизирак, звезда ненависти, выжил звездный свет из своих владений.

— "Ультар", кораблик, — взмолился Навк. — Ты должен помнить, где в звездных трясинах Вырлах сияет Таэра!.. Найди ее!.. Дождлика! — позвал Навк. — Я знаю проход! Пусть Парусник сбрасывает конвой и держит курс на Таэру!..

Навк дал ход "Ультару" и снял руки со штурвала. Вращался выворотень Оверк и гравитационные мели, вращалась туманность Пцера, вращались спирали внешнего обода Галактики, в котором находилась туманность, вращались семь колец ее диска, вращался вокруг центра сам массив ядра Млечного Пути, и в этом всеобщем, многократном, многомерном, безостановочном движении кораблик нацелился на Таэру и пошел вперед плавно и ровно. Навк сначала даже не поверил — действительно ли он попал в неведомый фарватер, или это на время утих Джизирак? Но едва он коснулся штурвала и ось корабля отклонилась, беспощадный кулак антитяготения врзал по "Ультару", предупреждая об узости пути.

Тем временем Парусник, повинувшись возле Дождлики и напрягая все силы, двинулся прямо на звезду, наперерез гравитационным вихрем, забурлившим вокруг него. Четыре крейсера конвоя повибли на нем, как псы на поднятом из берлоги медведе. Антитяготение сплошной стеной ринулось на Парусник. Четыре крейсера, помогая пульсару, работали двигателями в обратном направлении, удерживая корабль на месте. Но раздаваемый ими Парусник упрямо и непреклонно тянул вперед, навстречу Джизираку. И тогда, не выдержав напора, гордиев узел силовых полей начал развязываться. В единый миг Джизирак оторвал крейсера от Парусника — смял, точно они были из фольги, и швырнул прочь. В страшном усилии Парусник валко развернулся бушпритом к Таэре, и благодать звездного облегчения обрушилась на его изнуренные борта.

Только тут Навк заметил, что за ними следует крейсер механоидов. Он пристроился в кильватере и, затаившись, повторял каждый маневр "Ультара". Механоиды не понимали, каким образом кораблик отыскивает брод в бурлящем потоке, но слепо двигались вслед за ним, выкрадывая у Джизирака его сокровенную тайну.

— Берегитесь, — сказал Навк Корабельщику. — Сейчас будет тяжело...

Он осторожно положил руки на штурвал и чуть качнул его. "Ультар" лишь дрогнул, но гравитаци-

онная оплеуха ударила по нему так, что у Навка затрещали виски, полезли из орбит глаза и кровь хлынула носом. Кораблик захрустел, словно кость на зубах дракона. Крейсер же с точностью тупицы воспроизвел его движение, переложив рули на сторону. Но то, что для маленького "Ультара" было мимолетным отклонением, для корабля-гиганта обернулось поворотом всего корпуса. И в этот корпус, словно тайфун в волнорез, врезалось антигитяготение белого карлика, сплющив его и разорвав на лохмотья.

Два корабля — "Ультар" и Парусник — по пути, доступному лишь тем, кто пришел запустить Валатурб, медленно прошли мимо смертоносного Джизирака и вступили в заповедные пределы выворотня. Но тотчас огромный космический хищник, не знающий ни закона, ни пощады, промчавшись перед самым бушпритом Парусника, вцепился щупальцами в обескровленный "Ультар", как ястреб в голубя, и унес его, сорвав с трассы.

Глава 9. ОЛБЕРАН

— Ваш корабль тащит какое-то чудовище! Что мне делать, папа?!.. — кричала Дождилика.

— Как оно выглядит? Говори скорее!..

— Оно?! Оно в пять раз длиннее "Ультара", его тело — как столб, толщиной с корпус корабля, к концу оно утолщается, а в середине огромное вздутие... Вперед костью клюв из трех челюстей, а сзади целый пучок щупалец, которыми оно вас держит!..

— А на выпуклости посередине торчат, как сучья, прямые отростки с шариками на концах, и три глаза в кожистых мешках, накрытые кварцевыми роговидами, так, Дождилика, да?!.. Это скут-мханг! Не вздумай преследовать его, Дождилика!.. Мы вырвемся!..

Темная планета выплывала из-под нижнего края иллюминатора.

— Это Олберан, планета мхангов, — сказал старик, глядя на нее.

Сквозь атмосферу Навк видел множество больших круглых кратеров, где мерцали слабые огни. Неведомый мханг стал опускаться к одному из них, и тот медленно разросся, зубцами гребня перекрыв горизонт.

Корабельщик побегал в инструментальный отсек и принес ломик и широкий тесак, которым в пустоте перерубали провода, тросы или тонкие обшивочные листы. Махнув пару раз тесаком, он сказал Навку:

— Годится! Ты бери лом. Я пойду к шлюзу, а ты оставайся здесь. Выключи освещение. Сейчас к нам ворвутся склиты — убивай их всех до единого. Иначе нам не уйти с Олберана.

Не выбирая места, мханг грубо свалил "Ультар" на грунт. Грохот, скрежет и гул прокатились по кораблю. Палуба перекосилась, и Навк едва не упал. Из глубины тоннеля донесся хлопок — это Корабельщик открыл шлюз. Навк отключил свет, и все погрузилось в темноту. Было тихо. Сжимая лом, Навк напряженно вглядывался во мрак тоннеля.

Клацанье, повизгивание, шорох и треск раздались вдруг у шлюза. Навк струхнул. Какие-то темные, почти неразличимые тени замелькали в тонне-

ле. Внезапная боль пронзила ногу Навка. Взвыв от этой неожиданной боли, он ударил своим оружием по какому-то существу величиной с собаку, которое зубами впилося в его колено. Ломик свалил сразу двух тварей, и Навк в непонятном озарении понял, что весь тоннель и вся рубка за его спиной уже заполнены склитами.

Высоко подпрыгивая, содрогаясь от ужаса и омерзения, Навк затаптывал на месте, махая ломом во все стороны. Каждый его удар попадал по упругим телам или по орехам голов. Он крушил переборки и топтал врагов, которые подняли пронзительный визг и заметались. Хлопок закрывшегося шлюза оповестил, что склиты в ловушке, и оттуда донесся такой же визг.

Обезумев, Навк давил склитов. Они вгрызались ему в ноги, в руки, прыгали на спину, повисали на ломике. Под ногами стало скользко. Горячая кровь забрызгала лицо и комбинезон... Навк не понял, в какой момент склитов больше не осталось, и еще некоторое время плясал по их трупам.

— Бери фонарь! — врываясь в рубку, крикнул Корабельщик. — Они разбежались! Их надо добить! Если хоть один из них выберется из корабля, он взбаламутит всех склитов и мхангов Олберана!..

— Они что, разумные? — с ужасом спросил Навк.

— У них совершенный инстинкт добывания огня. Они могут запустить любой исправный двигатель, чтобы он давал тепло — будь то паровая машина или атомный реактор. Но все остальное, присущее человеку, им не свойственно.

— А зачем им огонь?

— Мханги сносят яйца. Каждое в цисте из склитов. Склиты должны эти яйца греть, чтобы вылупились птенцы. Для этого они и созданы природой. На костре яйцо греется двадцать лет, в струе плазмы из сопел корабельного двигателя — два часа...

С фонарями в руках Навк и Корабельщик обшарили все закоулки корабля, добывая разбежавшихся склитов. Потом Корабельщик сказал:

— Так... Теперь найди тонкую цепь подлиннее, якорь-кошку, моток троса... ну, и каких-нибудь железяк вместо дротиков. Надо выбираться с Олберана. На "Ультаре" нам не взлететь — все мханги бросятся за ним в погоню. Оставим его здесь, а потом вытащим.

Навк не стал спорить, испуганный серьезностью старика, и молча отправился в инструментальный отсек. Забравшись в скафандры и навьючившись, они протиснулись в шлюз и прыгнули на грунт.

— Олберан!.. — оглядываясь, тихо и загадочно сказал старик.

Навк тоже огляделся и поразился. Кратер был завален мертвыми кораблями. Они со всех сторон окружали "Ультар". Искореженные, разбитые, они громоздились повсюду, задирая ввысь ободранные крылья, мачты, хвосты. Зияли дыры и трещины в их помятых корпусах — темных и пустых. Под ногами был толстый слой пепла. Пепел целыми кучами собирался у бортов кораблей и затоплял вскрытые палубы. Жирная белесая плесь оплетала погибшие корабли, бородами висела на антеннах. Желтые светящиеся грибы упруго покачивались на складах вспоротой обшивки, угнездившись целыми кустами. В разъятых трюмах виднелась зеленоватая паутина.

И всюду из пепла торчали длинные и тонкие многосуставчатые шесты — хилая поросль Олберана. Навк был подавлен.

— Вперед! — тихо приказал Корабельщик. По колено в пепле, они побрели среди развалин, спотыкаясь на скрытых камнях.

Дно котлована постепенно поднималось. Стали попадаться скальные выходы. Корабельщик повел Навка по валунам. В руках у них были копья — сварочные электроды, которыми они простукивали дорогу. Везде валялись какие-то изуродованные конструкции, обломки, ржавые механизмы. Изредка взблескивало стекло. Темное небо с багровыми звездами бесстрастно и туманно светилось над котловиной.

— Откуда здесь столько кораблей? — спросил Навк у старика. — Ведь в Оверк невозможно проникнуть...

— Это еще не слишком много кораблей, — ворчливо отозвался Корабельщик. — Не видал ты настоящих кладбищ, где они в семь слоев навалены до горизонта... Эти корабли сюда не одну тысячу лет стаскивали мханги. Их, пережевав, выплевывали гравитационные мели.

Острые зубцы гребня кратера и косые мачты кораблей с лохмотьями такелажа и плесени были словно тушью прочерчены по тусклому багрянцу небосвода.

— Мханги живут здесь уже тысячи лет, и склиты все это время жгут костры, отсюда столько пепла. Видишь, как все корабли раскурочены? Это склиты снимали двигательные установки для обжига яиц. А для самих мхангов Джизирак с его дармовой энергией, которой они питаются — неистощимая кормушка. Поэтому их так много и развелось на Олберане.

— А как вы все это узнали? — с уважением спросил Навк.

— Не приведишь тебе испытать, как получают такие знания, — мрачно ответил Корабельщик.

— А почему тут звезды красные? — не унимался Навк.

— Их свет из-за вращения выворотня смещается в инфракрасную область спектра... А лучше бы ты молчал. Можно снова нарваться на склитов.

— А у вас есть план спасения, или мы так, наобум идем? — напоследок поинтересовался Навк.

— Дурак, — разозлившись, ответил Корабельщик.

Глава 10. МХАНГ

Надрывный, тоскливый, леденящий душу вой пронесся над кратером. Волосы шевельнулись на голове у Навка. Они вышли из-за полуразрушенного корпуса почтового курьера и увидели невдалеке, на валунной насыпи, сидящего мханга.

Мханг спал. Щупальца его горбились неподвижными кольцами. Огромное тело напоминало башню, покрытую, как корой, бурой броней, по бороздам которой текла какая-то слизь. Растопыренные отростки, торчащие на вспученном горбу, искрились. Кожаные складки закрыли глаза. Трехчелюстной клюв, задранный к небу, безвольно раскрылся.

Но тут дикий вой снова промчался над котловиной. Навк перебросил взгляд в сторону. У самого

гребня кратера виднелся второй мханг. Тело его корчилось и изгибалось, клюв был стиснут, глаза вытаращены, а со страдальчески дрожащих отростков сыпались молнии. Щупальца били по валунам, то скручиваясь, то распускаясь. Клюв мханга разошелся, и новый вопль потряс котловину. Мханг вытянулся в струну. Щупальца, собравшись, подняли его в воздухе над гнездом, как дерево, из-под которого паводком вымыло почву. В гнезде под мхангом лежала омерзительная шевелящаяся гора. Кипение медленно оползло по ней вниз. Навк разглядел, что это свежее серое яйцо исполинских размеров, облепленное новорожденными склитами.

Корабельщик молча двинулся вперед. Навк пошагал за ним.

— Смотри, — через некоторое время сказал старик, останавливаясь и хватая Навка за плечо. — Вон там лежит драккар вторженцев...

— Каких вторженцев?.. — растерянно спросил Навк, видя лишь вздыбленный нос и ребра остова, обросшие плесенью.

— Вторженцев из иномира. Из Прорехи Мироздания их вошло к нам семь легионов. Они утаскивали наши корабли в силовых коконах на Озарение, но у звезды Никин были разбиты Сбет-армадой и утоплены в Едкой Хляби... А вон древний ковчег, из тех, на каких спасались люди во время Третьего Энергетического Потопа...

Навк, развернувшись, увидел угловатую дырявую коробку, из которой росли суставчатые шесты.

— Смотри дальше, — велел старик. — Вот лежит броненосец времен Великой Войны с Роботами...

Перед Навком была бесформенная мрачная груда железа, среди прочих обломков расплывшаяся под собственной тяжестью.

— А теперь погляди сюда... Вот редкая находка... Первые Человеческие корабли были такими...

Навк увидел грубое колоколообразное сооружение, прочно высившееся среди обветшалых конструкций. Оно было обшито толстенной броней, из которой торчали какие-то кованые трубы и обрубленные балки. Несколько броневых листов отвалилось, и внутри темнели закопченные шестерни, колесчатые шкивы и оси первобытного двигателя.

— Это были космические машины императора Хенумека-2, чья рабовладельческая держава простиралась на сорок планетных систем шестого кольца Гвит-сектора. При Хенумеке-2 кузнец Пепенусика построил первый ядерный реактор на сыром тарзолевом угле... А вон изглоданный истребитель времен Паучьей Эпидемии... — снова начал Корабельщик, но осекся, потому что Навк дернул его за руку.

— Человек!.. — сказал Навк, показывая в сторону.

Они подбежали к человеку в скафандре, лежавшему под бортом хорошо сохранившегося катера совсем недавних времен. Навк упал на колени и перевернул неожиданно легкое тело. В открытое забрало шлема пустыми глазницами глядел череп.

— Взгляни туда, — сказал Корабельщик, отстраняясь от разбитого фонаря рубки катера.

Навк поднялся и глянул. В тонком слое пепла на полу валялись человеческие кости. В пилотском кресле лежал второй, дочиста обглоданный череп. В

углу, сжавшись, лежал еще один труп в скафандре — видимо, зубы прожорливых склитов не одолели прочную ткань. К груди человека была прикреплена табличка с надписью: "Прочтите!"

Корабельщик и Навк влезли через разбитый фонарь в рубку. Навк снял табличку, перевернул ее и прочел, покрывшись холодным потом: "Двое ученых лаборатории феноменологии Астрофизической Академии Пандадиона, составляя лоцию туманности Пцера, подобрали беглого каторжника с планеты Калаат по имени Кромлех. Уходя от погони, мы попали к космическим хищникам, на чьей планете Олберан и гибнем. Люди! В туманности Пцера заключаются секрет древней цивилизации, который один может спасти нашу Галактику и свергнуть иго Корабельной Корпорации! Тем, кто найдет нас, мы завещаем открыть эту тайну. Нордаль, профессор, Ольга, пилот-навигатор, Кромлех, вор".

— Нордаль и Ольга — это же мои родители!..
— Навк потрясенно озирался по сторонам. — Вот, значит, как они погибли!..

— Надо же, где нам привелось встретиться, Кромлех... — не слыша Навка, произнес старик. — Что ж, ты сполна заплатил за свое зло...

— Надо похоронить их! — горячо заявил Навк. — Ведь нельзя...

— Нет времени, — жестко оборвал его Корабельщик. — Ты помнишь, какое предсказание было тебе дано в Храме Мироздания на Ракае? Вот она — твоя кровь...

На полу, в тучах пепла, Навк вдруг увидел что-то блестящее. Он нагнулся и поднял перстень с бриллиантом. "Может быть, это перстень моих ро-

дителей?.." — подумал он, зажимая в кулаке находку.

Они выбрались наружу и замерли — вдалеке стояли, глядя на них, три склита. Корабельщик в ярости метнул копьё. Склиты мигом исчезли.

Навк и Корабельщик побежали прочь, оставляя за собой дымящуюся рытвину в пещле. По дороге Навк мельком увидел в расщелине чудовищный труп птенца мханга, лежавший среди осколков толстой скорлупы. Птенец напоминал скрюченную креветку размером с космический катер. Чуть задержавшись, чтобы передохнуть, они услышали недалекий многократный топот, от которого мелко-мелко задрожал пепел, грозно вздымаясь целыми пластами. Склиты выскочили из-за руин и сзади, и спереди. Навк рванул Корабельщика к борту ближайшего корабля, по которому вверх уходили ржавые скобы, и сам ринулся наверх.

В этот же момент снизу налетели склиты. Корабельщик бешено отмахивался палашом, прижавшись спиной к металлу. Склиты не давали ему возможности приблизиться к скобам. Тогда Навк, удерживаясь одной рукой, стал метать в них копьё. На миг из-за отвесных железных молний вокруг старика образовалось пустое пространство, и Корабельщик взвился к Навку. Склиты тотчас полезли вслед за ним, но он яростно выбил каблуком пару ступеней.

Очутившись наверху, Навк и Корабельщик перебежали на противоположную сторону и перебрались на борт другого корабля, поднимающийся еще выше. Склиты следовали за ними вниз. Едва люди остановились, склиты начали нырять в дыры и про-

боины, рассчитывая по внутренним переходам выбраться наверх.

— Прыгаем! — велел старик, указывая на соседний корабль. Он разбежался и легко перелетел через пропасть. Навк повторил его разбег, перемахнул провал, но всей тяжестью навьюченных на себя цепей и копий рухнул на обшивку и покатился. Страшная боль скрутила стопу. — Идти сможешь? — наклонился над ним Корабельщик. Навк, закусив губу, поднялся, сделал шаг и сел. Корабельщик подумал, потом забрал у Навка моток цепей и оставшиеся копыя и, не говоря больше ни слова, тяжело пошagal прочь.

Ужас охватил Навка. Завопив, он заковылял вслед Корабельщику и свалился с невысокого борта. Но старик уже исчез. Жуть неминуемой гибели придала Навку нечеловеческие силы, вытеснив из сознания необъяснимую низость поступка Корабельщика.

Он бросился в корабельные дебри, продираясь сквозь взломаченные железные листы, сквозь рухнувшие переборки, выгнутые балки. Он карабкался по каким-то механизмам, скакал с корпуса на корпус, протискивался в люки, разгребал завалы. На боль в ноге он не обращал внимания. Потом в его руках непонятно как, словно сама собою, очутилась длинная кривая железяка. Чтобы сориентироваться, Навк с проворством обезьяны влез на утес и заметил, где торчит мханг, к которому, видимо, и ушел Корабельщик. Навк стал пробираться в том же направлении и через несколько минут наткнулся на обессилевшего старика, который, прижавшись спиной к воткнутому в грунт стабилизатору, устало отбивался от склитов. Навк налетел на них сзади, и тогда старик повалился. Навк бил и расшвыривал их, пока они не разбежались. Потом он молча, тяжело дыша, поднял Корабельщика, и они, держась друг за друга, побрели дальше. Ноги вынесли их к огромной насыпи из валунов. Под насыпью, уходя в красный туман, возвышался мханг. У подножия насыпи горел исполинский костер, в котором лежало черное яйцо гиганта. Вокруг костра, словно зачарованные, сидели склиты. Корабельщик взял копые наперевес и медленно двинулся на них. При виде людей склиты с визгом разбежались и окружили их, прижимая к огню. Навк развернулся и пятился, прикрывая спину Корабельщика. Он припадал на каждом шагу и грозно раскачивал над землей свое ржавое оружие.

Корабельщик мерно и тяжело, как запрограммированный автомат, шагнул прямо в костер. Навк понял, что пройти сквозь пламя — их последний шанс избавиться от склитов. Швырнув в них свой копыль, он бросился вслед за Корабельщиком и, погрузившись по пояс в угли, ослепленный, двинулся вдоль циклопического яйца, касаясь рукой его шершавой скорлупы. Сколько скафандр может выдержать в огне, Навк не знал. Он грудью расталкивал легкие головы. Вокруг поыхало неистовое пламя. Фонтаны искр взлетали над головою. Огненные струи обвивали тело.

Протаранив пожарище, они вывалились из костра по другую его сторону. Склитов здесь не было, ибо яйцо застряло меж двух утесов — поэтому склиты и развели огонь в такой близости от гнезда мханга. Корабельщик сумел разглядеть треугольный проем

между скорлупой и скалой, в этот проем он и прошел, увлекая за собой Навка.

Добравшись до гребня валунной насыпи, они спустились в неглубокую котловину, в которой стоял спящий мханг. Его башня вознеслась в багровое небо, а щупальца замысловатыми кольцами окаменели в извивах, выгнувшись над головами людей, как толстые ветви.

Но отдыхать времени не было. Корабельщик забросил якорь-кошку на один из отростков, торчащих из безобразного вздутия посреди башни мханга. Упираясь ногами в бугристую броню, они полезли по тросу вверх. Отростки оказались толстыми, как древесные стволы. Они венчались растрепанными слоистыми шарами, похожими на капустные кочаны.

Казалось, весь Олберан был виден с высоты мханга. Темные пространства исчезали в коричневом тумане в такой дали, что после теснин корабельного кладбища кружилась голова. Кратер был, видимо, жерлом разрушенного вулкана. Гребень его был остр и обломан, скаты усыпали валуны и битый камень. В чаше кратера беспорядочно громоздились погибшие корабли. Торчали мачты, горели костры с темными тушами яиц, кое-где виднелись насыпи пустых гнезд. Низкий свод красного мерцающего неба перекрывал сверху этот мир, никогда не знавший солнца.

Корабельщик ломом вколотил в броню мханга железное копые, нанизал на него звено цепи и сбросил весь моток вниз.

— Это вздутие — естественный аккумулятор мханга, — сказал он, продолжая вбивать копые. — Его энергетический желудок. Когда я пробью панцирь, я разряжу эту тварь. Если заряд уйдет в землю, мханг проголодается, проснетесь и взлетит в космос. А уж там нас подберет Дождилика...

Копье входило все глубже и глубже. Вдруг с последним звонким ударом трескучая молния обвила и штырь, и лом. Цепь подпрыгнула, как живая. Вся башня мханга дрогнула. Вверху защелкнулся безвольно раскрытый клюв. Кварцевый глаз выкатился из складок века.

Навк оглянулся и едва не свалился от изумления — мханг, оказывается, уже летел. Летел ровно, без дрожи, без шума, медленно, плавно и торжественно. Летел точно в зенит. Щупальца его, сжавшись в пучок, вытянулись вниз. На копые раскачивался обрывок цепи. Чаша кратера сжималась, как в сумерках цветок закрывает лепестки, и Олберан опускался в пучины пространства.

Глава 11. ДОЖДИЛИКА

Корпус Парусника был не крупнее фюзеляжа "Ультара". Он имел стремительные, острые, стрельчатые обводы, его дно упруго прогибал киль. Построенный из тонких, изогнутых досок драгоценного дариальского дерева, он излучал мягкий, живой свет. Над поднятой кормой возвышался пик ахтерштевня с узорчатой лопастью рулевого пера. Длинный бушприт вытягивался далеко вперед и нес сразу три кливера. Корабль насквозь пронзала средняя грот-мачта — над палубой она возносилась на невиданную высоту, а снизу выходила острой причальной иглой. Клотики были из чудесной латуни

Бурманая, и на них горели огни. Гравитационные паруса невесомыми громадами словно закрывали корпус. В полете Парусник казался облаком, белой птичьей стаей, пенным гребнем на черной волне пространства.

Палубами и деревянными переборками Парусник был разделен внутри на отсеки. Узкие лестницы с резными перилами вели в кают-компанию, где стоял высокий камин с решеткой. Круглые иллюминаторы пропускали яркий и ровный звездный свет, усиленный сиянием парусов. Толстые ковры с багрово-золотыми узорами Тарси-Зандира лежали на полу, трепетали огоньки свечей, пахло горячим воском, дариальскими соснами и молчанием. Всюду царил полумрак, и было хорошо, сидя в кресле перед камином, лететь сквозь космос в океане чудовищного холода среди стальных огней мироздания и слышать только неуловимую музыку звездных сфер, треск горящих поленьев и поскрипывание шпангоутов. А приложив ладонь к ледяному и гладкому стволу грот-мачты, на котором висел тяжелый бронзовый колокол, можно было почувствовать напор парусов, напряжение скорости и гул пространства, рассеяемого самым красивым кораблем Галактики.

Дождилика привела Навка в рубку. Полумрак скрадывал очертания предметов, глушил звуки и словно расширил помещение до космических размеров. Любая истина здесь казалась недоговоренной, а любое слово и любой жест означали нечто гораздо большее, чем подразумевалось. Навка волновало незримое и грозное величие мироздания, столь явственно ощущаемое на капитанском мостике. Три больших иллюминатора открывали вид на звезды, переливающиеся сквозь надутые полупрозрачные кливера. В центре возвышалась медная поблескивающая сфера, ювелирно составленная из каких-то спиц, осей и фигур. В глубине был пульт, словно рояль — из одних клавиш, а перед ним на нактоузной стойке — звездный компас. Рядом сияла свеча, и ее пламя было окружено янтарным колечком.

— Смотри, Навк: это Навигационная Машина Галактики, — сказала Дождилика и задумчиво погладила пальцами загадочные иероглифы, выгравированные на медной сфере. — Ее изготавил Великий Штурман Млечного Пути Гандамага. Папа нашел ее в руинах Нанарбека. — Она положила ладони на сферу, и неожиданно вся сфера, стрелочка и позвякивая, пришла в движение. Иероглифы, перемещаясь, стали меняться местами. — Так я определяю положение Парусника... А это клавишный пульт.

Дождилика подошла к нему, помолчала и вдруг легко заиграла вальс. Навка качнуло, и он подхватил свечу, готовую упасть. Пространство словно заструилось вдоль корабля, затрепетало, замерцало. Сдвинулись звезды, и все колесо Зодиака начало медленно вращаться. Тени поплыли по рубке. Неожиданная тоска захлестнула Навку. Галактический простор, бездны Орпокены внезапно стали достижимы для чувств, осязаемы сердцем, и у Навка закружилась голова. Звезды, повинувшись музыке вальса, медленно и грустно, словно монеты, пересыпались из ладони в ладонь у вечности, и ветер тронул пламя свечи. Дождилика играла, и Навк видел ее лицо в слабом свете, темные ресницы, опущен-

ные на щеки, и вздрагивающие кудри. Что-то для Навка вдруг стало не так, шемящая пустота появилась там, где раньше был покой. Мироздание звенело, и хрустальные блики летели в вакууме. Раскинув крылья, Галактика, как птица, заваливалась в вираж.

— Мы с Парусником очень любим эту музыку, — сказала Дождилика, останавливая вальс, и он, точно снегопад, мягко укладывался в ложины космоса. — Ты чувствовал, как Парусник танцевал?..

— Я никогда не видел таких пультов, — признался Навк.

— Их и не бывает. Механоиды ведь не могут играть такую музыку... Я сама придумала и пульт, и Парусник. А папа построил их для меня.

— Вот как? А я думал, что это все-таки его корабль...

— У папы нет своего корабля. У него был "Ультар", но его угнали Навага и Кромлех. А потом "Ультар" признал капитаном тебя... Но ведь по Галактике можно путешествовать и без корабля...

— Как это — без корабля?.. — удивился Навк.

— Видишь ли, — улыбаясь, стала объяснять Дождилика. — Млечный Путь был самой прекрасной галактикой, Королевой Миров не потому, что Корабли красиво расставили звезды. Он был гармоничен насковозь. Даже Энергетическое Неблагополучие не смогло до конца разрушить его гармонию. Путешествовать без корабля — значит, реализовать гармонию Млечного Пути. Для того, кто находится в нашей Галактике, вся видимая звездная сфера делится на сто сорок четыре созвездия — или Знака. Созвездия эти всегда одни и те же, но относительно друг друга в разных точках Галактики размещены по-разному и составлены из разных звезд. Человек Кораблями создан как малое подобие Млечного Пути. Таэра — его сердце. Руки и ноги — полюса Сбет, Гвит, Скут и Зарват. А тело, там, где сосредотачивается мысль и где сосредотачивается страсть — это полюса Авл и Евл. Папа объяснял мне, что сущность человека и любой вещи в мироздании представляет собой четыре категории — Стран, Пталь, Орг и Эрг. Эрг отвечает за местонахождение. Мы сейчас в Пцере, и у нас эрг находится в той части нашего тела, которая соответствует Пцере в Галактике. На сфере Навигационной Машины я могу разместить Знаки так, как выглядели бы созвездия в той точке Галактики, куда я хочу попасть. Глядя на Знаки, я могу представить себя в этой точке, и эрг в моем теле переместится в ту его часть, которая этой точке будет соответствовать. Но есть еще мировой, космический эрг, и, чтобы сохранилась гармония Кораблей, он переместит меня в пространстве в эту точку. Так когда-то умели путешествовать некоторые, самые мудрые, монахи Нанарбека... Мне рассказывал папа.

— А мама? Где твоя мама? — неожиданно спросил Навк.

— Не знаю. Папа ничего не говорил. Я в детстве и не думала, что у людей бывают мамы... А потом спрашивать уже не могла. В Галактической области Меркнувший Шлейф есть одна планета, она называется Каланхое. И там в степи лежит плита. На плите ничего не написано, но папа всегда плачет. Наверное, моя мама под этой плитой... Только здесь одна загадка, — добавила Дождилика. — Той

могиле лет триста... Я была на Каланхое, когда мы с папой шли по Галактическому Тракту.

— А что это за Тракт?

— Это такая дорога, которая опоясывает всю Галактику. Она построена древней цивилизацией Хозяев для своих рабов. Вот идешь, идешь по ней, проходишь высокие ворота — и уже на другой планете. Идешь дальше — новые ворота, и новая планета. И так без конца. Мы с папой шли несколько лет. Тракт ведет по лугам, по лесам, сквозь скалы, пустыни, по мостам над океанами... Я, наверное, увидела всю Галактику... Знаешь, Навк, как там красиво!.. Идешь, идешь, и меняются миры, звезды... Мы видели древние города, крепости, храмы... Видели погибшие планеты, племена диких людей, первобытных идолов, пепелища великих цивилизаций... Видели даже Нанарбек, только издалека. Папа уходил в монастырь, а я ждала его на дороге, потому что туда нельзя заходить... Мы видели красных великанов с третьим глазом во лбу и карликов нам по колено, видели планеты мутантов и планеты чудовищ... Папа показывал мне капища Мамбетов — там в пещерах стояли такие каменные шары, но совсем прозрачные, и в каждом шаре замурован какой-нибудь человек из другой галактики. Была еще планета, по которой ползали крабы, огромные, как материки, и Тракт был проложен по панцирю одного из них. Мы видели маяки Кораблей, где никогда не гаснет огонь, и какие-то непонятные машины, которые работают до сих пор... Я видела, как извергаются вулканы, как взрываются звезды... Однажды папа показал мне гигантскую катапульти, которую строили Воители, чтобы перелететь через Орпокену к другим галактикам... Иногда нам встречались люди, которые тоже шли по Галактическому Тракту, но мы прятались от них, потому что это были вако — грабители гробниц... И мы всегда шли одни... Это одиночество посреди бесконечности...

Дождилика замолчала, глядя в сторону. В глазах ее стояли синие слезы. Навк тихо задул свечу, которую все еще держал в руке. Дождилика превратилась в темный силуэт. Вокруг ее головы клубилось белое свечение волос, озаренных из иллюминатора звездами. В полумраке глаза Дождилики едва заметно мерцали. Навк осторожно обнял девушку, чуть качнувшуюся ему навстречу. Кончиками пальцев он мягко коснулся ее виска, потом — дрогнувших губ. Дождилика взяла его ладонь и, легко поцеловав, повернула к свету. Черная паутина лежала на серебряной ладони.

— Линия жизни... — прошептала Дождилика и рядом поднесла свою ладонь. — А у меня она такая короткая... Помнишь, на Ракае мне была предсказана смерть?..

Наvk хотел возразить, но она качнула кудрями.

— Это правда. Вот Скут-полюс. — Дождилика дотронулась до вершины среднего пальца Навка. — А это означает Пщеру... — И она закрыла своей ладонью его ладонь.

Глава 12. ДЖИЗИРАК

Главная цель броска через Ракайский тоннель висела перед тонким бушпритом Парусника. Навк разглядывал сложную конструкцию из огромных

шестерней, осей, рычагов, цепей и пружин, которая находилась в беспрестанной, ровной и мерной работе — вращались звездчатые диски, бежали звенья, ходили локти шкивов и ехали зубцы. Неведомая машина внашала жуть своим сверхъестественным замыслом.

— Она что, со времен Кораблей не останавливается? — спросил Навк, но Корабельщик не ответил. — Тогда это вечный двигатель, — решил Навк.

— Нет, — вдруг сказал Корабельщик. — Это не вечный двигатель. Миллиард лет — очень много, но это не вечность. Корабли построили другой, настоящий вечный двигатель. Он находился в Сбет-секторе в скоплении Удавки. Корабли нарушили пространство, вытащив в силовом кононе клочок Абсолютной Пустоты из небытия. В этот пузырь они поместили вечный двигатель. Несколько тысяч лет назад безумный инженер Волопай решил исследовать его и найти принцип Вечного Движения. Он вскрыл пузырь, и образовались Прорехи Мироздания, сквозь которые к нам вторглись семь легионов нелюдей. Вторженцы утащили на Озарение почти половину человечества, прежде чем их армады были разбиты у кровавой звезды Никин. Вечный двигатель был уничтожен в этой войне.

Над шестернями на тонкой стреле был подвешен балкончик. Из-под слоя пыли на нем смутно проглядывал контур большого иероглифа.

— Это знак Человека, — сказал старик. — Опускай Парусник, дочка.

Парусник приблизился к балкону и осторожно коснулся его причальной иглой. Навк и Корабельщик сошли на древний камень. Поднимаемая вязкие клубы пыли, осевшей за тысячи лет плотным слоем, они приблизились к парпету. Под ногами блесло золото из крови вепря Уруха.

Корабельщик протянул над парпетом руку, и в пальцах у него засверкал перлиор.

— На Ракае мы узнали, что у Джизирака перлиор будет песчинкой, — сказал Корабельщик. — Посмотрим, что будет с этой песчинкой, когда она попадет в часы вечности...

Огненная бусина покатила по ладони, сорвалась и капнула вниз. Навк стремительно навалился грудью на парпет. Огонек улетал вдаль, к зубьям и шестерням. Он ударился и исчез.

Наvk и Корабельщик вернулись в рубку Парусника и долго стояли у иллюминаторов.

— Вот и все, — вдруг негромко сказал Корабельщик. — Смотрите...

Огромный механизм медленно разваливался на части. Отплывали выбитые зубцы. В вращении откатывались, кувыряясь, шестерни. Разламывались оси. На глыбы распадались рычаги. Цепи рвались и, плавно изгибаясь, летели в пустоте во все стороны.

— Двигатель не смог пережевать наш перлиор, — сказал Корабельщик. — Метеориты, обломки — все мог, грыз, хрустел, а жемчужину не смог. Я так и думал. Песчинка перемолола жернова...

Осколки важно, нереально легко, неторопливо расходились, открывая сердцевину двигателя — огромный станок пружинной катапульти. На ее ложе покоилась торпеда из сверкающего металла. Помедлив, затвор треснул, и пружина, освободившись, ударила в торпеду бойком. Весь станок катапульти

всколыхнулся. Торпеда рванулась вперед и вонзилась в пустоту, как сверкнувшая молния. Траектория ее, ровная, словно луч, уходила к черному провалу Джизирака.

— Смотрите! Смотрите! — вдруг позвала Дождилика, широко открытыми глазами оглядывая небовод. — Кажется, в пространстве становится светлее!..

— В хрониках Нанарбека говорилось, что так начинался Второй Световой Потоп, — сказал Корабельщик. — Но здесь не Световой Потоп. Видимо, механизм, оберегающий катапульту, одновременно вращал выворотень. Мы его разрушили, и теперь выворотень останавливается. Пространство прекращает вращение и делается проницаемым для света...

С каждой минутой звезды зажигались все радостнее, все увереннее. Мощь их сияния нарастала, поглощая истосковавшиеся по свету недра Оверка. Из тьмы вслед за ближними светилами Пцеры проступили мелкие россыпи дальних. Парусник, наполняясь их мерцанием, льдисто засверкал, как чудесный сталактит в темной пещере туманности.

— Ну-ка, парень, если ты себя считаешь капитаном, — обратился к Навку Корабельщик. — Попробуй найти перлиор! Жемчужина для нас выглядит как звезда. Найди-ка новую звезду на здешней звездной сфере!

Навк запрокинул голову. Искристый дым плыл в темном космосе. Парусник был погружен в его облако. Повсюду — частый и мелкий, нежный и ласковый — реал дождь огней, среди сонма которых обнаружить новый было все равно, что отыскать новую рыбу в океане.

— Вот он, — протягивая руку, указал Навк.

Он встал на капитанский мостик и положил руки на клавиши пульта. Корабельщик долго возился со скафандром и наконец показался у бушприта корабля. Навк заиграл и почувствовал, как дрожь пробежала по всем нервам, по вантам, по каждой нити такелажа Парусника. Корабельщик неуверенно протянул руку, а потом открыл ладонь, и из пустоты в эту ладонь плавно легла сияющая жемчужина перлиора.

И, точно дождавшись этого момента, волна света накатила на Парусник, всколыхнула его. Дождилика и Навк от неожиданности заслонились руками.

— Джизирак!.. Джизирак взрывается!.. — кричал Корабельщик. — Мы торпедировали его, и он взрывается!..

Темно-зеленые, ультрамариновые горы исказили лик звезды. Длинные протуберанцы извивались во все стороны. Звезда кипела, бурлила, неудержимо разбухала. Свет ее усиливался. Ключья, куски, слои плазмы отрывались от поверхности. Джизирак превратился в растущую, клубящуюся тучу, в недрах которой змеились молнии. Фонтаны звездного вещества, накопленные коллапсаром, били наружу. Титаническая звезда выворачивалась наизнанку.

Океан энергии вырвался из берегов. Из белого карлика Джизирак превращался в сверхгиганта — самое великое светило Пцеры!

— Навк, — позвал Корабельщик. Он стоял в дверях рубки и уже не глядел на звезду. — Навк... — Он помолчал. — Пришло время шенят сажать на цепь. Слушай меня и молчи. Я отдаю тебе "Ультар". Ты навсегда покинешь Парусник. Ты навсегда покинешь Пцеру. Ты забудешь все, что здесь было. Ты обязан сделать это и пережить. Я не отдам тебе Дождилику.

— Почему?.. — потрясенно спросил Навк.

— Уходи, — отворачиваясь, сказал Корабельщик.

Ошеломление Навка было столь велико, что он потерял способность к самостоятельным поступкам. Вселенная, как мыльный пузырь, лопнула вокруг него, и он остался в вакууме, где любое движение совершалось по непреклонной воле сурового, жестокого и непонятного Корабельщика.

Парусник подошел к Олберану. В свете настоящих звезд планета выглядела как заброшенная помойка, как свалка старья. Ни старик, ни девушка не разговаривали с Навком. В полном одиночестве он сидел на стуле посреди каюты и тупо глядел, как в иллюминаторах вырастает и впучивается щербатый, глазастый, дырчатый диск Олберана.

С кончиной выворотня Олберан стал необитаем. Штук шесть мхангов лежали на грунте в кратере среди погибших кораблей. Их шупальца беспорядочно спутались, глаза выпучились, бессмысленно уставившись в небо, а клювы раскрылись и безвольно свисали набок. Костры погасли. Черные, оголенные, коченеющие глыбы яиц высились среди груд остывающих углей. Умиравшие склиты вяло ползали среди обломков.

Парусник опустился поблизости от "Ультара", брезгливо коснувшись грунта причальной иглой. Корабельщик вошел в каюту и молча кивнул Навку на выход. Навк, медля и не веря, сошел на валуны Олберана. Парусник бесшумно и легко поплыл в небо. Он поднимался выше и выше, превратился в облако, в птицу, в белую звездочку и исчез совсем.

Оглушенный случившимся, Навк поплелся к своему потрепанному суденышку, стоявшему среди этой пустыни с темными иллюминаторами и открытыми люками. Пройдя по неосвещенному тоннелю, Навк вошел в рубку и приблизился к выключенному пульта. И тотчас в проходе за его спиной вырос мощный террор-механоид с излучателем. Два других выдвинулись из-за пульта, взяв Навка на прицел.

— Пилот Навк! — пророкотал террор-механоид. — Решением трибунала Корабельной Корпорации Сатара вы арестованы!

"А ведь асм Сатар назвал меня пилотом..." — подумал Навк.

(Окончание следует)

К вопросу о "потусторонности" эпоса «Властелин Колец»

Что происходит с их душами после смерти — эльфы не знают.

Дж. Р. Р. Толкин. Сильмариллион

Во втором номере "У.С." за этот год была опубликована статья М. Коноваловой "Где находится "туда" и "обратно". В этой статье выдвигается новая, весьма оригинальная версия "Властелина Колец", которая заслуживает самого пристального внимания со стороны знатоков и просто любителей творчества Дж. Р. Р. Толкина. Я же хочу только обратить внимание на некоторые неточности, допущенные в этой статье, и высказать свое личное мнение по этому вопросу.

М. Коновалова пишет: "...у Толкина потусторонность приобретают и люди...". Возможно, некоторые персонажи (в основном дунэданы) действительно имеют такие черты, но есть ведь в эпосе и другие — реальные, живые — люди, такие, как брыльчане или рохирримы. Вот, например, трактирщик Суслень Маслютик — какую "потусторонность" можно найти у этого говорливого толстяка и хронического склеротика? Впрочем, это образ комически-приземленный. Но и рохирримы больше похожи на современных людей, чем на существ из загробного мира. Для примера можно взять один из наиболее ярких образов — образ принцессы Йовин. Любовь к Арагорну, участие в войне (в мужской одежде), стремление к подвигам, встреча с Фарамиром — вряд ли все это характерно для "потустороннего существа". Кстати, и сам Фарамир в этом смысле очень близок к Йовин, в отличие от своего отца Денетора, который действительно не лишен "потусторонности".

Далее. По мнению М. Коноваловой, Гэндальф — "вестник смерти", и "солнце живых опасно для Гэндальфа". Мои заметки касаются только "Властелина Колец", и я не буду ссылаться на образ Гэндальфа в "Хоббите", где он похож на кого угодно, только не на "вестника смерти". Однако и в трилогии "солнце живых" не так уж опасно для него. На Мосту Казад-Дума он говорит: "Я служу Тайному Пламени и владею Огнем Анора". ("Анор" — название Солнца в одном из эльфийских языков.) Позднее, уже во втором томе, связь Гэндальфа со Светом показана еще яснее: "Старик легко вскочил и показался им высотой с дерево. Серый плащ распахнулся, под ним словно полыхнул белый огонь". Странники версии М. Коноваловой в этом случае могут сказать, что Гэндальф здесь показан уже после смерти и воскрешения, став потусторонним существом. Но какая же это смерть? Ведь Гэндальф — айнури, и умереть может лишь его тело, но не он сам. А как известно, айнури "нуждаются в плоти — только лишь как мы в платье, однако мы можем ходить обнаженными и не испытывать неудобств". Гэндальф не умирал и не воск-

ресал, хотя, конечно, прошел через определенную трансформацию.

Следующий пункт, вызывающий у меня возражения, связан с географией "Властелина Колец". Если верить М. Коноваловой, "какова бы ни была эта миссия... — она непременно связана с походом на юг". Но ведь путь героев Толкина лежит не на Юг, а на Восток. Именно Восток связан с силами зла и мрака. Герои говорят о "Тьме с Востока", с Востока приходят те самые призраки — Черные всадники, назгулы-кольценовцы. Что же касается Юга, то там находится отнюдь не призрачное королевство Гондор, южнее же Гондора обитают харадримы — вполне реальные дикари из плоти и крови. Правда, они служат Мордору — но разве только они? "В семье не без урода" — эта фраза применима даже к нуменорцам, о чем напоминает персонаж по имени Голос Саурона.

Кстати, о призраках и Мордоре. "В призраками полной Мордорской стране" — не совсем точный перевод. Прочитанная английская фраза дословно переводится так: "В стране Мордор, где лежат тени". Если тень "лежит", то, скорее всего, это слово употреблено не в значении "призрак, привидение", а в значении "тьма, мрак". "В Мордоре, где залегает мрак" — этот перевод, использованный в хабаровском издании, я считаю наиболее близким к оригиналу. Ведь Мордор не может быть "полным призраками" — призраков там всего девять, и это все те же назгулы.

Спорной также представляется мысль о том, что обитатели Средиземья "освободит... тот, кто любит их страны как сказку, а не как дом". Ведь Фродо, выходя в путь, в мыслях не имел спасать Лориен или Гондор — он заботился о своем родном Шире (или Хоббитании — кому как больше нравится). Перед тем, как выйти в поход, он говорит Гэндальфу: "Как бы я ни относился порой к нашим глуповатым пустомелям, но я должен спасти их". А после завершения похода, перед самым отплытием, Фродо говорит Сэму: "Я хотел спасти Шир, и теперь он спасен..."

Кроме того, судьба Шири ("мира людей", в терминологии М. Коноваловой) тесно связана с судьбой "потустороннего мира" (всего остального Средиземья). Она также зависит от Кольца, в дела Шири вмешиваются пришельцы извне.

Слова М. Коноваловой об Арагорне по сути верны, но ведь это лишь одна сторона медали. В "Истории Арагорна и Арвен" изображен совершенно другой Арагорн — не "сильное потустороннее существо", а живой человек, с человеческими мыслями и чувствами.

Помимо этой легенды, в "Приложениях" есть и много другого, что противоречит концепции ав-

тора статьи. Государства людей (потусторонних существ) обладают историей обычных государств — вереницы королей, войны, смуты... И наконец, если бы Толкин хотел под видом Средиземья изобразить "загробный мир", то вряд ли он стал бы рисовать подробнейшие карты этого мира со всеми горами, реками, дорогами и даже уровнями глубин и высот; составлять словари, вычерчивать родословные... Скорее уж можно предположить, что действие романа происходит "на этой самой земле, под этими самыми небесами".

Наконец, об эльфах и о том, что "тоска эльфов по Валимару — проявление их страсти к смерти", а "бессмертный эльф только после гибели покинуть Среднеземье навсегда. Но тогда не станет Лориена, который я знаю и люблю. Мир обеднеет, если однажды из него уйдет последний меллорн. А есть ли они за Морем, я не знаю", — говорит эльф-разведчик Хэлдир.

Таким образом, ни Средиземье, ни Валимор не являются "загробными царствами". Скорее всего, Толкин не собирался описывать "жизнь после жизни" — об этом он уже достаточно ясно сказал в "Сильмариллионе" (см. эпиграф).

В заключение позволю себе процитировать слова самого Толкина: "В моей книге говорится только о том, о чем говорится". Давайте помнить об этом и исходить из этого.

Илья Ищенко,
г. Уссурийск Приморского края

Злая шутка сверхсекретности

Капустин Яр... Это географическое и стратегическое понятие стало у нас известно широкой общественности лишь считанные годы назад. Да оно и понятно. Ведь Капустин Яр (в обиходе специалистов сокращенно — Капяр) — это самый первый отечественный ракетный полигон-космодром. Именно здесь, в "капусте", как и положено новорожденным, появились на свет, обрели жизнь в огненно-громовых потугах испытаний первенцы нашего ракетостроения: Р-1 (копия немецкой ракеты Фау-2) и уже "родная", оригинальная Р-2 с дальностью полета 600 ки-

лометров, Р-5 с ядерным боезарядом и дальностью 1200 км, Р-11 и другие.

Здесь была, если можно так выразиться, колыбель многочисленного семейства советских межконтинентальных ракет-носителей (РН), начиная с королевской примадонны Р-7А и кончая крутой богатыршей Р-36М (натовское обозначение СС-18), узнав о которой, американцы окрестили ее "сатаной". Кроме того, отсюда, с Капьяра, стартовали в небо геофизические и научно-исследовательские ракеты, РН серии "Космос".

Словом, будучи вплоть до 1957 года горячим пульсирующим сердцем всей нашей ракетно-космической отрасли, Капустин Яр считался сверхсекретным объектом. Вот почему и его местонахождение (около ста километров южнее Волгограда — тогда еще Сталинграда), и его название, да и само название сорок лет оставались величайшей государственной тайной за семью печатями — до 1985 года, когда он впервые был официально, открыто упомянут в печати.

Между тем, этот тщательно скрываемый объект оказался секретом Полишинеля не только для западных спецслужб, но и для зарубежных литераторов, а значит, и читателей. Самым же удивительным, самым воистину фантастическим было то, что сугубо секретные сведения о Капьяре — с прямым указанием на его ракетно-космические функции и даже местонахождение! — "просочились" к нам в страну "из-за бугра" на страницах... англо-американской НФ, в переводе на русский язык. А случилось это так.

В 1971 году московское издательство "Мир", специализировавшееся на выпуске малоформатных книг популярного сериала "Зарубежная фантастика", напечатало очередной сборник НФ рассказов "Через Солнечную сторону". Среди них был помещен и короткий рассказ английского писателя Артура Кларка "Колыбель на орбите". В рассказе говорилось буквально следующее: "В двадцать пять лет я был вычислителем в Капустинном Яру — недостаточно значительной личностью, чтобы присутствовать в контрольном центре, когда шел отсчет последних секунд. Но я слышал старт ракет". А несколько далее по тексту отмечалось, что космодром находится в шестидесяти милях от Волгограда...

Это была настоящая сенсация!

Как могло произойти подобное "разглашение государственной тайны" — событие невероятное, невообразимое в самом кошмарном сне? А дело в том, что сборник "Через Солнечную сторону", по всей видимости, не проходил через стражущие рогатки цензуры — своеобразной режимной колыбели при издании книг в нашей стране: об этом говорит отсутствие специального номера в выходных данных. Впрочем, если бы даже супер-бдительный цензор и прочел рассказ А. Кларка, он вряд ли бы усмотрел криминал в словах "Капустин Яр", посчитав их просто фантастической выдумкой автора. Ибо тогда никто в нашей стране, кроме самого узкого круга специалистов, не знал, что это за зверь Капьяр и с чем его едят.

Вот они — парадоксы тотальной сверхсекретности!

К слову сказать, аналогичная история повто-

рилась и с географическим термином Тюратам. Этим малоизвестным, "кодовым" наименованием военные предпочитают называть знаменитый космодром Байконур в тех случаях, когда речь идет об использовании его как боевого полигона. Однако в Книге рекордов Гиннеса (изданной на русском языке в 1988 году) в графе "Место" специальной таблицы, повествующей о рекордных полетах ракет, относительно наших запусков 1957 и 1959 годов черным по белому значится Тюратам. Вот так наша читающая публика узнала о милитаризованной ипостаси Байконура...

Эти примеры лишней раз свидетельствуют о том, что дела в отечественном ракетно-космическом ведомстве секретились только от своего собственного народа: для зарубежных читателей таких секретов попросту не существовало!

В. Дебердеев

"Аэлиты"-92 в оценке читателей

По традиции предложив подписчикам в декабрьском номере журнала оценить по пятибалльной системе нашу прошлогоднюю фантастику, приводим результаты опроса.

На обилие откликов мы не рассчитывали: общая нестабильность нынешнего бытия, естественно, не способствует возрождению оживленной в прошлом нашей переписки с читателями. Количество полученных нами открыток и писем с оценкой произведений, помещенных в "Аэлите"-92, едва-едва дотянуло до сотни. Что ж, и впрямь пора довольствоваться тем, что имеем.

Как и в прошлые годы, среднего балла мы не выводили — ни для отдельных произведений, ни для "Аэлиты"-92 в целом. Повторяем оглавление литературной части годового комплекта; в скобках после каждого названия дано общее количество оценок, а следом — разбивка по баллам: от "пятерки" до "единицы".

1. В. Крапивин. Лощман (107; 43, 41, 14, 6, 3).
2. А. Хуснутдинов. Часовой (107; 17, 20, 43, 16, 11).
3. Л. Порохня. Сказка про Ваньку (91; 7, 19, 42, 16, 7).
4. Г. Прашкевич. Ангрив-У1 (99; 19, 55, 18, 5, 2).
5. Р. Маккенна. Ночь Хогги Дарна (103; 27, 37, 30, 6, 3).
6. Н. и С. Ореховы. Серый (105; 26, 29, 37, 12, 1).
7. С. Другаль. Предчувствие гражданской войны (107; 31, 28, 32, 7, 9).
8. А. Больных. Желтый Колокол (107; 38, 44, 19, 3, 3).
9. И. Михайлов. Нехороший сегодня туман (103; 5, 14, 33, 24, 27).
10. Г. Каттнер. Идеальный тайник (105; 31, 51, 21, 2, 0).

Проверьте вашу память

Знакомые незнакомцы

Попробуйте вспомнить: из каких произведений взяты эти отрывки?

1. Наконец ракета качнулась на домкратах. Снизу раздался гул. Пилот вышел, и я узнал Пиркса.

2. Однако сообщение о возвращении тридцать седьмой звездной спутало все его планы. Он недолюбливал Эрга Ноора.

3. На опушке по другую сторону рощи Алиса взяла кролика на руки и убежала в туманный колышущийся лес.

4. Малыш, она видела, был у кромки воды, вдалеке от них, а теперь он обернулся и следил за ними широко раскрытыми глазами.

5. — За победу! — провозгласил Гусев, когда все расселись и бокалы были наполнены.

6. За дождем ничего не было видно, Зеленый полз по компасу и ни разу не отклонился — опытный был человек этот Зеленый.

Ответы на рассказ из цитат "Метаморфоза" (№ 7, 1993)

Отрывки, составившие этот рассказ, взяты из произведений:

1. От слов:
"Непобедимый", крейсер второго класса...
— С. Лем. "Непобедимый".
2. От слов:
Сначала возникла точка...
— Д. Биленкин. Вечный свет.
3. От слов:
Аппарат сошел...
— Д. Биленкин. Как на пожаре.
4. От слов:
Теперь только посадка...
— А. Балабуха. Путиами космопроходцев.
5. От слов:
Экипаж корабля прижался...
— О. Ларионова. Поздравление.
6. От слов:
— Чудесный мир!..
— А. Шалин. Чудесная планета.
7. От слов:
Черные озера источали...
— К. Булычев. Глубокоуважаемый микроб.

рытые пушистыми одеялами. Пятый сидел на хозяйском сидении, подперев голову рукой. На Свальбарде совсем не было гнили, и время лишь превратило людей в обтянутые кожей скелеты. Если их не тревожить, они останутся такими же до сумерек мира, до великой битвы Богов.

Оттар подошел к сидевшему и внимательно осмотрел его, не касаясь руками. При жизни этот человек был великаном. Даже теперь его рост и ширина плеч бросались в глаза. И он был одет, как одевались халогаландские викинги: кожаные штаны, заправленные в теплые сапоги, полушубок мехом наружу... прямые, очень светлые волосы в которых почти не было седины, спадали из-под шапки на плечи. А на коленях, в ножнах, украшенных резным серебром, дремал длинный меч.

— Так значит, сбылась твоя мечта, Виглаф Ворон сын Харальда из Торсфиорда, — негромко сказал ему Оттар. — Я понял, что это ты, еще по кораблю. Но мало верилось мне, что я увижу здесь тебя самого.

Хельги, стоявший с кресалом в руке, едва не выронил его на пол. Потом подошел к Оттару и остановился подле него. Сердце бешено колотилось. Так вот почему он не испытал особого страха, увидев мертвого хозяина дома. Негоже бояться родни. Задумчиво склонив голову на руку, перед ним сидел его дед.

У него был пояс с искусно отлитой серебряной пряжкой: в точности такие носили дяди и брат. Еще один пояс-близнец лежал дома, в заветном сундуке вместе с волчьей курткой отца... И эти мягкие сапоги с вышитыми на них знаками рода... такими же, как те, что Хельги старательно и ревниво подновлял на собственной обуви...

И если бы Виглаф Ворон открыл вдруг глаза, они наверняка оказались бы синими, как небо, как студеное море весенним ветренным днем. И он узнал бы внука. Непременно узнал бы...

Хельги чувствовал, что должен заговорить, но волнение душило его, он не мог справиться с собой и молчал.

— Ну, сейчас опять пойдет болтать о родне... — тихоночек, словно про себя, хмыкнул Карк у него за спиной. — Начнет всем доказывать, что не сбежал от хозяев!

Он хотел насмешить Оттара и побольнее задеть Хельги. Он не знал, какую лавину стронут его слова.

Обида охватила Хельги, как жгучее пламя, как давешняя ледяная вода. Обида из тех, за которые в отплату требуют жизнь! Что он сотворил бы дальше, неведомо; Оттар обернулся первым, и Карк покатился по полу, угодив ногами в очаг. Он поднялся на четвереньки, глядя непонимающими глазами: за что такая награда?.. Верный пес, опять получивший от возлюбленного хозяина внезапный и жестокий пинок. С его подбородка капала кровь, и Хельги одумался. Не мстят рабам и собакам. Их либо убивают на месте, либо не обращают внимания.

— Возьми, — проговорил Оттар и глазами показал Хельги меч на коленях молчаливого хозяина дома. — На тебя он не обидится.

Кусая губы, Хельги приблизился, посмотрел в лицо сидевшему и, решившись, бережно потянул наследие своего рода из-под иссохшей руки в кожаной рукавице.

Меч дался ему будто даже с охотой. Он не попытался выпасть из ножен и наказать похитителя, как надлежит верному клинку. А рука деда осталась висеть на три пальца выше колена, словно ветка умершего дерева...

— Ты еще поплывешь к Одину на корабле, Виглаф Торсфиордец, и твои люди вместе с тобой, — проговорил Оттар по-прежнему тихо. — Это я тебе обещаю. Мы вернемся сюда с конунгом и похороним вас как подобает. А теперь нам надо спешить.

Он оглянулся на Хельги — тот стоял совсем бледный, крепко прижимая к груди меч, — и кивнул ему:

— Гаси очаг, пора нам идти.

23. Гуннлоги не обманул

— Они не замерзли, — рассуждал Оттар, шагая по каменной пустоши мимо знакомого озера. — У них там полно было дров. И не голод взял их. Вокруг много дичи, да и ремни на одеждах все целы. Думается мне, они умерли от болезни. У Вагна тоже умер один человек, который не стал дожидаться, пока медвежье мясо прожарится как следует. Видел ты там белую шкуру? Может, этот медведь и ломился к ним в дом...

Хельги слушал молча. Он потрогал руку деда, когда вытаскивал меч. Твердая и холодная, она не ответила на прикосновение. И теперь ему все казалось, будто он был виноват — не пришел к Холодному Берегу на корабле, не подоспел вовремя, не спас... Что с того, что Виглаф умер задолго до срока, когда ему, внуку, выпало родиться на свет... Хельги воочию представлял, как зима за зимой превращали дом в бесформенную снежную глыбу, как разгорались многоцветные, ослепительные, шумные весны, а дверь все так же оставалась закрытой, и люди не разговаривали и не двигались в темноте, лишь иней то покрывал их лица, то пропадал...

— Наверяд ли старик собирался здесь зимовать, — продолжал Оттар. Ракни когда-то называл его отчаянным викингом, но не их тех, кто пренебрегает опасностями. Жаль, приглянулся им неудобный фиорд! Наверное, это моржи их привлекли, ты же слышал, как ревели за мысом. А потом фиорд забило льдами, и они не сумели выбраться до холодов...

— Их всего пятеро там, — сказал Хельги, глядя под ноги. — Где же остальные?

Оттар покачал головой.

— Это мы навряд ли узнаем. И, боюсь, никто теперь не узнает.

У Хельги сильно разболелась под мешком исхлестанная спина, и он все поправлял наплечные лямки, стараясь не подавать вида, но Оттар вдруг сказал ему:

— Я, кажется, поколотил тебя сильнее, чем следовало. Не сердись, просто я очень за тебя испугался.

Хельги почувствовал, что краснеет.

— Мог бы лупить меня крепче, я заслужил. Я прыгал тебя выручать, а вышло, что тебе еще пришлось возиться со мной.

Оттар обдумал эти слова, потом ответил с усмешкой:

— Если бы мне не пришлось возиться с тобой, может, я и сам не отделался бы так легко.

Меч деда висел у Хельги за левым плечом. Хельги все время чувствовал его там, словно нес живое существо.

Карк плелся сзади, не поднимая головы и не радуясь солнечному дню. Хельги мог бы припомнить, как вышел из дома и увидел: Карк сидел согнувшись и покачивался, точно пьяный. Но Оттар позвал помочь поставить на место запор, и стало не до того. А когда они взобрались на перевал и развернули мешки, он уже наполовину сквозь сон услышал, как Карк сел рядом с Оттаром и робко спросил:

— Стал бы ты спасать меня, если бы это я побывал в воде?..

— Да ну тебя, Карк, — буркнул Оттар, устраиваясь на жестких камнях. — Ты же сообразил, что следовало делать, и спустился сухим.

Хельги прижался щекой к теплему черену меча и уснул. Этот меч не превратится в гадюку и не ужалит его. Не зря он следил за знаками рода на сапогах и старательно подражал резковатому северному выговору халейгов, а когда мать кроила одежду, просил украсить ее, как любили в Халогаланде! Мать бралась за вышивку, и, конечно, всякий раз наполовину разбавляла узор привычным, словенским. А Хельги с неизменным удивлением убеждался, что это несколько не портило работы...

На другой день впереди вновь засиял бело-голубой горб ледника и за ним — густая синева моря и встающая из волн серебряная Валхалла островов.

— Не обманул меня Гуннлоги! — взглядевшись. Сказал Оттар довольно. — Он достаточно ходил со мной по морю и тоже понял, что Вагна остановит северный ветер!

Корабль Ракни сэконунга по-прежнему одиноко стоял на подпорках. Вилса над крышей дома серый дымок, ходили по берегу люди, кто-то ловил рыбу, выехав на лодке на середину фиорда... На сей раз ледник злоеще загрел прямо под ногами, заставив всех подскокнуть, и Оттар велел идти по длинной полосе глины с камнями, тянувшейся вдоль его изрытой ручейками спины. Здесь можно было не опасаться трещин, но подмокшая глина, скользкая, как свиное сало, так и плыла, и трое спустились вниз перемазанные с головы до пят.

— Знать бы заранее, что ты потеряешь два добрых лука и копье —никуда бы я тебя не отпустил, — проворчал Ракни, когда путешественники подошли к дому и друзья их окружили. — Ну, показывай, непоседа, что ты там принес мне взамен!..

Оставшиеся дома тоже, оказывается, не теряли времени даром. Сушились в сторонке добротнo отскобленные шкуры, а стол ломился от тюленьего и моржового мяса, напоминавшего по вкусу говядину. Хельги сидел на мягко застланной лавке, вытянув ноги к огню, жевал хрустящую жирную корочку и слушал вполуха, о чем рассказывал Оттар. Иногда ему начинало казаться, что все пережитое за эти пять дней и ночей привиделось ему во сне. Тогда он поднимал глаза и смотрел на меч, который Ракни из уважения к павшему повесил на стену подле своего. Ножны и рукоять мерцали в отблесках очага, будто подмигивая, и Хельги, слегка захмелевший от сытости и тепла, отвечал тем же. Ему вспомнилось, как разговаривал в нем Оттар в доме деда и после, и делалось еще теплее и веселее. Придется им всем тут поверить в его родство с викингами из Торсфиорда. С

теми, что разведали Свальбард самыми первыми опередив Вагна Морехода и Ракни! И произойдет это скоро. Совсем скоро...

— Неплохо ты сделал, пообещав ему похороны, — сказал конунг. — Мало верится мне, чтобы Один не принял его, хотя он погиб и не в бою. Это был великий герой. Как только я разделаюсь с Вагном, мы сразу отправимся туда и совершим все, что надлежит.

24. Смех ледового тролля

Карк сидел на прибрежных камнях, неторопливо чистя котлы — Вагна и корабельный. Вода, в которой плавали куски льда, неохотно смывала прилипчивый жир. Впрочем, Карку было не впервой. Он разложил костер между камнями и подогревал на нем то один котел, то другой, заскорузлой горстью сгребая темный песок.

Пискнула дверь, и из дому, зевая и шурясь, выбрался Хельги. Накануне у него не достало сил долго бороться со сном: он первым лег спать и вот теперь проснулся раньше других.

Хельги потянулся и подошел к берегу умыться, но Карк только что выплеснул грязный кипяток, вода была мутная, и Хельги обогнул дом, направляясь к реке.

Река текла из другой долины, не из той, куда они ходили. Хельги понаблюдал немного за рыбами, проносившимися в бегущей воде. Наверное, в верховьях реки тоже стоило побывать. Может быть, потом, когда они уберют Вагна и ограбят его кнарр... Хотя навряд ли у верховий сыщется что-нибудь значительнее, чем дом деда, найденный за перевалом!

Хельги вернулся к двери и сел на пороге. Посмотрел на согнутую спину Карка и вдруг впервые подумал, что этому бедолаге за всю его жизнь, похоже, не приходилось слышать доброго слова. Разве только от Оттара — не зря же Карк готов был умереть за него по первому знаку...

Карк неожиданно оглянулся на Хельги и сказал:

— Оттар вчера весь вечер рассказывал, как забавно ты прыгал от страха на леднике, и конунг очень смеялся.

— Да?.. — спросил Хельги ровным голосом, подходя и останавливаясь в двух шагах. — Наверное, тебе тоже хочется посмеяться?

Он ждал, что Карк тотчас вспылит и схватится за меч, ибо все они теперь ходили с оружием по приказу вождя, со дня на день ожидавшего Вагна. Но вольноотпущенник лишь невесело покачал головой и ответил:

— Зачем мне смеяться? Чтобы вы с Оттаром меня снова избили?.. Просто Ракни сказал вчера: Хельги Виглафссон не побоялся бы встать на краю ледника, на самом обрыве. И даже не обернулся бы на треск за спиной.

Хельги проговорил недоверчиво:

— Мой отец ни перед кем не опускал глаз, но он не хвастался мужеством, когда от этого не было проку.

Карк равнодушно пожал плечами и снял с огня вскипевший котел:

— Выбирай сам, как поступать, а мне нет дела ни до тебя, ни до твоей родни. Мне просто жаль Оттара, он ведь почти совсем поверил, что ты не врешь.

Хельги посмотрел на ледник... Неуютно мерцавшая громадина заполняла вершину фиорда, красновато-черные скалы нависали над ней с боков. Хорошо виден был прибрежный обрыв, местами гладкий, местами разбитый трещинами, подточенный беспокойной водой, гулко плескавшийся в устьях глубоких пещер... Там действительно совсем не было нерп, знать, нерпы боялись падавших глыб. Ладно, если начнет отваливаться глыба, это всегда можно почувствовать и вовремя отскокить... Обрыв казался совсем близким, но на самом деле предстояло шагать и шагать...

Карк долго смотрел ему вслед. Потом опять принялся за котел.

А воин-сторож, ходивший туда-сюда с копьем в руках, глядел большей частью в сторону моря.

Оттара очень обрадовала солнечная погода: ни клочка тумана на всем небосводе! Правду сказать, Свальбард нравился ему и в снегу, и затянутый тучами... но северный ветер означал, что и нынче они не дождутся.

Взяв ведерко, он привычно поискал глазами Хельги.

— Он сидел здесь, а потом ушел, — сказал Карк. — Кажется, на реку, я не смотрел.

Когда из дому вышел Луг, Оттар озираясь с круглого валуна, затенив ладонью глаза. Вот он увидел что-то и замер... Солнце висело прямо над ледником, но острое зрение различало уменьшенную расстоянием фигурку, неподвижно стоявшую у обрыва.

— Что он там делает?.. — спросил Оттар встревоженно. Никто ему не ответил. Тут со стороны ледника донесся удар грома, а еще прежде они увидели, как человек взмахнул руками и шагнул в сторону, но все-таки упрямо вернулся на прежнее место и остался стоять...

Оттар спрыгнул с валуна и молча побежал к леднику. Ирландец не раздумывая кинулся следом. Карк растерялся было, но затем поспешно отряхнул руки и пустился вдогонку, придерживая мешавший ему меч. Однако Оттар бегал гораздо быстрее их обоих, и они скоро отстали.

Хельги не увидел Оттара, выскочившего на ледник в сотне шагов от него. Он смотрел на фиорд, на высившиеся вдаль снежные пики, но мало что видел. Его тошнило от страха и от стыда за этот страх. Только что обрыв едва не сбросил его, вздрогнув под ногами и как будто накренившись вперед... Конечно, это только казалось, и трусость была тем недостойнее.

— Хельги! — во всю мочь крикнул Оттар, приложив руки ко рту. — Хельги, берегись!

Но в это время ледник снова загрохотал, похоронив его голос, и Хельги ничего не услышал: ни предупреждения, ни того, что его впервые назвали по имени. Он не пошевелился, и тогда Оттар побежал к нему по скользкому склону, спотыкаясь, перепрыгивая через ручьи.

Хельги обернулся только тогда, когда Оттар, задыхаясь, схватил его за плечо. И первое, что он увидел, была глубокая трещина, отделявшая край ледника, на котором оба стояли. Она росла на глазах, расширяясь, блестящая свежими гранями...

— Быстреей!..

Оттар первым перелетел через провал, покидая рождавшийся айсберг. Хельги, прыгнувший следом, по-

скользнулся и упал грудью на край. Зевнула под ногами непомерная бездна, и он в мгновение ока рассмотрел ее всю, ослепительно чистую, полную спокойного голубого огня... Оттар успел плашмя броситься на лед и сгрести его за одежду. И бегом рванулся дальше наверх, к самой макушке ледника. Хельги поспевал а ним изо всех сил.

Что было дальше, хорошо видели люди конунга и сам Ракни. Вот неожиданно прекратились громовые раскаты, и снова стали слышны крики чаек, метавшихся над фиордом. И огромный ломоть льда начал неторопливо и тихо сползать, погружаясь в зеленую воду. Вот он скрылся весь целиком, и на его месте вспух тяжелый пузырь, внезапно расцветший неистовым водяным вихрем, ослепительно сверкавшим на солнце. Море протянуло когтистую лапу, достав и накрыв две черные точки, медленно, слишком медленно отползавшие прочь... Это продолжалось целую вечность. И вот наконец вода схлынула, возвращаясь, и сделалось видно, что из двух фигурок осталась на месте только одна.

И лишь тогда докатился чудовищный хохот ледового тролля, сожравшего человека.

По берегам фиорда с ревом и грохотом промчалась волна. Она чуть-чуть не добралась до корабля, уволокла брошенные Карком котлы и с размаху смела костерок — едва не прежде, чем он успел на нее зашипеть.

Хельги стоял на бурой крошащейся гальке, шатаясь и прижимая левый локоть к боку ладонью, а сбежавшиеся люди стояли вокруг. Прямо перед собой Хельги видел конунга, его сумасшедшие глаза и лицо, перекошенное от боли. Ракни что-то говорил ему, а может, кричал, держа меч, выдернутый из ножен, но Хельги различал только, как двигались губы. Он все еще был там, на леднике, и надвинувшаяся стена воды без конца опрокидывала его и тащила, сбив с ног. Он помнил, как ухитрился втиснуть локоть в какую-то ямку, как схватил мелькнувшую руку Оттара в рукавице и держал ее, не выпуская, даже когда противно затрещало плечо и стало нечем дышать... И как потом отступила вода и он остался лежать, вмятый в лед, все еще не веря толком, что спасся, и окликнул Оттара, но Оттар не отозвался, и тогда он посмотрел и увидел, что в рукавице, которую судорожно стискивали его пальцы, вместо живой руки торчал обломок ледышки...

Ракни пошел к нему, заноса меч для удара. Хельги не попятился. Ракни поступит по справедливости. Солнечные блики росли на длинном клинке. Оттар ждал по ту сторону темноты.

— Это я подучил его пойти на ледник, — сказал вдруг Карк, и все обернулись. Карк понемногу отступал прочь из круга, к воде. Он тоже держал перед собой меч, и у него были глаза мертвеца. Жил только вздрагивавший и кривившийся рот. Он сказал:

— Думал я истребить никчемного мальчишку, а погубил Оттара. теперь мне незачем жить.

Ракни конунг миновал Хельги, как пустое место.

— Не придется тебе поганить Рождающего Вдов, — сказал Карк. Поставил свой меч рукоятью на камни и навалился грудью на острие. Круглый кончик клинка неохотно вполз в тело, но Карк согнул колени и навалился сильнее, и куртка на спине приподнялась острым горбом. Карк покачнулся и упал. Когда подошел Ракни,

он посмотрел на него и выговорил, захлебываясь пузырящейся кровью:

— Станешь сжигать Оттара, брось меня ему под ноги...

— Не будет тебе этого, — ответил сэконунг. — Тебя зарюют там, где море встречается с землей⁴. Ты не стоишь огня.

Вот тогда Карк завыл, корчась на мокрых камнях. Этот вой звучал над берегом невыносимо долгое время, но в душе Хельги дотла выгорело все способное чувствовать, и он не оглянулся. Луг ощупал его выдвинутое плечо и резко ударил ладонью, ставя руку на место. Хельги ничего не сказал и не переменялся в лице. Это была всего лишь боль тела, не заслужившая, чтобы ее замечать.

25. Лебедь

Трудно было придумать худшее горе, и притом такое, чтобы хватило сразу на всех. Два дня они разыскивали Оттара, два дня без сна и без еды. Сперва с какой-то надеждой, иные даже окликали его присушивались — не отзовется ли... потом уже без надежды. И все-таки их удача была велика: Оттара нашли.

Повезло с этим самому Ракни. К концу второго дня отчаявшийся гонунг взобрался на ледник и посмотрел оттуда на айсберг, убивший его премного сына. Ледяная гора так и не смогла покинуть фиорд и стояла у дальнего берега, застряв на мели. Там-то Ракни увидел Оттара, примерзшего ко льду. Должно быть, айсберг подхватил его, переворачиваясь. Вот и вышло, что разглядеть Оттара можно было лишь с высоты.

Ракни молча спустился вниз и пошел по берегу. Прилив нанес в фиорд битого льда, толстые белые щиты грызли и перемалывали друг друга, ворочаясь между айсбергом и камнями. Викинги, не спускавшие с вождя внимательных глаз, видели, как он ступил на ближайшую льдину и пошел прямо вперед, со звериной ловкостью перепрыгивая с края на край. Он ухитрился даже обойти айсберг кругом, выбирая удобное место для подъема. И полез на вершину, помогая себе топором. Постоял немного над Оттаром и принялся вырубать его изо льда.

Подоспевшие люди по одному повторяли его путь.

Оттар лежал на спине, безжизненно раскинув руки и ноги, и лицо под ледяной коркой осталось почти спокойным, только на губах смерзлась кровь, выдавленная их легких, а синие глаза закрылись лишь наполовину, и левая рука была согнута в локте, как будто он силится приподняться... быть может, его выбросило сюда искалеченного, но еще живого, и он пытался позвать на помощь, вырваться из ледяных пут?.. Он звал все тише и тише, медленно вращая в голубоватую толщу, и все это время они ходили в какой-то сотне шагов и не ведали, что он здесь, что он жив, что его еще не поздно спасти!..

Секира конунга свистела в воздухе, с неистовой силой взламывая лед. Потом Ракни бросил топор, поднял на руки нагнувшееся тело и шагнул с ним вниз. Он спустился к самой воде, ни разу не оступившись. Там уже ждала лодка, подогнанная через залив.

— Надо выполнить то, что мой сын посулил Виглафу из Торсфиорда! — сказал Ракни сэконунг. — Я похороню их всех вместе и так, как хоронят героев. Спускайте корабль!

Катки уже подминали скрипучую гальку, когда один из воинов осторожно напомнил:

— Ты заклял свою удачу, вождь, пообещав не спускать корабля.

Ракни холодно глянул через плечо:

— Это я клялся, не ты. А мне теперь наплевать.

...Вот и снова стоял Хельги на том берегу, откуда совсем недавно уходил таким счастливым, унося славный меч и тайну гибели деда, не первый десяток зим мучившую его род... А едва не большая половина половина счастья была оттого, что рядом шел Оттар. Хельги крепко любил дядю и брата. Но дядя и брат жили в Халогаланде и редко приезжали надолго. Наверное, Беленькая не спроста посчитала их с Оттаром братьями, младшим и старшим... Беленькая... Беленькая... Она называла викингов Людьями-кораблями и забавно дивилась имени судна: ведь она сама была из рода Оленя...

Всю дорогу сюда Хельги стоял на корме, около вождя, державшего правило. Он показывал путь — единственный живой из троих, бывавших здесь раньше. Нелегко дался ему этот труд, ведь тогда они путешествовали пешком. Все же он не ошибся и точно вывел корабль. А Ракни за все полдня не сказал ему ни слова. Ни единого слова.

Теперь Олень стоял за ледяной перемышкой, удерживаемый якорями, а люди отовсюду стаскивали плавник, обкладывая ладью торсфиордцев. Следовало бы спустить ее и отправить в море пылающей, но за множество зим бортовые доски отошли одна от другой, да и как перетаскать корабль через торосистый лед... Виглафа вынесли из дома, осторожно вырубив часть скамьи. Когда морской ветер дохнул на деда, тронув волосы, Хельги показалось, что тот вот-вот встанет и выпрямится, оживая... Виглафа усадили под мачтой корабля, там, где лежал уже Оттар. Рука старого викинги по-прежнему висела над коленом, держа пустоту. Ракни подумал немного и вложил в нее добрый меч, давно потерявший владельца и скучавший без дела на дне сундука. Оттару тоже предстояло войти к Одину, неся чужое оружие. Когда хотели снять Гунлоги со стены, ремни ножен захлестнули деревянный гвоздь, стянувшись мертвым узлом.

— Это вещей меч, — сказал Ракни сэконунг. — Он хочет остаться здесь, и перечить ему негоже.

На родине матери вокруг погребального костра делали краду — огненный круг, не дававший смотреть, как пламя прикасается к мертвым. Очень уж тяжело это видеть, а у потерявших любимого и так горя в достатке. Да и не к чему наблюдать последнее таинство глазам смертного человека!

Племя отца верило в других богов, а вместо крады здесь был высокий борт корабля, вспыхнувший весь разом, от форштевня до рулевого весла.

Хельги закрыл глаза... Судьба была выращена и сжата, как горсть ячменных колосьев, тяжело ложащихся в ладонь. Он никуда не пойдет с этого места. Он

4 Где море встречается с землей... — т. е. место, не принадлежащее ни одной из стихий. В таких местах хоронили преступников.

останется здесь и умрет, а умерев, почернеет и высохнет, как дед Виглаф и его друзья. Он будет бродить по Свальбарду, по речным долинам, по каменным осыпям и снежным вершинам, и самый тонкий наст не проломится под ним, и звук шагов не потревожит чутких гусей... Может, он еще встретит деда и Оттара, прежде чем они умчатся в Вальхаллу. Он попросится кормщиком к ним на корабль. Навряд ли они велят ему убраться...

Бешено гудело высокое пламя, превращавшее в пепел бесплотные останки деда и могучее тело Оттара, еще так недавно умевшее сражаться в бою, работать без усталости — и любить...

Вот провалилась палуба корабля, поник на носу прекрасный деревянный дракон, рухнула мачта, и все начало смешиваться одно с другим, превращаясь в бесформенные головни.

Откуда-то с моря вдруг взялся белый лебедь, неторопливо летевший на север. Сперва он так и шархнул-ся от клубов черного дыма, взметнувшихся навстречу. Но скоро будто почувствовал, что здесь ему не будет беды. Описал круг над головами людей и скрылся за скалами.

Хельги проводил его взглядом и вспомнил, что говорил Оттар а подстрелянных лебедях. И как они принесли жертву возле Рогатой горы. И знак, которого никто не объяснил. А ведь это было так просто. Голова оленя и белая птица, распластанная на окровавленном льду! Ты добудешь лебедя-Вагна, сказал конунгу Один. Но смотри — придется тебе отдать за него лучшего из всех, кто ходит на Олене, твоем корабле!

Наверняка и сам Ракни думал о том же. Его рука лежала на рукояти меча, и пальцы свело от напряжения. А потом стоявшие ближе других услышали:

— Ты заплатишь мне, Вагн, еще и за то, что я поехал в эту проклятую страну и лишился здесь сына.

и потом, когда огонь взвился особенно яростно:

— Море дало мне тебя, море и отняло. Только вот не думал я, что это случится так скоро.

Долго горело светлое пламя, и дым восходил высоко, обещая сожженным великие почести на небесах. Когда угли завалили камнями, а в опустевшем доме Виглафа стали накрывать стол для священного поминального пира, Хельги сел возле кострища, вложил руки на колени и опустил на них голову. Луг подошел к нему и наклонился, желая что-то сказать, желая что-то сказать, но Ракни, входивший в дверь, обернулся.

— Ступай в дом, ирландец!

Хельги показалось, что это прозвучало брезгливо. Пусть так.

Луг подошел к конунгу и тихо ответил, глядя в глаза:

— Тебе Оттар был сыном, а мне остаться здесь.

Ракни посмотрел на него, потом на неподвижного Хельги... коротко кивнул и шагнул через порог. Впервые с тех пор, как его назвали вождем, он уступил чьей-то воле. Хорошо знавшие конунга удивились бы он немедля свернул шею монаху или приказал повесить нечестивца, пренебрегшего священной едой.

А Луг вернулся к Хельги и сел на камень против него, Когда рука Хельги выскользнула из-под головы и

повисла, ирландец стащил с плеч куртку и закутал его, спящего, поудобнее уложив на земле.

...Хельги плыл, теряя силы в холодной воде, и кудрявый парень смотрел на него смешливыми глазами, глядя пригревшегося на коленях кота. Нет, этот воин не отрубил бы руку, схватившуюся за борт. Скорее он сам выскочил бы в воду и спас Хельги, если бы тот начал тонуть!

Он и стукнул-то его тогда именно как меньшого братишку, с перепугу наговорившего дерзостей. Ударил бы как следует, и не увидел бы Хельги никогда свальбардских туманов.

...Хельги греб длинным веслом, и нарыв наливался гноем и болью, пронзая плечо, а Оттар подхлестывал язвительными словами, хорошо зная, что здесь поможет только работа...

...Беленькая гнала легкую лодку, и кот пел победную песню, а Оттар протягивал руки, перегнувшись через борт корабля.

Но все не уменьшалась между ними полоска темной воды, и с медленным грохотом раскалывалась ледяная гора, и ужас рос в глазах финской девчонки, и все отчаянней взмахивало весло, и соленые капли смерзались на загорелых щеках, ледяной коркой сковывая лицо...

А потом словно бы заплакал маленький мальчик.

Он открыл глаза, и сперва ему почудилось, будто все сбилось и он был на корабле деда, резавшем небесные волны. Но поистине такое было слишком уж хорошо. Покачивались над головой знакомые облака, и полосатый парус гнал прочь надежду. Значит, смерть опять прошла стороной, Берег Мертвых не хотел его принимать... Хельги повел глазами и увидел на ближней скамье рыжего Луга.

— Да пребудут с тобой Господь и Мария, — сказал ирландец. — Что тебе снилось? Расскажи, если хочешь а я попробую истолковать.

— Мало хорошего, ответил Хельги неохотно. — Я слышал плач.

Луг кивнул, несколько не удивившись. Навряд ли стоило говорить вслух о том, что это сам Хельги только что плакал во сне. Луг сказал так:

— Вот и мне больше всего жаль не Оттара, не Карка и не тебя. И даже не Беленькую. Я думаю про ее сына, которому тоже захочется разузнать об отце. А что она сможет поведать ему? Они с Оттаром не были вместе и десяти дней.

Хельги рывком сел, открывшееся совпадение ослепило отблеском далекой грозы: его собственная мать, всего девять дней и ночей прожившая у отца!.. Он даже не спросил, с чего это Лугу вздумалось жалеть Карка, который и так умер слишком легко...

Луг отвернулся, посмотрел вперед. Там уже виднелось устье фиорда и айсберг на мели, который люди, не сговариваясь, нарекли Оттаровой Стамухой⁵. На обратном пути Ракни обошелся без проводников.

Монах проговорил негромко, как бы думая вслух:

— Этому малышу надо будет вырасти похожим на Оттара. Ему пригодился бы старший брат, неплохо знавший отца...

— Пригодился бы, — сказал Хельги. Луг оглянулся:

5 Стамуха — большой айсберг, севший на мель.

на него смотрел суровый, умудренный испытаниями муж, постигший цену словам.

26. Парус!

Когда минуют Сумерки Богов и мир, спасенный от огня, возродится, на Оттара будет похож человек по имени Ливтрасир, Сражающийся-За-Жизнь. Слишком велика была в нем живая и горячая сила, чтобы полностью умереть даже на погребальном костре. Людям продолжало казаться — он вот-вот распахнет дверь и войдет, и все станет как прежде. Никто не садился на его место за общим столом, и Хельги видел, как порой воины поворачивались в ту сторону, желая что-то сказать, спросить или пошутить, и напарывались взглядом на

пустоту. Только Пламя Битвы безмолвно поблескивало на стене... Это прекратится нескоро.

Ракни вспоминал сына не чаще и не реже других. Он ни разу не вздохнул, когда при нем заговаривали об Оттаре. Однажды в Линсетре женщина хоронила любимого брата, утонувшего в ведьминой польньне под Железной Скалой. Эта женщина почернела от горя, но не выронила ни слезинки, сидела около мертвого и сама выглядела мертвой, пока не подошел старый Эйрик и не отпустил какую-то очень грубую шутку, мол, ни девкам, ни женам проходу не было от твоего парня, а вот Ран-великанша, как видно, сумела за себя постоять.

Тут-то она всплеснула руками так, что платье лопнуло под мышками, и хлынули слезы, уносящие из сердца недуг, и мудрый Эйрик первым обнял горюху...

Ракни, конечно, ни в чем таком не нуждался. Людей вроде него излечивают не слезы. Конунг теперь подолгу пропадал один на морском берегу: а возвращаясь домой, говорил о сражениях или молчал.

За Хельги Виглафссона отомстил сам вождь словен. Отец еще дышал, когда князь зарубил человека, проткнувшего его копьем. Другое дело, это никого уже не спасло.

За своего родича Ракни поклялся о голове Вагна Морехода и отправился добывать ее в самую вершину моря, на Свальбард. За внучатого племянника, который погиб в Скиринглсале по собственной глупости, которого Ракни и видел-то последний раз еще в колыбели, зато предостаточно наслышан был от общей родни — бездельный удался парнишка, не многого от него и ждали!

За Оттара... во всех девяти мирах не нашлось бы уголка, куда не добрался бы конунг, и существа, которое он пощадил бы, творя свою месть. Но за Оттара убивать было некого. Тролля не вызовешь на поединок. Воду и лед не поразишь ударом меча. А Карк свое уже получил.

Однажды Ракни вернулся с берега раньше обычного и с головой до ног залитый кровью. Он отстранил воинов, встревоженно бросившихся навстречу.

— Это не моя кровь. Сходите кто-нибудь, обдерите медведя.

Медведей они видели часто, но до схватки еще не доходило.

Викинги немедленно отправились по следу, прихватив с собой волокушу; и на диво лют оказался тот медведь и громаден! Поднятый на дыбы, он далеко превзошел бы самого рослого человека, а про зубы и когти на лапах, крепких, как кованое железо, не стоило говорить. Он был убит одним страшным ударом: меч Ракни раскрыл его голову и всю тушу до середины груди. Хозяин Льдов повстречал ярость и силу себе под стать.

Да, не мало будет Вагну, когда Рождающий Вдов выползет из ножен по его душу. И уж в особенности, если Ракни возьмет Вагна живым!

Неподалеку от дома, за голыми песчаными дюнами, расположилось гагачье гнездовье. Хельги повадился ходить туда и по полдня наблюдать за какой-нибудь гагой, терпеливо гревшей будущее потомство. Утки подпускали его вплотную, и дело было не только в доверчивости: прожорливые поморники с криком и дракой кружились над самыми головами насекомых, — попробуй

отлучись от гнезда! Хельги изловил двух разбойников и привязал их к шесту. Пленники молотили длинным и крыльями, раскачивая жердь. Сперва они истошно кричали, потом замолкли и умерли. Хельги выкинул их песцам и поймал двух новых на смену.

Как-то на гнездовье заглянул Луг, послушал кошачьи вопли повешенных птиц и стал просить Хельги отпустить неразумных, творящих зло не со зла.

— Не твое дело, — сказал ему Хельги, и монах принужден был отступить.

Хельги сильно переменялся и сам это чувствовал. Он был иным даже тогда, когда стоял перед конунгом, придерживая вывихнутый локоть. Болели и отваливались невидимые стружья, щенок, выкинутый из лукошка, полз на берег, хрипя и даваясь проглоченной тиной, теперь в его памяти было не только родное материнское брюхо, пахнущее молоком, но и беспощадные пальцы, стиснувшие загривок, и холод, и плач братишек с сестренками, захлебывавшихся в воде... руку, протянувшуюся к нему нынче, встретило бы рычание, а не визг.

Воины и сам Ракни больше не винили его, по крайней мере вслух. Казнить ли спасшегося от смерти, за то, что другой бросился на выручку и погиб сам? Но если бы предвидеть, какую неудачу принесет он на корабль, его поистине утопили бы еще у Железной Скалы. Хельги знал это наверняка. Да... Могли бы суровые молодцы стрелять и пометче...

Потом очередной шквал замел снегом гагачий берег, да так, что наружу торчали лишь головы многострадальных наседок. Хельги подоспел на помощь и осторожно откапывал уток. На другой день он попробовал погладить одну из гаг. Та сжалась в комочек, но не бежала с гнезда. Хельги трогал теплые перья, беззащитную шею и, казалось, вспоминал что-то давно позабытое...

Однажды из-за мыса долетел голос прибоя, быстро перешедший в низкий грохочущий рев. Тяжелый накат принялся сотрясать каменные кручи — Ракни, вернувшийся с высокого берегового обрыва, бросил у очага меховой плащ, мокрый от брызг.

— Шторм идет с юга, — сказал он коротко. Вытащил прочную франкскую кольчугу, внимательно осмотрел ее и надел. Взял шлем и стал проверять, не ослабли ли заклепки. Воины начали снимать со стен мечи и секиры, надежные, красиво разрисованные щиты... Может, эта буря принесет с собой Вагна? Пора бы!

Море было теперь иссиня-серым и страшным; на юге росла из воды зловещая стена облаков. Скоро она закроет солнце, и станет темно. Придет ветер и будет срывать с катящихся волн дымные гребни, метя океан...

Ракни первым вышел наружу. Фиорд, заслоненный горами и зубчатым хребтом сторожевого мыса, еще оставался спокойным; но на большой залив, куда без помехи вкатывалась зыбь, жутко было смотреть. Ветер словно пригнал волны, и лишь на отмелях они торжественно выпрямлялись, делались круче и круче и наконец обрушивались, захлестывая неприступные утесы, на сотни шагов заливая галечные низины. Плотное облако брызг тянулось далеко вглубь страны... Это была буря из тех, что могут до неузнаваемости изменить побережье. Шторму еще добавлял силы прилив: высоко подымавшаяся вода стронула даже Оттарову Стамуху, и

та медленно поворачивалась, царапая дно... Недаром носились серые буревестники, недаром загадя ушли с лежбищ моржи! Хельги забежал проведать гнездовье. Гаги, наученные опытом поколения, сидели спокойно. Здесь было хорошее место: большинству птиц ветер даже не встопарчивал перьев. Он лишь повалил шест с привязанными поморниками. Один хищник издох и валялся, как смятая тряпка, второй разинул клюв и попытался схватить Хельги за рукавицу. Неожиданно для себя самого Хельги перерезал веревку и ногой отбросил птицу подальше от гаг. Немного погодя та приподнялась и заковыляла, волоча крылья, как пьяная, прочь...

Долгое время в море не было совсем ничего видно, только летели черные тучи, все ниже прижимавшиеся к воде. Хельги начал уже думать, что ожидание снова окажется напрасным. Наверняка Вагн отсиживался где-нибудь за островом, а может, давно уже потонул. Великое нужно было искусство, чтобы обмануть этот шторм, не дать ему погубить себя и корабль!

Хельги оглянулся на дом, так облепленный снегом, что скрылись цветы, ярко пестревшие на крыше. Потом посмотрел на Ракни. Конунг несводил глаз с океана. Рука в рукавице сжимала крестовину меча.

Одна за одной проносились косматые, изорванные полосы туч. Иногда они чуть-чуть расходились, приподнимаясь, и вот Ракни указал на ярко-белую полосу, обнявшую полгоризонта:

— Ледяная радуга!

Это надвигалось ледовое поле, затянутое в водоворот шторма. Уродливые тролли прыгали и кувыркались во мгле: то-то будет потеха, когда оно упрется в неподатливую сушу, и льдины с грохотом полезут одна на другую, вздыбливая чудовищные торосы! А еще больше потехи, если подвернется корабль или дом на открытом низменном берегу!

Хельги едва успел разглядеть троллей и порадоваться, что фиорд был хорошо защищен, когда вдаль протянулось сразу несколько рук:

— Парус!..

27. Оттарова Стамуха

Синий со светлым узором, он летел немного впереди льдов, торопясь в знаковую гавань. Хельги с первого взгляда узнал крутые бока и высокую, острую грудь кнарра. Такое судно никогда не обгонит боевого корабля, но в бурю ему приходится легче. Особенно, когда его ведет, как теперь, искуснейшая рука. Кнарр танцевал, паря над волнами. Очередной гребень скрывал парус из глаз, но спустя время он вновь возникал там, вдалеке, кренясь в стремительном, смертельно опасном полете...

— Это Вагн, — сказал Ракни спокойно. Так спокойно, будто и не ради встречи с этим вот кораблем он отправился в путь, вытерпел множество бед и наконец поджег погребальную поленницу сына.

— Зря я надевал меч, — сказал Ракни. — Ему не войти в фиорд, даже если лед его не догонит. Корабль раздавит о берег!

Хельги посмотрел на воду, бешено клокотавшую в устье. Неспроста передвинулась туда Оттарова Стаму-

ха! Прилив повернул, и течение несло в горловину с быстротой горной реки. Ракни был прав.

Хельги снова перевел взгляд на корабль... Глаз уже различал его оснастку и даже головы людей, выплескивавших воду из трюма.

— А ну, разложите-ка пару костров, — велел Ракни и усмехнулся. — Пусть не кажется им, будто главный враг позади.

Вагн сумел-таки опередить льды. Его кнарр действительно напоминал лебедя, летевшего над заливом. Пена из-под форштевня взвилась двумя длинными крыльями. Ветер выносил корабль на самые вершины волн, и в воздухе повисало полкорпуса. Казалось, судно вот-вот переломится, но Вагн уваливался под ветер, кнарр соскальзывал и несся вниз в гремящем облаке пены... Как он повернет к фиорду, не подставив борта?

Со стороны это выглядело почти невозможным, но Вагн сделал и невозможное. Кнарр вспахал склон черной горы, вывернулся из-под смертоносного удара гребня и нацелился прямо на устье

...Это было страшное зрелище: корабль, неподвижно замерший в проливе под развернутым парусом и с бурнуном, пенящимся у форштевня! Течение усиливалось, кнарр стало сноситься обратно в залив. Весла высунулись в люки и удержали его, но продвинуться не удавалось.

Ракни начал прохаживаться туда-сюда между кострами... Потом заложил руки за ремень и бросил на-смешливо:

— Был бы у него боевой корабль с веслами по всему борту, не болтался бы он там, как дохлый тюлень.

Хельги плотнее натянул шапку, спасаясь от ветра. Скоро устанут гребцы, и кнарр разобьет... А ведь Оттар не стал бы издеваться над гибнущими храбрецами. Он бы теперь размышлял, как им следовало спасти себя и корабль. А может... может, и сам постарался бы что-нибудь предпринять...

Ледяное поле уже неотвратно вламывалось в залив. Вагн попал в западню: он уже не мог развернуться и уйти в открытое море, где никакой шторм не погубит доброго корабля. А берег, содрогавшийся под ударами волн, не давал укрытия и не позволял вытащить кнарр. Бросить его и попытаться спастись вплавь?.. Страшен с виду прибой, однако опытного пловца прибой может и пощадить; вода же... Хельги передернуло: у него были свои счеы с этой водой.

Он едва не вскрикнул, когда на хребте мыса, на мокром льду скал, вырос силуэт человека. Значит, они решили-таки выбираться поодиночке, и этот, полуголый, хромящий, был первым, кому повезло. Что он станет делать теперь? Попробует спрятаться?.. Человек махнул рукой оставшимся на кнарре и вдруг побежал, волоча ногу, вдоль мыса: к устью, потом прочь. Снова бросился в волны и поплыл на середину фиорда — к Оттаровой Стамухе.

Гребцы из последних сил удерживали корабль. Лед тяжело ворочался, надвигаясь. Ракни еще раз посмотрел на кнарр, потом на плывущего и сказал словно нехотя:

— Так вот, значит, что у них на уме. Мужественный человек, кто бы он ни был!

Хельги не понял, о чем говорил вождь.

Пловец достиг айсберга, подтянулся и начал карабкаться наверх. Ему некогда было искать удобное место,

он дважды съезжал по гладкому льду, падая в воду, и Ракни всякий раз ударял кулаком по ладони, ругаясь вполголоса. Было видно, как слабел, замерзая, неизвестный храбрец. Но вот ему удалось всадить в трещину нож и зацепиться. Он не полез высоко — только до первых острых зубцов. Снова помахал на корабль и तो-ропливо потащил что-то из воды.

И Хельги понял, наконец, за что хвалил его конунг. Вот кончилась тонкая веревка, которую он принес собой с корабля, и на смену ей пополз толстенный канат. Должно быть, человек не впервые возился на льду и умел отличить хрупкий от несокрушимого. Сдирая ногти, он обвел моржовой петлей надежный выступ стамухи, прозрачно-голубой и крепкий, как халогаландский гранит... В третий раз махнул рукой, выпрямившись во весь рост, и до берега долетел дружный крик, с которым ухватили канат его друзья на корабле.

Люди хотели спастись, и неистовое усилие победило. Корабль закачался в безопасном фиорде, парус хлопал под порывами ветра, но эти порывы уже не могли его разорвать. Мореходы быстро спустили рей и на веслах подошли к Оттаровой Стамухе.

— Мужественный человек, кто бы он ни был, — повторил Ракни сэконунг.

Хельги посмотрел на Стамуху, но никого там не увидел. Он долго приглядывался и наконец нашел спасителя корабля, неподвижно лежавшего на гладком плече горы... Люди с кнарра поднялись к нему и унесли своего товарища на корабль.

Конечно, они видели костры на берегу, боевую лодью около дома и воинов, ожидавших возле края воды. Но, промешкав совсем немного у Оттаровой Стамухи, кнарр с прежним бесстрашием двинулся к знакомой стоянке.

Ракни надел шлем, поправил нащечники и застегнул их под подбородком. Воины позади него сомкнули щиты. Костры яростно трещали на ветру, разбрасывая искры. Пламя стелилось, растапливая снег. Кнарр заскреб килем по гальке и остановился. Потом оттуда бросили мостки, и Хельги увидел Вагна Морехода, стоявшего около борта.

Вернее, Вагн больше висел на плечах двоих крепких парней, бережно его подпиравших... У него были прямые волосы и совсем не было бороды, но Хельги вдруг увидел Оттара, поднявшегося из ледовой могилы и пришедшего к ним сюда с белым лицом и синими глазами, наполовину закрытыми!.. Не хватало только крови у рта, зато был лоб и щеки, жестоко рассаженные о камни!..

Вот он шевельнулся, двинувшись вперед, и друзья осторожно свели его по сходням на твердую землю. Они не боялись расправы. Они никого и ничего уже не боялись.

Вот наконец и встали друг против друга два кровника, Ракни сын Рагнара и Вагн Мореход! У Ракни в вороте куртки виднелась кольчуга. Люди в кольчугах редко бывают миролюбивы.

Вагн пошевелил губами, пытаясь что-то сказать... Ракни пришлось подойти к нему вплотную.

— Мои люди вымокли и замерзли, Ракни сэконунг, — медленно, с мучительным трудом прошептал Вагн. — Если ты хотя бы дашь им обсохнуть и обогреться, тебя не назовут несправедливым. А я сойду с тобой

теперь или когда ты пожелаешь. Ты ведь не из тех, кто за смерть родича берет серебром.

Там, где только что пробирался корабль, сокрушали друг дружку, вставали на дыбы и со скрежетом лезли на скалы могучие льдины, воздвигались и с грохотом рушились торосы — это раздосадованные тролли пожирали сами себя. Ветер срывал с вершин белые шапки, и снеговые полотнища то смешивались с тучами, то стремглав падали в воду. Вооруженные люди молча стояли лицом к лицу и смотрели на Ракни.

— Ну вот что, — вдруг хрипло, отрывисто выговорил конунг. — Тебе тоже найдется место у очага, Вагн Мореход! Это говорю я, Ракни сын Рагнара из Северного Мера. И будет так, как я велю!

Деяния людей, подобных Ракни эконунг не обсуждают. Так не обсуждают поступки древних героев: о них просто рассказывают и все, дела героев и сами они слишком значительны, чтобы ругать их или хвалить. Для них нет обыденной мерки, и Ракни встал с ними в рост. Убей он Вагна, и сага о его мести отправилась бы в путь от очага к очагу — великое и страшное дело, не всякому по плечу, угрюмая и громкая слава, что притянула бы к нему немало сердец!.. И все-таки он сделал по-своему, Ракни, самый непреклонный мститель из всех ступавших на палубу корабля. Ракни, Переломивший Судьбу. Ракни, разорвавший пряжу норны и поднявшийся над здравым смыслом обыкновенных людей... Ибо отказать от мести может поистине лишь величайший герой. Которому никто не указ, ни люди, ни боги, ни судьба. Даже Оттар не помышлял о подобном, а уж как он хвалил Вагна и сожалел, что тому придется погибнуть!.. Ракни прошел этот шаг за него и за себя. Но вот если бы Оттар не замерз во льду, погубленный ничтожной мезтью раба... Как знать, что теперь совершилось бы на берегу? Как знать?..

А когда все двинулись к дому, Хельги приметил в сторонке Луга, почему-то не торопившегося в тепло. Хельги взял его за плечо. Ирландец нехотя обернулся, и Хельги увидел: по щекам монаха, застывая в рыжей густой бороде, скатывались слезы.

— Б, ионтех ан фиар э, — трудно глотая, выговорил Луг. — Это был человек. Это был человек...

28. Беспределен тот океан.

Мать рассказывала Хельги и такое, о чем редко рассказывают сыновьям. Наверное, она считала его совсем уже взрослым и способным понять. А может, просто не с кем было поделиться.

В самое первое утро на корабле у отца она откинула полог и выбралась из палатки наружу... Это было дивное утро; солнце только что встало из-за великой реки, и дальний берег дрожал в сизом тумане. Корабль с вечера стоял на якорях, и люди спали на берегу — все, кроме отца, матери и сторожей. А рано утром и отец ушел на совет к князю, и мать проснулась одна.

Она кое-как пригладила волосы и посмотрела за борт: хотелось умыться, но мать впервые была на корабле и боялась насмешить сторожей, глядевших с кормы. Ведерко так и не попало ей на глаза, и она осторожно двинулась к сходням. Совсем молоденькая девочка, всего-то от роду шестнадцати зим. Или лет, как они

считали там в Гардарики. Всего-то на год постарше, чем был теперь ее сын.

Когда она проходила мимо сторожей, одному из них показалось, что она смотрела по сторонам уж очень высокомерно. Мог ли уразуметь безусый мальчишка, что не будет иного взгляда у несчастной рабыни, сжимавшей остатки покалеченной гордости в слабеньком кулачке! Ведь она не родилась невольницей, мать. И мечтала, свободная, достаться единому, кто растопит неуступчивое девичье сердце... а не тому вовсе, у кого звонче брякнет кошель!..

Сторож сказал ей, слова, за которые, по мнению Хельги, его следовало убить:

— Не воображай много, девка, из-за того, что за тебя уплачена тройная цена.

Хельги долго расспрашивал мать, но так и не вытянул из нее ни имени, ни прозвища наглеца. Мать всегда отвечала, что он был очень молод и потом пал в битве, защищая отца, а имя ей не запомнилось. Конечно, она обманывала. Она просто боялась, не начало бы дитя неразумное задирать братьев обидчика или сыновей, если они жили теперь на земле.

Этот воин объяснил обомлевшей девчонке, в чем было дело, и ее будто сломали, как тоненькую хворостинку, попавшую под сапог. Значит, мало того, что чужнин купил ее и не удосужился ни полсловечка шепнуть на ухо о любви! Он еще и обнимал словно бы другую, не пожелавшую ему улыбнуться!.. Такое унижение не зачем было терпеть...

Мать сейчас толком не знала, о чем думала, чем занималась весь день. Когда же подоспел вечер и стало ясно, что отец вот-вот возвратится, она опять улизнула с корабля и прокралась по берегу подальше от стана. И наконец закрыла глаза и пошла прямо в воду, и вода залила ее по колени, потом по грудь. Холодная вода, сбегавшая с ледников...

Матери казалось — береговая круча надежно скрыла ее, и она лишь надеялась, что быстрое течение не заставит мучиться долго... но сзади громко плеснуло, и сильные руки поймали ее за локти и выхватили, как перышко, из темной воды.

Отец вынес ее на берег, и матери было все равно, как он ее накажет, потому что в душе она почти уже умерла. Отец посадил ее на траву и сам сел подле нее. Он крепко обнял мать и молча гладил мокрые волосы, пока она не заплакала и не уткнулась лицом в его плечо...

Вот с того дня они и полюбили друг друга, и отец хотел освободить ее и взять в законные жены, но не успел. Хельги задушил бы любого, посмеявшегося усомниться.

Никто не сказал, что они хорошо ладили бы втроем — Хельги, мать и отец. Но все это не имело бы никакого значения, если бы отец жил!..

Он вернется домой, и мать увидит, что больше не о чем плакать. А потом он поедет к Вальбьерг и проведет ее в Кетилевом дворе. И никакие тролли, живущие на мысу, не смогут его остановить. Пусть боится их тот, кто отродясь не высовывался дальше Железной Скалы. А он ходил с викингами на Свальбард.

Вагн болел долго, и многие думали, что больше ему не подняться. Это было бы тяжелым несчастьем; никто

не хотел, чтобы судьба Оттара повторилась. Каждый старался что-нибудь для него сделать, и дружеская забота отогнала смерть. Вагн окреп, и они с конунгом по долгу сидели на берегу и что-то рисовали на сером песке, рассказывая один другому о землях, где довелось побывать. Хельги дал бы выдрать у себя половину волос только за то, чтобы подойти и послушать. Но гордость пересиливала, и он не подходил.

Он по-прежнему часто навещал привыкших к нему гаг. Оказалось, люди Вагна еще в тот раз начали приваживать их и даже выстроили несколько убежищ из плавника и камней. Хельги посчитал это благим делом, которое следовало продолжить. Ирландец приходил ему помогать. Однажды он сказал Хельги:

— Все вы здесь называете меня Лугом, но это не мое настоящее имя. Я не стал открывать его язычникам и назвался именем предка, которого у нас почитали когда-то.

— Оттар знал, как тебя звать? — спросил Хельги.
— Если он не знал, и я не хочу.

— Оттар скрутил меня и привел на корабль, — ответил монах. — Но благодаря ему я перестал желать гибели вашему племени и разорения вашей земле. Во Христе меня называют братом Фланном, а в мирской жизни я звался Туамой О'Суйллевайном, это значит — из рода Одноглазого. Мой род не дал великих вождей, но Суйллевайн был славным героем.

— Я все же буду звать тебя Лугом, — сказал Хельги.
— Я так привык.

Монах протянул ему камешек величиной с полкулака:

— Возьми, тебе пригодится.

Камень был красивый, весь в прожилках и трещинах, дробивших солнечный свет. Хельги спросил недоуменно:

— Где ты взял его? И зачем?

Луг поплотней запахнул куртку.

— Ты помнишь, наверно, когда хоронили Оттра и твоего деда, Ракни велел вкатить на могилу большую глыбу, лежавшую там неподалеку. Я отколол кусочек, пока справляли поминальный пир.

Спустя несколько дней у гаг вылупились малыши. Матери тщательно высушили потомство и увели его в море. Тогда Хельги с Лугом пришли собирать пух. Они держались вместе. Монах занятно рассказывал о кораблях, обтянутых бычьими кожами, и о солнечных землях на западе, которых эти корабли будто бы достигали когда-то. Хельги пообещал, что постарается помочь ему вернуться домой.

Свальбардское лето отгорело ярко и быстро. Умолкли шумные гнездовья, засобирались на юг гуси, и Вагн посоветовал конунгу не медлить с отплытием:

— Скоро начнутся шторма, и они могут нас здесь запереть. Я и сам едва выбрался в позапрошлом году.

Ракни кивнул. Он сделался еще молчаливее, чем был.

Когда снимали оружие со стен, он не стал распутывать узел, державший ножны Пламени Битвы. Вынул деревянный гвоздь из бревна и убрал все вместе в сундук. Если овладевший мечом будет знать, кто такой Оттар, он тоже не развяжет узла.

Корабль Ракни эсконунга шел на юг. Холодные Берега, давно скрывавшиеся в тумане, посылали вслед тя-

желые серые облака. Иногда они спускались к самой воде, и тогда прятался даже Лебедь, шедший на расстоянии полета стрелы. Хитроумно был выстроен этот кнарр — под парусом он почти не отставал от Оленя. Искусные мастера предназначили его не для войны, но путешественник вроде Вагна мог смело отправляться на нем хоть вокруг всей земли: он не подведет на середине пути.

Северный ветер тянул прямо в корму, не доставляя больших забот никому, кроме рулевого. Хельги стоял у форштевня, глядя вперед.

После гибели Оттара ему часто мерещилась какая-то прозрачная, печальная песня без мелодии и без слов. Словно далекий, далекий крик птичьей стаи, донесшийся из-за туч. Эта песня зазвучала в нем и теперь, стоило вспомнить синие заливы Свальбарда и хребты белых вершин, уходящие за горизонт.

Скоро там начнутся сильные снегопады. Пролетит над побережьем слепая пурга, белый пух густо покроет оба дома и каменный курган в Могильном фиорде, и придет тишина. Долгая, долгая ночь сомкнется над Свальбардом, и лишь отблески сполохов будут играть на обледенелых камнях...

Вот так обзаводится человек зарубками на душе и памятными местами, властно зовущими его отовсюду, где бы он ни был. Даже мать, если попадет когда-нибудь в Гардарики, сразу примется скучать по Линсетру и вздыхать, рассказывая о нем. Подобное не минует и Хельги, и он перестанет ненавидеть Холодные Берега, а через несколько зим выстроит себе корабль и захочет побывать на Свальбарде еще раз. Склонить голову перед курганом, подняться вверх по лососевой реке и посмотреть-таки, где ее начало... Но сперва он все же поведается с матерью, поздоровается с горами и воздвигнет памятный камень по Оттару, сожженному так далеко от Норэгр...

Зло родило зло, понял вдруг Хельги, глядя на серые, шершавые спины волн, лениво обгонявших корабль. Ракни обидел его недоверием, и он полез вон из кожи, доказывая свою правоту. Никогда не ссорившийся с рабами, он не попытался поговорить с Карком по-доброму, высокомерно предпочитая колотить его, неумеху... И Карк мстил — неуклюже и очень по-рабски, исподтишка. И оба не видели в ослеплении, что эта вражда все время била по Оттару. Кот, брошенный в воду, подрезанная веревка и, наконец, голубая пасть ледника... Если Ракни или кто другой пойдет на Свальбард через год-два, наверняка Оттарова Стамуха еще будет стоять посередине фиорда — памятник злу, которое однажды вырвалось из рук творивших его и само нанесло смертельный удар...

Хельги ощутил чье-то присутствие за спиной и обернулся. Возле него стоял Ракни.

При виде конунга Хельги немедленно вспомнил тот давний запрет ходить на нос корабля, наверное, сейчас снова погонит прочь от форштевня... Однако Ракни

промолчал, внимательно разглядывая что-то впереди, хотя на самом деле до берега оставалось еще двое суток пути и вокруг не было ничего, кроме тумана. Хельги уже начало казаться, что конунг, занятый своими мыслями, попросту его не заметил. Но тот неожиданно проговорил:

— Как ты думаешь, твой родич Хальлгрим Виглафссон пустит нас с Вагном перезимовать к себе в Торсфиорд?

Хельги ответил:

— Я и сам хотел предложить тебе это. И думается мне, надо будет забрать с собой Беленькую. Она там, наверное, уже строит дом для богини, дарующей сыновей.

И добавил, помедлив:

— Конунг, ты назвал меня родичем Хальлгриму Виглафссону...

Ракни спокойно кивнул:

— Мы с Оттаром почти с первого дня в этом не сомневались.

Хельги смотрел на него молча, и немой, отчаянный крик рос в его душе. А Ракни продолжал по-прежнему невозмутимо:

— Многим кажется, что Оттар погиб из-за тебя. Если бы я тебя зарубил, его гибель оказалась бы напрасной. Поэтому ты живешь. Я долго не хотел тебе говорить, но лучше скажу. Оттар собирался вступить с тобой в обратимство. Он сам мне говорил. И послушай, что я скажу тебе еще. Тот меч, что принадлежал Виглафу Ворону, я отдам твоему дяде. У него там найдутся наследники достойней тебя, и он уж сообразит, как распорядиться. Но Оттар обидится на меня, если Гуннлоги достанется не тебе. Все видели, он не захотел взять его в курган. Ты наденешь этот меч, когда тебя введут в род и настанет твоя пора совершать мужские дела. А насчет Беленькой ты неплохо придумал. Сын должен походить на отца. Вот ты и поможешь ей вырастить морехода.

Поистине это была самая длинная речь, которую Хельги слышал когда-либо из его уст... Замолчав, вождь повернулся, чтобы уйти к себе на корму.

— Ракни! — сказал Хельги уже ему в спину. — Ракни сэконунг! Можно мне будет еще пойти с тобой на корабле?

— Можно, — кивнул Ракни и вновь повернулся, но все же помедлил уходить, еще раз глянул на Хельги и проговорил: — Мне не было особенно тошно смотреть на тебя, когда ты вел корабль в Могильный фиорд. И мой сын клялся однажды, будто ты управляешься на руле едва не лучше меня. Пойдем-ка, я хочу сам это проверить!

Хельги нахмурился и пошел за ним на корму. Укутанный тучами, впереди и вокруг корабля лежал океан. Холодный северный океан, мглистым кольцом окруживший населенную землю... И кажется людям, что беспределен тот океан и нельзя его переплыть.

СКВОЗЬ ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ

7

Целую минуту они смотрели друг другу в глаза. Рука Рейфа лежала на бедре, в каком-нибудь дюйме от револьвера. Если сейчас начнется пальба, он, конечно, будет убит, но и Блейзер с Барковым тоже. И кое-кто еще. Карадек ничуть не преувеличивал, говоря о меткости Текса при стрельбе из винтовки. Взяв в руки огнестрельное оружие, этот человек становился волшебником.

Рыжий Блейзер почувствовал себя в ловушке. С побледневшими губами он смотрел на Рейфа и видел в его взгляде холодную, неминуемую смерть. Больше он не мог выдержать.

— Да сделайте же что-нибудь, парни! — взревел он.

Джо Горман сплюнул.

— Кончай болтать, Рыжий.

— К черту все! — Блейзер повернул лошадь, тронул шпорами и умчался галопом.

Рука Брюса Баркова блуждала возле револьвера. Быстро вытащить, выстрелить — и человек умрет. Всего-навсего. Он закусил губы и согнул руку в локте. Гомер схватил его за запястье. — Не надо, Брюс! Не надо! — Смотри — там, наверху, этот!

Барков повернул голову. Текс Бриско был на виду, винтовка оперта на сук. С такого расстояния он не мог промахнуться. Зато сам находился за пределами дальности револьверной

стрельбы. Правда, кое у кого из шотовых ковбоев тоже были при себе винтовки, но все они скучились на открытом месте, не имея никакого укрытия. Барков отдернул руку и повернул лошадь к городу.

Рейф Карадек выстоял — один против всех. И заставил их почувствовать себя дураками. При этом Барков, как и все остальные, помнил, что в той уличной перестрелке Рейф сделал всего четыре выстрела, и каждый из них попал в цель.

Когда кавалькада достигла "Националя", Рейф повернулся к Поду Гомеру.

— Начинай суд, — спокойно сказал он. — Пусть судебное разбирательство произойдет сейчас и здесь.

— Слушай-ка! — вскинулся разъяренный Гомер. — Ты слишком много себе позволяешь! Суд будет тогда, когда мы к нему как следует приготовимся.

— Нет, — возразил Рейф. — Суд будет сегодня после полудня. Сейчас. У вас нет никакого расписания, которое бы из-за этого нарушилось. А у меня есть дела, которые не могут ждать. И я ждать не стану. Или суд будет сегодня, или можете снова приходить меня арестовывать.

— Кому это ты указываешь, что делать? — сердито спросил Гомер. — Я могу...

— Тогда прикажите ему вы, Барков. Или он получает указания от Шюта? Зовите своего судью и давайте с этим кончать. Брюс Барков сжал губы. Он видел, что в дверях магазина,

прислушиваясь к происходящему, стояли Джин Бейкер и Энн Родни.

— Хорошо, — сказал зло Барков. — Зови судью сюда.

Вскоре в помещении почтовой станции вошел судья Рой Гарган. Высокий, чуть сутулый человек с лицом висельника и круглыми глазами, он огляделся по сторонам, потом подошел к столу и сел. Брюс Барков выбрал себе место в сторонке, откуда он мог одновременно видеть и судью, и аудиторию. Заметив это, Рейф Карадек встал так, чтобы видеть обоих. Барков раздраженно передвинул стул. Подняв глаза, он увидел, как в сопровождении Бейкера и Пата Хигли вошла Энн Родни. Он снова нахмурился. Почему они не могли остаться в стороне от всего этого?

Мало-помалу собирались зрители. Вошел Джо Бенсон и сел недалеко от Баркова. Они переглянулись. Вопросительный взгляд Бенсона привел Баркова в ярость. Если они так много хотели сделать, почему не послали кого-нибудь вместе с ним?

Барков поднял голову. В окне, справа и позади судьи, стоял Текс Бриско. В тот же миг, как Барков заметил его, техасец приветственно поднял руку.

— Эй, Джонни! Рад тебя видеть!

Лицо Брюса Баркова окаменело. Джонни Джилл и Бо Марш — оба здесь. Если будет разыгран какой-нибудь фокус, от этого места останутся одни развалины. Может, и прав был Дэн Шют — если уж идти против закона, так выстрелить раз в спину, и все тут? Все, казалось бы, так тщательно продуманные планы Баркова расправиться с Карадеком рушились на глазах.

Было три удобных случая. Соппротивление, которое оправдало бы убийство при аресте. Попытка к бегству, если бы он сделал хоть одно подозрительное движение. И суд Линча, совершенный ковбоями Шюта. И все три опасности Карадек сумел разгадать.

Судья Гарган постучал по столу рукояткой револьвера.

— К порядку! — призвал он. — Суд начался! Я назначаю жюри. Шести человек достаточно. Присяжными будут Джо Бенсон, Том Блейзер, Сам Моусон, Док Отто и...

— Заявляю отвод Джо Бенсону, — прервал Карадек.

— Кто здесь судья? — нахмурился Гарган.

— Предположительно, — спокойно заметил Карадек, — вы. Предположительно вы осуществляете закон. И предположительно — в интересах правосудия. Джо Бенсон был свидетелем стрельбы и должен предстать перед судом в качестве свидетеля.

— Кому ты говоришь, как судить? — воинственно поинтересовался Гарган.

— Разве обвиняемый не имеет права защищать себя? — мягко спросил Карадек. Он поглядел на собравшихся. — Думаю, вы все согласитесь, что когда человека судят, и ему предъявлены серьезные обвинения, он имеет полное право защищать себя. Что ему должно быть предоставлено право вызывать и допрашивать свидетелей. Что он должен иметь защитника. Но поскольку суд не предоставил мне адвоката, и потому, что я сам так хочу, я буду защищаться сам. А теперь... — Он оглянулся по сторонам. — Судья назначил трех членов жюри. Я хотел бы выбрать трех других присяжных. Я хотел бы видеть на их месте Пата Хигли, Джина Бейкера и Энн Родни.

— Что? — взревел Гарган. — Пока я в суде, женщины не будут присяжными!

— Похоже, Ваша честь, вы не знакомы с законами штата Вайоминг. Законом, одобренным в декабре 1869 года, первое законодательное территориальное собрание даровало женщинам равные с мужчинами права. В Ларами женщины заседают в составе жюри с 1870 года, а в этом году одна из них избрана мировым судьей, — голос Рейфа звучал ровно.

Гарган сглотнул: он явно чувствовал себя неуютно. Барков выпрямился, собираясь что-то сказать, но не успел и рта раскрыть, как Карадек предложил:

— Насколько я знаю, жюри выбирается совместно обвинителем и защитником. Поскольку суд взял на себя назначение жюри, я лишь предложил в его состав трех достойных граждан города, которых искренне уважаю. Полагаю, что никто из этих

троих граждан, как это ни прискорбно, не может считаться моим другом. Конечно, — прибавил он, — если суд возражает против какой-либо из этих трех кандидатур, если суду известно о них что-нибудь порочащее, я возьму свое предложение назад. — Он повернулся и в упор посмотрел на Баркова. — Или, может быть, мистер Барков возражает, чтобы Энн Родни была членом жюри?

Барков выпрямился, к лицу его прилила кровь. Он прямо-таки кипел от злости. Все шло не так. И почему все так повернулось? Он остро чувствовал на себе взгляд Энн, видел, как покраснела она, заметив его колебания.

— Нет, — яростно отозвался он. — Конечно же, нет. Пусть она займет место в жюри, и давайте начинать!

Под Гомер развалился на стуле, цинично наблюдая за развитием событий. Не без некоторого любопытства он посмотрел на Баркова. Планы и сговоры рушились на глазах. А ведь это была его, Баркова, идея — публично судить и прилюдно повесить.

— Вы обвинитель? — обратился к Баркову Гарган.

Барков встал, проклиная про себя затею, приведшую к скверной ситуации. Как ни неприятно сознавать, но первый раунд Карадек выиграл. Вот и сейчас — при назначении жюри.

— Ваша честь, — начал Барков, — и джентльмены, члены жюри. Вы все знаете, что среди нас нет юристов. Цель нашего суда — поддерживать соблюдение закона и порядка в нашей общине, и так будет до тех пор, пока все на этих новых землях не будет как следует организовано. Обвиняемый участвовал в дуэли с Лемюзелем Бойном, известным также под прозвищем Триггер Бойн; Бойн вызвал обвиняемого — причины некоторым из присутствующих известны — и Карадек принял вызов. Во время дуэли на улице Карадек попал в Бойна и убил его. Однако почти в тот же самый миг он поднял револьвер и застрелил Джи Бонаро, невинно наблюдавшего за дуэлью из окна. Если это не будет наказано, то любой окажется вправе застрелить всякого, кто ему не понравится, в любое время и в любом месте, зная, что все ему сойдет с рук. Мы все слышали уверения Карадека, будто у Бонаро была винтовка, и тот собирался в него стрелять. Это могло бы послужить оправданием, но только не в данном случае. Мы знаем, что Карадек поссорился с Бонаро в магазине и тогда же почти ввязался в драку. Я считаю, что Карадек виновен в умышленном убийстве и подлежит повешению.

Барков повернул голову и дал знак Рыжему Блейзеру.

— Встань, Рыжий, и расскажи жюри, что тебе известно.

Рыжий подошел к стулу, игравшему роль скамьи для свидетелей, уселся и, вытянув ноги, засунул за пояс большие пальцы. Он был небрит и непричесан. Перекатив во рту жвачку и сплюнув, Рыжий заговорил:

— Я видел, как этот Карадек застрелил Бойна. Затем он раз, два со своим револьвером — и застрелил Бонаро, который стоял себе в окне и смотрел.

— Делал ли Бонаро какие-либо движения, которые Карадек мог бы принять за угрозу?

— Ему? — Рыжий широко раскрыл глаза. — Ну уж нет. Джи просто стоял там. Карадек его попросту боялся, а тут представился шанс убить безнаказанно, вот и все.

Рейф задумчиво посмотрел на Баркова.

— Мне показалось, или свидетель действительно не присягнул, как положено на суде? Или совесть его слишком нежна в вопросах лжесвидетельства?

— А? — Блейзер приподнялся. — Что он говорит?

Барков покраснел.

— До сих пор это не было здесь принято, но...

— Пусть присягнет, — спокойно потребовал Карадек. — И пусть повторит все сказанное под присягой.

Он подождал, пока все это было сделано, но когда Рыжий уже собирался покинуть свидетельское место, остановил его.

— У меня есть несколько вопросов к свидетелю.

— А? — воинственно спросил Рыжий. — Разве я обязан отвечать на его вопросы?

— Да, обязан, — голос Рейфа был совершенно спокоен. — Вернись на место.

— Я должен? — повернулся к Баркову Рыжий и тот кивнул утвердительно.

"Если бы можно было как-то выскользнуть из этой истории!" — подумал Барков. Он начинал смотреть на Карадека совсем другими глазами.

Рейф встал и обратился к жюри.

— Джентльмены, — сказал он, — никто из вас хорошо меня не знает. Никто из нас, как справедливо отметил Барков, не знает, как в точности должен проводиться суд. Все, чего мы хотим — это установить истину. Только что Рыжий Блейзер показал, что я застрелил человека, который ничем не угрожал мне. Свидетель утверждает, что Бонаро просто стоял в окне и наблюдал.

Карадек задумчиво посмотрел на Блейзера. Потом подошел к нему, присел на корточки и заглянул в глаза, сначала с одной стороны, потом с другой. Блейзер вспыхнул.

— В чем дело? — заревел он. — С ума ты сошел, что ли?

— Нет, — ответил Карадек. — Просто смотрю на твои глаза. Мне любопытно посмотреть на человека, способного видеть сквозь потолок и драночную крышу.

— А? — вытупил глаза Блейзер.

Члены жюри зашевелились, но у Баркова сузились глаза, а в зале повисла настороженная тишина.

— Ты видно, забыл, Рыжий, — продолжал Карадек. — Когда я убил Бойна, вы были в "Национале". Ты стоял позади Джо Бенсона. Ты был первым, кого я увидел, оглянувшись. Ты мог видеть меня, мог видеть Бойна, но ты не мог видеть окна второго этажа в доме через улицу.

Кто-то крикнул, а Пат Хигли улыбнулся.

— Похоже, он прав, — спокойно проговорил Пат. — Я как раз стоял рядом с Рыжим.

— Точно! — закричал кто-то из задних рядов. — Блейзер пытался улизнуть, не заплатив за выпивку, а Джо Бенсон его остановил!

Все засмеялись, а красный, как рак, Блейзер пытался разыскать взглядом говорившего, но не сумел. Улыбаясь, Рейф повернулся к Баркову.

— У вас есть другой свидетель?

Впреки собственному желанию Энн восхищалась Рейфом Карадеком, его манерой держаться, умением владеть собой. Ее любопытство было возбуждено. Что он за человек? Откуда? Где вырос? Был ли он просто бродягой или совсем иным? Его речь, если не считать характерного тexasского выговора, свидетельствовала о полученном некогда воспитании и, может быть, образовании.

— Мой следующий свидетель — Том Блейзер, — заявил Барков. — Пусть присягнет.

Том Блейзер, громоздкий рыжий детина, еще крупнее, чем Рыжий, подошел к свидетельскому месту. Во взгляде его сквозила враждебность.

— Вы присутствовали при дуэли? — спросил Барков.

— Чертовски правильно, я ее видел, — проговорил Том, глядя на Рейфа. — Я видел, и я не был в салуне. Я был на улице!

— Вы могли видеть Бонаро?

— Разумеется, мог.

— Поднимал ли он винтовку?

— Уж точно нет!

— Делал ли он какие-либо движения, из которых можно было бы заключить, что он собирается стрелять?

— Нет. Никаких. — Отвечая на каждый вопрос, Том Блейзер торжествующе поглядывал на Карадека. Барков повернулся к жюри.

— Ну, вот. Полагаю, этого свидетельства достаточно. Думаю...

— Пусть задаст свои вопросы Карадек, — сказал Пат Хигли. — Мы хотим выслушать обе стороны.

Рейф встал, подошел к Тому Блейзеру, затем взглянул на судью.

— Ваша честь, я хотел бы задать вопрос одному из при-

сутствующих в зале. Он может быть приведен к присяге или нет, на ваше усмотрение.

Гарган колебался. До сих пор судебные разбирательства всегда проходили гладко. Заседания катились по рельсам, возражения отменялись, да и что могли сделать бессловесные мелкие ранчери или другие, оказывавшиеся на пути у Баркова и Шюта?.. Но в этом случае надо было подготовиться получше.

— Хорошо, — вымолвил судья, наконец. И в тоне, и в выражении лица сквозило дурное предчувствие.

Карадек повернулся и посмотрел на невысокого коренастого мужчину с каштановыми с проседью усами.

— Грант, — спросил он, — какие занавески у вас на окне комнаты над лавкой?

— Там нет занавески, — поднял глаза Грант. — Там одеяло.

— Окно занавешено им все время?

— Разумеется. Иначе комнату слишком нагревает солнцем. При занавешанном окне прохладнее.

— В день дуэли оно тоже было занавешено?

— Конечно.

— Где оказалось одеяло после стрельбы?

— Оно висело на подоконнике — часть внутри, часть снаружи.

Рейф повернулся к жюри.

— Мисс Родни и джентльмены, я полагаю, что свидетельство не требует комментариев. Окно было занавешено одеялом. Когда Бонаро упал после моего выстрела, он перевалился через подоконник, сорвав одеяло. Согласны?

— Конечно, — подал голос Джин Бейкер. Убийство из-за угла было вполне в духе Бонаро. — Не будь окно занавешено одеялом, Бонаро не смог бы при падении частично вытащить его наружу.

— Совершенно справедливо, — Рейф повернулся к Тому Блейзеру. — Твои глаза столь же удивительны, как у твоего брата. Ты способен видеть сквозь шерстяное одеяло!

Блейзер привстал, лицо его налилось кровью.

— Слушайте, я вам скажу...

— Подожди-ка минуту, — перебил его Рейф, наставив палец прямо в лицо Блейзеру. — Ты не только лжесвидетель, ты еще и вор! Что ты сделал с винчестером, который Бонаро уронил из окна?

— Это был не винчестер! — яростно взревел Блейзер. — Это был "генри"!

По выражению лица Баркова Блейзер понял, что проговорился. Он привстал было, потом снова опустился на стул, сердитый и сконфуженный.

Рейф Карадек повернулся к жюри.

— Свидетель поклялся, что у Бонаро не было винтовки, однако только что засвидетельствовал, что винтовка, которую Бонаро уронил, была марки "генри". Мисс Родни и джентльмены, я собираюсь просить вас рекомендовать суду прекратить дело, а также арестовать Рыжего и Тома Блейзеров за лжесвидетельство.

— Что? — вскопчил со стула Том Блейзер. — Арестовать? Меня? Ну, ты...

Он прыгнул, замахаясь громадным кулаком с намерением ударить наотмаш. Рейф Карадек шагнул ему навстречу, ударом левой разбил губы, а правой свалил с ног. Потом посмотрел на судью.

— А это, я думаю, — спокойно заметил он, — является оскорблением суда.

Пат Хигли резко встал.

— Думаю, Гарган, вам лучше прекратить это дело. У вас нет никаких доказательств, — ничего, хоть отдаленно напоминающего доказательство. По-моему, все знают, как вел себя Карадек во время столкновения с Бонаро в магазине. Захоти он застрелить Бонаро, у него еще тогда была полная возможность.

— Дело прекращено, — сглотнув, проговорил Гарган.

Брюс Барков поспешил к Энн Родни. Она же смотрела на Рейфа Карадека. Какое тонкое лицо! И какая сила! Как чув-

ствуются в нем характер и искренность! Вздрогнув, она очнулась. Брюс говорил ей:

— Гомер уверил меня, что располагает доказательствами, иначе я бы в этом деле не участвовал. Он несомненно виновен, но уж очень скользкий тип.

Энн посмотрела на Брюса Баркова и неожиданно он предстал ей в совсем новом, непривычном свете.

— Он может быть виноват в чем угодно, — язвительно проговорила она. — Но если когда-нибудь бывал самый бесчестный, состряпанный процесс, то он только что закончился. И всем в городе это известно. На вашем месте, Брюс Барков, мне было бы стыдно за себя!

Она резко отвернулась от Баркова и направилась к выходу, но, проходя мимо Карадека, на мгновение встретилась с ним глазами. И тогда в ней что-то перевернулось, словно перехватило дыхание. С гордо поднятой головой девушка прошла мимо Рейфа. Ей показалось, что до магазина очень далеко.

8

Когда Барков вошел в контору шерифа, Под Гомер сидел на своем вращающемся стуле. В другом конце комнаты расположился в глубоком кожаном кресле Дэн Шют. Он посмотрел на Баркова и грубо сказал:

— Ну и сел же ты в лужу!

— Парень хитер, вот и все, — парировал Барков. — В следующий раз подготовимся получше.

— В следующий раз? — переспросил Дэн Шют, откидываясь на спинку кресла и глядя на Баркова с нескрываемым презрением. — Следующего раза не будет. С тобой покончено, Барков. С этой минуты я беру дело в свои руки и буду делать его по-своему. Нет! — он поднял руку, едва Барков попытался заговорить. — Подожди! Ты настаивал, чтобы провести все дело гладенько. И девушку выиграть, и ранчо заполучить в собственность легким, законным путем. К черту все это! Этот Карадек сделал из тебя обезьяну! Ты попросту деревенщина, пытающаяся тягаться с по-настоящему хитрым парнем! К черту все эти гладенькие приемчики! Предъявляй закладную — и побыстрее! А о мистере Рейфе Карадеке я сам позабочусь. Собственными руками. Или револьверами — если понадобится.

— Так не выйдет, — запротестовал Барков. — Дай мне самому с этим управиться. Я обо всем позабочусь.

Дэн Шют взглянул на Баркова со злобной насмешкой.

— Этим спектаклем управляю теперь я. А ты, Барков, отныне сидишь в заднем ряду. Все, чего ты добился — это выставил нас дураками. Девушку, — прибавил он спокойно, — я тоже возьму себе.

— Что? — В смятении Барков обернулся, лицо его мертвлено побледнело.

— Ты меня слышал, — ответил Шют. — Она скромная маленькая леди, и для нее найдется место на моем ранчо.

Барков засмеялся, но в этом смехе звучали не сила, не уверенность, не ирония — только страх. До сих пор Дэн Шют — огромный, угрюмый, неразговорчивый — предоставлял Баркову право планировать и руководить. Барков всегда считал этого человека грубой силой, которую надо лишь уметь вовремя применить. А теперь вдруг выяснилось, что этот человек полностью уверен в себе и с презрением относится к нему, Баркову! И этот человек похоже, преступит через все.

— Дэн, — запротестовал Барков, пытаясь собраться с мыслями, — ты не можешь играть чувствами девушки. Она меня любит. И с этим ты ничего не поделаешь.

— Кто говорит о любви? — усмехнулся Дэн Шют. — Можешь говорить о ней сколько угодно — сам с собой. А я хочу эту девушку — и получу ее. Мне наплевать, кто говорит "нет". И это относится и к Джину Бейкеру, и к ней, и к тебе.

Брюс Барков поблел. Он почувствовал себя разбитым. Значит, свершилось. Он кончен. Дэн Шют прямо заявил ему об этом в присутствии Пода Гомера. Краем глаза Барков видел циничное выражение, застывшее на лице шерифа. А под пря-

мым, ироничным взглядом Шюта почувствовал себя маленьким и жалким.

— Ну хорошо, Дэн, если ты так настроен... Думаю, нам лучше расстаться.

— Нет, — усмехнувшись, грубо сказал Шют. — Мы не расстанемся. Ты сиди тихо. У тебя закладная, а я хочу эту землю. Хорошая у тебя была идея, Барков, да ты сам оказался для нее слаб в коленках. Если поведешь себя тихо и станешь слушаться, я прослежу, чтобы и тебе кое-что досталось.

Брюс Барков яростно взглянул на Шюта. Он впервые понял, что такое ненависть. Его только что уничтожили. Уничтожили за несколько минут. Этого не утаишь. Еще до вечера об этом узнает весь город. Раздавленный, Барков смотрел на Шюта с ненавистью в глазах.

— Не слишком ли далеко ты заходишь? — злобно спросил он.

— Ты можешь сохранить жизнь и даже выбраться из этой истории с несколькими долларами в кармане, — спокойно пожал плечами Шют. — А можешь и умереть. Убить тебя — очень просто, Барков! — Он взял шапку. — У нас было прекрасное дело. Идея зашанхайте Родни принадлежала тебе. Почему ты его попросту не пристрелил, я никогда не пойму. Пристрели ты его — и этот Карадек никогда бы с ним не встретился, не явился бы сюда мутить воду. Ты мог давно уже предъявить закладную, и мы сейчас занимались бы нефтью.

— Об этом Карадек ничего не знает, — запротестовал Барков.

— Черта с два! — глумливо усмехнулся Шют. — Мои люди следят за Карадеком уже несколько дней. Он что-то почуял и облазил все вокруг. И за холмом побывал. И долго любовался этим выходом нефти. Он не дурак, Барков.

Брюс Барков поднял глаза.

— Да, — неожиданно легко согласился он. — Карадек не дурак. И к тому же ловек с револьвером, Дэн! Он ловек с револьвером! Он управился с Бойном!

— Бойн был ничтожеством, — пожал плечами Шют. — Я мог отшлепать Бойна его же собственным револьвером. Когда-нибудь я убью Карадека, но сначала я хочу его избить. Избить собственными руками!

Он встал и прошествовал к выходу. Мгновение Барков смотрел ему вслед, потом перевел взгляд на Пода Гомера. Шериф рассеянно строгал палочку.

— Ну что ж, — проговорил он, — Шют тебе все сказал.

Барков мрачно сжал губы. И так, Гомер тоже участвует в игре. На стороне Шюта. Барков пожал плечами.

— Дэн повел дело неправильно, — сказал он. — У меня еще есть туз в рукаве. — Он посмотрел на Гомера. — Помоему, тебе лучше было бы играть на моей стороне.

— Я с выигрывающим, — усмехнулся Гомер. — Здоровье у меня отменное. Так что не хватает мне только денег.

— Думаешь, выиграет Шют?

— А ты думаешь иначе? — вопросом на вопрос ответил Гомер. — Он тут тебе много чего наговорил, а ты проглотил.

— Да, потому что знаю — в стрельбе мне до него далеко. До тебя тоже. — Барков глубокомысленно посмотрел на шерифа. — Это будет славное дело, Под. И хорошо поделится на двоих.

Гомер встал и со щелчком закрыл складной нож.

— Покажи мне цвет твоих денег, — сказал он, — в отсутствие Дэна Шюта. Тогда мы сможем поговорить. Кроме того, — добавил он, — если ты расскажешь об этом разговоре Дэну, я назову тебя лжецом на улице или в "Национале". Я заставлю тебя схватиться за револьвер.

— Я буду молчать, — пообещал Барков. — Я кое-что узнал. Когда мы получим ответы на некоторые твои и мои запросы, то узнаем еще больше. Добровольно Борджер ни за что не отпустил бы Карадека с корабля после знакомства с Родни. Полагаю, Карадек дезертировал. И похоже, мы сможем обвинить его в мятеже на борту. А это означает повешение.

— Может и так, — согласился Гомер, уходя — покажи, что у тебя хорошие карты, и я тебя полностью поддержу.

Брюс Барков долго смотрел вслед удаляющейся спине Пода

Гомера. Этого он, по крайней мере, понимал. Барков знал, что не нужен Гомеру. Но если он сможет доказать, что выйдет из игры победителем, то Гомер окажется сильным союзником. А к его голосу всегда прислушивается судья.

Карты лежали на столе. Заправлял колодой теперь Дэн Шют. Барков не был уверен в том, что именно предпримет сейчас Шют. С некоторым волнением он осознал, что несмотря на всю близость с Шютом, слишком мало знает о том, что скрывается за этим грубым и жестким лицом. Но уж склонным тянуть и медлить Шюта не назовешь. Что бы ни предпринял Дэн, это окажется жестким, неожиданным и решительным действием.

Больше всего потрясли Баркова намерения Шюта в отношении Энн Родни. Почему-то Барков всегда был уверен в Энн. Он, действительно, хотел на ней жениться. Правда, ему нужна была и ее земля, поскольку Барков дальновидно предвидел, какое значение приобретет нефть в будущем. Но Энн Родни сама по себе была ему мила и интересна. Существовал лишь один способ разрушить планы Шюта, нанести ему поражение — немедленно жениться на Энн. Рейф Карадек тревожил его теперь куда меньше, чем Дэн Шют. В его представлении ранчоро вырос в большую и грозную фигуру: Барков видел, как Шют с одинаковым равнодушием убивает и людей, и скот.

Брюс Барков решил. Будь что будет — он женится на Энн Родни и навсегда увезет ее из этих мест. Бежать на северо-запад, в лагерь золотоискателей, глупо, в земли индейцев юта — ничуть не лучше. Оставался единственный путь — форт Фил-Кирни, и это не слишком далеко. А оттуда — с эскортом или без него — они смогут добраться до Йеллоустона.

В этом году первый пароход уже поднялся по Йеллоустон-ривер, и все шансы были за то, что за ним последует другой. А если нет — они смогут спуститься по реке на каное или барже, пока не повстречают пароход и купят билет до Сент-Луиса. Тогда в его руках окажутся и Энн, и все права на землю.

Пусть Гомер думает, что хочет. Пусть Дэн Шют считает, что он удовлетворен второстепенной ролью. Он начнет действовать, а потом ударит — неожиданно и быстро; и окажется далеко отсюда, прежде чем Шют поймет, что же произошло.

Барков тщательно обдумывал план, до малейших деталей.

Лошадей на его ранчо достаточно. Он одолжит у Бейкера повозку, чтобы взять Энн на прогулку, а на ранчо они пересядут на лошадей и уедут. Если повезет, то прежде чем кто-нибудь здесь сообразит, что же случилось, они окажутся далеко-далеко.

Зайдя в магазин, Барков купил у Бейкера патроны. Торговец разглядывал его с выражением, очень не понравившимся Баркову.

— Энн дома? — спросил он.

Бейкер кивнул и указал на занавеску. Энн поднялась при его появлении. Он сразу же ощутил холод — так его никогда не встречали.

— Полагаю, вы думаете обо мне довольно плохо, — горестно начал Брюс. — Теперь я сам понимаю, что не должен был слушать Дэна Шюта и Гомера. Под кляксу, что располагает доказательствами, а Шют считает Карадека мошенником и скотокрадом. Знай я правду — ни за что бы не принял в этом участии.

— Было очень плохо, — согласилась Энн, вновь усаживаясь за вязание. — А дальше что?

— Не знаю, — признался Барков. — Но я хотел бы избавить вас от всего этого. Боюсь, впереди еще будут убийства и беспорядки, Дэн Шют слишком возбужден. Он убьет Карадека Энн посмотрела на Баркова.

— Думаете, это так просто?

— Да, — кивнул он. — Дэн опасный человек. Грубый, жестокий и ловкий с револьвером.

— А я думала, вы с ним друзья, — заметила она, глядя Баркову прямо в глаза. — Что изменило вас, Брюс?

— Так, мелочи, — он пожал плечами. — Шют показал себя сегодня жестоким и бесчувственным. Ради достижения своей цели он не остановится ни перед чем.

— Думаю, все-таки остановится, — не согласилась Энн. — Думаю, он остановится перед Рейфом Карадеком.

Барков в изумлении уставился на девушку.

— Похоже, Карадек произвел на вас впечатление. Что заставило вас так думать?

— Брюс, до сегодняшнего дня я его по-настоящему не видела, — призналась она. — Какими бы ни были его мотивы, и поступки, он проницателен. Думаю, он намного опаснее Дэ-

на Шюта. И что-то в нем есть. Да-да, воспитание. Оно поступает в манерах больше, чем в словах. Хотела бы я знать о нем больше...

Раздраженный ее словами, в которых звучало столь откровенное уважение к Рейфу Карадеку, Брюс гневно передернул плечами.

— Не забывайте, что он, может быть, убил вашего отца.

Энн вскинула ладони.

— Он ли, Брюс?

Ее вопрос испугал Баркова. Прикрыв глаза, он пожал плечами: "Можно ли знать наверняка?". Потом встал.

— Я беспокоюсь о вас, Энн. Очень скоро здесь все вспыхнет. Не пальба в городе — так индейцы. Я хотел бы увести вас отсюда.

— Но это мой дом! — запротестовала она. — Это все, что у меня есть!

— Не совсем так, — потупил глаза Барков. — Хотели бы вы уехать в Сент-Луис, Энн?

Она удивленно посмотрела на него.

— Сент-Луис! Но как...

— Не так громко, — он тревожно оглянулся на дверь. Известно, кто мог подслушать. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал об этом до вашего решения. Я всегда мечтал жениться на вас. И теперь для этого самое подходящее время.

Энн встала и подошла к окну. Сент-Луис, это другой мир. Шесть лет она не видела настоящего, большого города. И в конце концов, они уже полгода, как помолвлены.

— Как мы туда попадем? — спросила она, оборачиваясь к Баркову.

— Это секрет, — рассмеялся он. — Никому не говорите об этом, но я запланировал для вас удивительную поездку. Мы можем уехать и пожениться уже через несколько часов.

— Где?

— В форте. Капеллан обвенчает нас. Один из офицеров будет моим свидетелем. Есть там и несколько офицерских жен...

— Не знаю, Брюс, — заколебалась она. — Мне надо подумать.

Он улыбнулся и легко поцеловал ее.

— Тогда думай побыстрее, милая. Я хочу увести тебя от всех здешних беспорядков, — и чем скорее, тем лучше.

Выйдя на улицу, он остановился, удовлетворенно улыбаясь. "Я еще покажу Дэну Шюту!" — мрачно сказал он себе.

Прислонившись к косяку в дверях соседнего дома, Дэн Шют наблюдал за ним. Он заметил довольную улыбку на лице Баркова. Стоя на тротуаре, Шют смотрел вдоль улицы. Большие руки лежали на бедрах над тяжелыми револьверами, серая шляпа низко надвинута на лоб, на лице — светлая щетина неотросшей бороды. "Пожалуй" — решил он, — я все-таки убью Баркова! И притом — с удовольствием".

9

Утром следующего дня Джин Бейкер подметал магазинное крыльцо. На душе было неспокойно. До него уже успел дойти слух о разрыве между Барковым и Шютом.

В это время из-за угла выехала небольшая кавалькада. Возглавлял ее Дэн Шют, восседавший на мощном сером жеребце. За ним следовали Рыжий и Том Блейзеры, Джо Горман, Фриц Хэндл, Толстяк Маккеби и вся остальная прожженная шайка, вечно таскающаяся за Шютом. Возле магазина Дэн остановил лошадь.

— Джин, — отрывисто произнес он, положив большие руки на лук седла, — не продавай больше никаких припасов ни Карадеку, ни его людям. Я не прошу тебя, — жестко добавил он. — Я приказываю. Если не выполнишь — лишишься магазина и будешь изгнан из города. Ты знаешь — это не пустая угроза. Не исключено, правда, что к рассвету Карадека уже не будет в живых, но на всякий случай — я тебя предупредил.

Не давая Бейкеру возможности ответить, Шют тронул лошадь шпорами. За спиной Бейкера хлопнула дверь.

— Куда они поехали? — поинтересовалась Энн. — Что затевают?

Джин мрачно посмотрел вслед удаляющейся кавалькаде. Это было началом конца.

— Они поехали за Карадеком, Энн. За ним и его людьми.

— Что они с ним сделают?

От испуга ее даже замутило. Дэн Шют был единственным человеком, которого она всегда боялась. Даже его взгляд был ей физически неприятен. Шют оказался человеком бесчувственным, не считающимся с приличиями, не признающим ничего, кроме своих сиюминутных желаний.

— Убьют, — ответил Бейкер. — Шют жестокий человек.

— Неужели никто не может предостеречь Карадека? — возмутилась Энн.

Бейкер посмотрел на нее.

— Насколько нам известно, Карадек и сам жулик, если не убийца, Энн. Уж не чувствуешь ли ты к нему склонности?

— Нет, — потрясенно воскликнула она. — Конечно же, нет! Что за нелепая мысль! Я с ним едва знакома! — Но, наблюдая, как всадники понемногу исчезают в пыли на тропе, ведущей на юг, Энн Родни ощутила тяжесть на сердце. Если бы она была в силах хоть что-нибудь сделать!

Неожиданно Энн вспомнила о гнедой лошади, подаренной отцом. Опасаясь индейцев, она давно уже не ездил верхом, но если отправится по горной тропе...

Она поспешно оседлала гнедого. Энн не раздумывала, действуя чисто импульсивно, ею двигали воспоминания о зачесанных назад волосах Рейфа и его взгляде — в тот момент, когда их глаза встретились в зале суда. Она убеждала себя, что просто никого не хочет видеть убитым, что Бо Марш и Джонни Джилл — ее друзья, но в глубине души Энн понимала, что это лишь оправдание. На самом деле она думала о Рейфе и только о Рейфе.

Гнедой находился в хорошей форме после долгого пребывания в коррале. Он весь отдался скачке, осторожно поводя ушами при каждом постороннем звуке.

Листва на кустах и деревьях уже окрасилась золотом и багрянцем; в воздухе ощущалось скорое наступление заморозков. Скоро все здесь покроется толстым снежным одеялом.

Тропа, по которой отправились всадники Шюта, спускалась в долину, пересекала русло Безумной Женщины и поворачивала вдоль ручья, вверх по каньону. Поехав наперерез горной тропе, Энн могла надеяться их опередить.

Выехав на полянку, Энн увидела внизу долину. Да, ей удалось опередить Шюта, но ненадолго. Охваченная беспокойством, она тронула гнедого шпорами, и маленькая лошадь, равнувшись, перешла на галоп. Впереди виден скальный выступ. До него оставалось добрых шесть миль, но оттуда Энн уже сможет увидеть верхний каньон. Она слышала, что Карадек заготавливает сено именно там, намереваясь кормить зимой скот возле теплого источника. Ей вспомнилось, что когда-то отец собирался поступить точно так же.

Энн перебралась через ручей в том самом месте, где Карадек встретил молодую индейку, и стала подниматься по склону под сенью величественных, стройных сосен; они казались неотличимыми друг от друга — так, словно были отлиты в одной и той же форме. В стороне от тропы она заметила оленя, чуть позже в отдалении показалась небольшая группа лосей. Это была ее страна. Неудивительно, что отец так любил эти места, так мечтал жить и работать именно здесь.

Действительно ли отцу удалось выплатить по закладной? И почему Брюс не сказал ей, если это в самом деле так? Она не могла поверить в то, что Барков бесчестный обманщик. Ведь он мог предать свои права на ранчо, но не сделал этого; он был всегда терпелив и любезен с ней. И что подумает Барков об этой поездке, предпринятой, чтобы предостеречь человека, в котором он видит своего врага? Энн не могла оставаться безучастной, зная, что неподалеку совершаются убийства.

Энн, тем не менее, понимала, что люди, подобные Рейфу Карадеку, Триггеру Бойну или Тексу Бриско нужны. При всей своей силе, граничащей порой с бесшабашностью и даже безрассудством, при всем стремлении всегда поступать по-своему,

эти люди строили новый мир среди крайностей. Горы здесь высоки, прерии бескрайни. Потоки ревели, бизоны паслись десятками тысяч. В этой стране не было ни чего мелкого и ничто здесь не было просто. Все — судьбы людей и истории, которые эти люди рассказывали — было на пределе.

Повернув голову, Энн устремила взгляд на юго-запад, в верхний каньон. Ей показалось, что она различает крохотную фигурку всадника и черные точки стада. Пришпорив гнедого, Энн быстро направилась на запад. Если Карадек и его люди работали в верхнем каньоне, у нее еще оставался шанс предупредить их.

Часом позже на усталом маленьком гнедом она спустилась на дно каньона. Рейф Карадек загонял в лес небольшое стадо. Завидев Энн, он снял свою плоскую черную шляпу. Его темные выщипанные волосы прилипли к потному лбу, в серых глазах светилось любопытство.

— Доброе утро, — проговорил он. — Вот так сюрприз!

— Пожалуйста! — взорвалась она. — Это не светский визит! Сюда направляется Дэн Шют, а с ним два десятка ковбоев, если не больше. Они собираются стереть вас с лица земли!

— Вы уверены? — глаза Карадека посерьезнели.

Энн заметила, как во взгляде его промелькнуло удивление, но он тут же повернул лошадь и закричал:

— Джонни! Джонни Джилл! Сюда, бегом!

Вытащив из чехла винтовку, Рейф снова взглянул на Энн. Потом вдруг положил на ее руки свою, и она вздрогнула от этого прикосновения.

— Спасибо, Энн, — просто сказал он. — Вы молодец.

Затем он исчез, а Джонни Джилл последовал за ним, покачивая на прощание рукой.

Верхний каньон опустел.

Четверо — против двух десятков вооруженных людей... Останутся ли они в живых? Энн повернула гнедого и, не торопясь, поехала обратно по горной тропе.

Рейф Карадек не раздумывал о причинах, побудивших Энн предостеречь его — на это попросту не оставалось времени. Текс Бриско и Бо Марш — что с ними? Их могут застать врасплох и пристрелить — поодиночке.

Донеслись выстрелы: сперва винтовочный, а потом одиночный, который мог быть и револьверным. Кони вырвались в главный каньон и теперь бок о бок мчались по направлению к хижине. Их ждало печальное зрелище: столб дыма и десятка два всадников, окруживших два.

— К деревьям на склоне! — крикнул Карадек.

Он достиг опушки на полном скаку и оказался на земле прежде, чем вороной остановился. Подбежав к камням на краю рощи, Рейф залег — ствол винтовки выровнялся, дыхание успокоилось, и он выстрелил.

Один из нападавших закричал, взмахнул рукой. В этот момент спустил курок Джилл. Два или три тела уже лежали на вырубке перед хижинкой. Что с Тексом и Бо? Спокойно, не торопясь, они с Джиллом повели прицельный огонь. Нападающие засуетились, запаниковали и вскоре в беспорядке поскакали прочь. Вскочив в седла, Рейф с Джиллом осторожно поехали к хижине.

Впрочем, хижины не было — на ее месте бушевало пламя, а вокруг распростерлось пять человеческих тел. Рейф подбежал к ним. Ковбой Шюта, еще один... И тут он увидел Бо.

Бо лежал ничком, а на спине по рубашке расплзлось кровавое пятно. Текса же не было видно.

Рейф опустился на колени, положив руку на спину Бо напротив сердца. Оно билось!

С помощью Джонни он осторожно перевернул товарища. Затем с грубой, но действенной сноровкой, какая дается только войнами и стычками Рейф осмотрел раны.

— Четыре выстрела! — мрачно констатировал он, чувствуя, как внутри растет и поднимается прилив яростного, неуправляемого гнева.

Вокруг одной из ран на животе еще тлела рубашка!

— Я видел, видел кто это сделал! — рядом появился Текс Бриско, осунувшийся и почерневший от дыма. — Он подошел,

когда мальчишка уже лежал, приставил револьвер к животу и выстрелил! Он не хотел, чтобы парень умер сразу. Он хотел, чтобы Бо умирал медленно и трудно!

— Кто? — яростно спросил Джилл. — Я заполучу его сейчас! Прямо сейчас!

Бриско поднял на Джилла глаза — красные и воспаленные.

— Никто его не заполучит, кроме меня. Этот мальчик был нашим партнером, но я видел это! — Он резко повернулся к Рейфу. — Босс! Разреши мне отлучиться в город — я убью его.

— Так не пойдет, Текс, — спокойно ответил Карадек. — Я понимаю твои чувства, но сейчас город переполнен парнями Шюта. Они будут праздновать. Они сожгли хижину, угнали часть скота и заполучили Бо. Не годится соваться туда сейчас.

— Знаю, — Текс сплюнул. — Все знаю. Но зато они сейчас и не ждут нападения. Если ты меня не отпустишь, я сам уйду!

Рейф поднял взгляд от раненого.

— Хорошо, Текс. Я уже сказал, что понимаю тебя. Но на всякий случай — кто это сделал?

— Том Блейзер! Этот огромный рыжий. Он всегда ненавидел парня. Шют попал в него — и оставил лежать. Я был в лесу, искал подходящие деревья на жерди. Они подсакали так быстро, что у Бо не оставалось ни единого шанса. В него попали дважды, прежде чем он вообще понял, что происходит. И еще раз, когда он побежал к дому. А потом, когда хижина загорелась, к нему подошел Том Блейзер. Бо еще был в сознании. Том что-то сказал ему, затем приставил револьвер к животу и выстрелил. — Текс горестно посмотрел на Марша. — Мне понадобилось несколько минут, чтобы добежать сюда; но до вашего появления я успел уложить двоих.

Рейфу удалось, наконец, остановить кровь, когда Джилл принес одеяло, висевшее на веревке за домом.

Осторожно переложив ковбоя на одеяло, они отнесли его в спокойное место под соснами. Когда укладывали Марша, Карадек заметил, что Текс Бриско выезжает из каньона. Джонни Джилл тоже наблюдал за его отъездом.

— Босс, — проговорил он, — мне чертовски хотелось поехать, но я не Бриско. Я спокойный человек, а этот техасец — волк на охоте. Не поменялся бы я с Томом Блейзером местами!

Он посмотрел на Бо Марша. Лицо молодого ковбоя покраснело, дыхание стало хриплым.

— Будет он жить, Рейф? — тихо спросил Джонни.

Карадек пожал плечами.

— Не знаю, — честно признался он. — Ему нужен уход получше, чем могу обеспечить я.

Он обдумал положение.

— Останься с ним, Джонни. Постарайся соорудить какой-нибудь шалаш, на случай дождя или снега. И собери дров для костра.

— А вы? — спросил Джонни. — Вы куда?

— В форт. Там есть армейский врач. Поеду за ним.

— Думаете, он поедет в такую даль? — с сомнением спросил Джонни.

— Поедет, — пообещал Карадек.

Когда Рейф сел на вороного и отправился в путь, уже наступила сумерки. До форта далеко. Если даже он привезет доктора это может оказаться уже поздно. Но придется рискнуть — тем более, что в ближайшее время повторного нападения можно не опасаться.

Карадек ехал по направлению к форту, но думал о том, что Текс Бриско приближается сейчас к городу.

10

Когда Текс Бриско подъехал к городской окраине, Пайнтэд-Рок окутался бархатной темнотой. Он остановился за ручьем и оставил лошадь между деревьями. Ускользнуть отсюда будет все-таки легче, если он выберется из города.

Он прекрасно понимал, сколь непроста его задача. Пайнтэд-Рок переполнен людьми Баркова и Шюта, многие из ко-

торых знают его в лицо. С другой стороны, они опьянены победой и не ожидают ни его, ни кого-либо другого из обитателей ранчо на Безумной Женщине.

Привязав лошадь в роще, Текс по бревну перешел через ручей и тут вспомнил: что не отвязал шпоры. Наклонившись, он отстегнул их от сапог и повесил на корень, выступавший из земли. Это было нелишней предосторожностью: звон шпор мог в самый неподходящий момент выдать его присутствие.

Осторожно обходя освещенные окна, Бриско пробирался к центру. Один револьвер он носил, как всегда, в кобуре, другой, вынутый из седельной сумки, засунул за пояс.

Текс Бриско был человеком границы. Участвовал в сражениях с индейцами в резервациях и схватках с конокрадами на мексиканской границе. Самой выдающейся его чертой была верность — качество, свойственное многим лучшим людям того времени. Стремительный, действующий, казалось, по наитию, он производил впечатление человека жестокого и безрассудного; однако безрассудные люди не жили долго в этой опасной стране. В здешней жизни всегда было место для отваги — но отваги умной, предусмотрительной.

Тексу Бриско исполнилось двадцать пять, но уже с одиннадцати лет он выполнял мужскую работу: ходил наравне с мужчинами, ездил наравне с мужчинами, сражался вместе с ними и как один из них. Он не просил скидок, и ему их не делали. К двадцати пяти он превратился в закаленного ветерана. Он знал горы и равнины, скот, лошадей и огнестрельное оружие.

Зашанхаенный, не по своей вине оказавшийся на судне, он быстро понял, что море — не его стихия. Скрывая свое возмущение, он верил, что время придет. И оно пришло — когда на борту "Мэри С" появился Карадек, и вся потребность в дружбе, вся способность к преданности оказались для Текса связанным с этим рослым, немногословным человеком.

Теперь опасностью ему угрожал Пайнтэд-Рок. Люди здесь не питали ненависти к Тексу, но никто из них не заступится за него, не замолвит и единого слова. Однако не в правилах Бриско было искать чьей-либо помощи. Он поставил перед собой задачу и знал, что решит ее.

Из салуна "Националь" лилось жестяное бречание расстроенного пианино, с которым перемешивались смех, крики и звон стаканов. У коновязи полно лошадей.

Узким проходом между домами Текс выбрался на улицу, прокрался к лошадям и, пройдясь вдоль коновязи, превратил каждый скользящий узел в тугой.

Ночь стояла звездная и безлунная. Текс зажег сигарету, проверил револьвер в кобуре и задумался. "Националь" полон. Заходить туда — чистое самоубийство. Значит, придется ждать. А может, все-таки войти? На какой-то момент его появление вызовет общее смятение, а это уже шанс.

Подойдя к окну, он заглянул в салун. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы отыскать глазами Тома Блейзера. Тот стоял у стойки с Толстяком Маккэби. Скользя к другому краю окна, Текс смог разглядеть, что между ними и задней дверью никого нет.

Он отступил в тень. Прислоняясь к стене, докурив сигарету. Бросил окурки на землю и тщательно растер ногой. Затем низко надвинул на лоб шляпу и направился вокруг дома к задней двери. По пути ему пришлось обойти беспорядочную кучу деревянных чурок и внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить на пустую бутылку. Дверь открылась — если не беззвучно, то скрипа ее никто не расслышал. Текс с удовлетворением отметил, что открывается она наружу.

В сумятице, царившей внутри, появление еще одного ковбоя осталось незамеченным. Никто даже не взглянул в сторону Текса. Он подошел к стойке, под самым носом у Тома Блейзера взял только что протертый буфетчиком стакан и налил себе виски. Блейзер не обратил на это ни малейшего внимания — множество бутылок переходило из рук в руки. Он продолжал разговаривать с Толстяком Маккэби.

— Проклятый Марш! Наконец-то я заполучил его! Долго я этого ждал! Надо было видеть его взгляд, когда я приставил револьвер и нажал на спуск!

Текс сжал губы и снова наполнил стакан. Он обвел комнату глазами, не нашел Дена Шюта и это обеспокоило Бриско. Он предпочел бы знать, что делает ранчеро.

— Это их прикончит! — говорил Толстяк. — Когда Шют взялся за дело, я понял, что долго им не продержаться! Припасов не осталось, а через несколько дней пойдет снег. Если до них не доберемся ни мы, ни индейцы — до них доберется зима.

Текс Бриско мрачно улыбнулся. "Но не раньше, чем я вас заполучу, — подумал он, — Это будет прежде всего!"

Пианино гремело "О, Сюзанна!", и несколько ковбоев пытались подпевать. Джо Бенсон прислонился к стойке, разговаривая с Подом Гэмером. Барков, мрачно глядя в стакан, сидел за столиком в углу. Джо Горман и Фриц Хэндл наблюдали за игрой в покер.

Текс обернулся — между ним и задней дверью никого не было. Что ж, стоит ли еще чего-то ждать?

В этот момент Том Блейзер потянулся за бутылкой, стоявшей перед Тексом; Бриско отодвинул ее. Том вытаращил глаза.

— Эй! Ты что это делаешь? — воинственно спросил он.

— Я пришел за тобой, Блейзер, — сказал Текс. — Я пришел убить вонючку, который стрелял в беззащитного, лежащего на земле. А как насчет людей, твердо стоящих на ногах, Блейзер?

— А? — тупо спросил тот.

Затем смысл сказанного дошел до него, и Блейзер вытянул

шею, чтобы получше рассмотреть обидчика. Увидев ледяные серые глаза и холодное, словно смерть, лицо техасца, он отшатнулся. Маккэби, побледнев и еле волоча ноги, отступил в сторону. Никому из них и в голову не пришло, что Текс Бриско был один, настолько их потрясло его появление здесь.

Бриско повернулся и шагнул от стойки.

— Итак, Том, — спокойно произнес он голосом, громким ровным настолько, чтобы быть услышанным сквозь музыку — я пришел по твою душу.

Панический страх на мгновение приковал Блейзера к месту. Присутствие Бриско показалось ему едва ли не сверхъестественным. Салун, казалось, затих — хотя в действительности все гремело по-прежнему. Том ощутил себя человеком, попавшим в ловушку и вынужденным сражаться насмерть. Он мог выиграть или проиграть, но в любом случае все должно было решиться сейчас и здесь. Текс Бриско стоял, пристально глядя на Блейзера.

— У тебя был шанс, — мягко сказал он. — А теперь я тебя убью.

Слово "убью" вывело Тома из оцепенения. Он чуть присел, согнув ноги в коленях; губы его скривились в гримасе ярости и страха. Рука со скрюченными пальцами метнулась к револьверу. В бьющем через край веселье салуна выстрелы прозвучали, как раскаты грома. Головы разом повернулись. Залитые алкоголем глаза попытались сфокусироваться. Но разглядеть им удалось лишь обвисшего на столе Тома Блейзера; рубашка его потемнела от крови, а на лице застыло глуповато-напряженное выражение, как у человека, удивленного свыше всякой меры.

Лицом к залу стоял худощавый широкоплечий человек с двумя револьверами в руках. И пока присутствующие недоуменно разглядывали его, он прицелился в Маккэби.

При первых же звуках выстрелов мозг Маккэби инстинктивно сработал, хотя и с небольшим запозданием. Рука автоматически потянулась к револьверу. Движение было неосознанным — Толстяк никогда не сделал бы его, подумай он хоть секунду. Он хотел лишь оказаться подальше от всего происходящего. Но движения руки оказалось достаточно — даже больше, чем достаточно.

Текс Бриско выстрелил еще раз, и Толстяк свалился ничком. И тогда Текс открыл огонь по лампам — три выстрела погрузили зал в полную темноту. Бриско растаял в ней, распахнув дверь и исчезнув в тот самый момент, когда первые пули свистнули у него над головой.

Он пробежал футов пятьдесят, нырнул в тень амбара, перепрыгнул через низкую ограду и, пригибаясь, помчался через корраль. Достигнув дальнего угла неосвещенного дома, он остановился, тяжело дыша. Пока все шло хорошо.

Дальше места пойдут более открытые, но и от преследователей его отделяет достаточное расстояние. Он побежал к ручью. Сзади раздавались проклятия ковбоев, обнаруживших затянутые узлы на поводьях своих лошадей. У начала бревна Текс подобрал шпоры, задышав, пересек ручей и направился к тому месту, где оставил лошадь.

Увидел он ее неожиданно — и не только ее.

В смутном звездном свете Текс узнал Джо Гормана по шляпе. Тот всегда загибал поля таким образом, что надо лбом они сходились острым углом.

— Привет, Текс, — сказал Горман. На уровне пояса он держал револьвер, направленный на Бриско.

— Привет, Джо. Похоже, ты что-то унюхал?

— Ага, — кивнул Джо. — Так и есть. Я живу в одном из этих домов. Так вышло, что я заметил, как кто-то подъехал в темноте, и мне стало интересно. Когда ты направился к салуну, я обогнал тебя и вошел, а выскользнул как раз перед стрельбой и опять успел тебя обогнать.

— Жаль, что ты пропустил все веселье, — спокойно заметил Бриско.

Там, позади, преследователи, казалось, все еще не решили, в каком направлении его искать. Текс был весь напряжен, готовый не упустить малейшего шанса. В котором из револьверов

остались еще патроны? Он забыл, куда сунул заряженный револьвер — за пояс или в кобуру.

— Кого ты заполучил? — спросил Горман.

— Тома Блейзера. И Толстяка Маккэби тоже.

— Так я и думал, что Тома. Я отговаривал его стрелять в мальчишку. Это низменный поступок. А Толстяка за что?

— По-моему, он потянулся за револьвером.

— Ого! Немного же надо, чтобы убить человека, верно?

Глаза Бриско уже достаточно освоились в темноте, и он мог видеть, что Горман чуть улыбается.

— Как ты предпочитаешь, Текс? Получить свое сейчас? Или оставить тебя Шютю?

— Полагаю, тебе лучше убрать револьвер в кобуру и отправиться домой, Джо, — сказал Текс. — Ты самый порядочный парень из всей вашей банды.

— А может, я хочу тех денег, которые получу за тебя? Они пригодятся мне, Текс.

— Думаешь дожить до того, как получишь их?

— Намеряешь на Карадека? — С ним кончено, Бриско. Кончено. Мы заполучили Бо. Теперь тебя. Остаются только Карадек с Джонни Джиллом. С ними будет не так уж трудно.

— Неправда, Джо, — все так же спокойно возразил Текс.

— Рейф может управиться со всеми вами, что он и сделает. Но мне не нужна ничья помощь. Ты лезешь не в мои дела — и я убью тебя сам.

— Ты? — Горман весело усмехнулся. — Это будучи у меня на прицеле? Исключено. Любая из моих пуль достанет тебя, Текс.

— Ну-ну, — согласился Текс, — может, ты меня и достанешь. Но ведь и я тебя тоже.

— Хочешь сказать, что сможешь убить меня прежде, чем я выстрелю? — недоверчиво поинтересовался Джо Горман и уверенно повторил: — Исключено!

Тем временем звуки погони приблизились. Воспользовавшись фонарями, преследователи напали на след Текса.

— К ручью, чтоб мне елотом стать! — прокричал кто-то. — Давай!

Вот он, шанс! Джо Горман раскрыл было рот, потом, заметив перед собой стремительное движение какой-то тени, выстрелил. Текс почувствовал удар. Колени у него подогнулись, но он успел выхватить револьвер и дважды нажать на спуск. Джо начал клониться к земле, и Бриско в третий раз нажал на курок, но боек ударил в пустое место.

Текс освободил повод и кое-как взгромоздился в седло. Кровь текла обильно. Мысли путались, но все же Бриско разглядел, как шевельнулся на земле Горман, и расслышал его слова:

— Достал ты меня, будь ты проклят! Достал!

— До свиданья, Джо, — хрипло прошептал Текс.

Первые двадцать футов он проехал шагом, потом перевел лошадь на рысь. Кровь толчками стучала в ушах, в голове раздавалось странное пение. Текс направил лошадь вверх по лесистому склону, чувствуя, как от ног разливается по телу онемение. Он сражался с наступавшей на него темнотой, словно загнанный волк.

"Мне нельзя умирать! Нельзя! — думал он. — Рейфу нужна моя помощь! Я не имею права умереть!"

Свет перед глазами вспыхнул в последний раз и погас. Лошадь несла Текса вперед, а чьи-то мягкие, липкие руки увлекли его вниз, вниз, вниз... Темнота окончательно сомкнулась вокруг, но он, казалось, все еще ощущал под собой медленный лошадиный шаг...

(Окончание следует)

Алексей РЕШЕТОВ

ТЫ ПЕСНЯ МОЯ, ТЫ МОЛИТВА МОЯ...

* * *

Я писал кровавыми слезами,
Я не тратил на стихи чернил.
Но во всех редакциях сказали,
Дескать, мол, я пасквиль сочинил.
Шла зима, никак не наступали
Вешние спасительные дни.
А стихи куда-то запропали.
Бог их знает, где теперь они.

* * *

Что ты плачешь, птица Сирин,
Точишь слезы в три ручья?
— О тебе и о России
Дни и ночи плачу я.
О двадцатом нашем веке —
Високосном, полном гроз.
Может быть, Москва поверит,
Наконец, хоть капле слез.

* * *

Умом Россию не понять.
Ф.Тютчев

Скажите, правители наши,
Пройдет ли в России разлад?
Одни из нас сеют и пашут,
Другие на нарах сидят.
А третьи под дудочку пляшут
И пишут о чем им велят.

* * *

Ни черных "марусь" у подъездов,
Ни ихних дружков "воронков".
Не ищут "убойного места"
На зеках винтовки стрелков.
Исчезли дозорные вышки,
Забор, окружавший страну.
И даже лихие мальчишки
Друг друга не держат в плену.
Живите себе беспечно,
Взирайте, как жизнь хороша.
Но, как соловейская чайка,
По-прежнему стонет душа.

ПИСЬМО ИЗ ГЛУХОЙ ДЕРЕВУШКИ

Во первых строках моего письма
Скажу, что я жив и здоров.
У нас уже стужа стоит у крыльца,
Но мы заготовили дров.
Недавно мне выдали пенсию. Я,
Конечно, ее заслужил.
Сама понимаешь, собрались друзья,
Но я кое-что отложил.
На разные книжки.

Учение — свет! —

Ты так говорила сама.
У нас до сих пор электричества нет,
Повсюду кромешная тьма.
Но я никакой темноты не боюсь!
Мне кажется, будто вчера
Ты "Повести Белкина" мне наизусть
Читала всю ночь до утра...
Прощай, дорогая! Не думай, что я
Все это писал во хмелю.
Ты песня моя, ты молитва моя.
Я помню тебя и люблю.

* * *

Тропки тоненькая нитка.
Старец с высохшим лицом.
Почерневшая калитка
С нержавеющей кольцом.
Снега белого холстина.
Свечка около окна...
Никакая Палестина
Мне в России не нужна!

СЛАБАК

Я в птиц не стрелял из рогаток,
И кошек любил, и собак.
За это другие ребята
Меня называли "слабак".
Я прыгал с того же сарая,
Курил тот же самый табак.
Но, дружно меня презирая,
Они повторяли: "Слабак"!

Лишь девочка в штапельной форме,
С нектаром на теплых губах,
Ни разу — уж это я помню! —
Не молвила слова "слабак".
И стало мне вдруг безразлично,
Что сильные мира сего
Меня оскорбляют публично,
Не приняли за своего.

* * *

Что человек? Ни зверь, ни птица
Не позавидуют ему.
Ведь это значит согласиться
И на суму, и на тюрьму.
Что человек? Одни нарывы
На брэнном теле с малых лет.
Зато душа, ее порывы,
Ее величественный свет!

* * *

Ночь чернее копирки
Или черного дня.
Не светлее копилки
И душа у меня.
Завтра солнышко встанет,
Как вставало вчера.
Только вдруг не дотянет
Фитилек до утра.

* * *

Как я в детстве любил
Небеса и безумца Икара!
Как я вольно парил,
Прикорнув на диванчике старом!
Но все сроки прошли,
И лежу я в могильной оградке.
Притяженье земли
Повалило меня на лопатки.

Владимир БОРИСОВ

Бейвель — городской голова

Эту встречу никогда бы не выдумало мое воображение. Мне дали адрес челябинского старожила, но пришел я некстати. Зоя Евсеевна готовила ужин, и чтобы не мешал, проводила меня к супругу со словами: "Он знает то же, что и я". Супруг представился: "Герман Александрович Бейвель". Я осторожно спросил: "Случайно не сын городского головы?" И, не веря себе, услышал: "Он самый".

Семейное предание Бейвелей гласит, что прадед по политическим мотивам покинул Англию и, переплыв Ла-Манш, обосновался во Франции. Его потомок Кловис Франц Амабль Бейвель, воспитанник Версальской коллегии, приехал в Россию и после испытания в Киевском университете был определен младшим учителем французского языка в Житомирскую гимназию. Эту пору в жизни Франца Францевича Бейвеля (так стали звать его в России) зафиксировал В. Г. Короленко в "Истории моего современника".

Кроме Волынской губернии, Бейвелю пришлось поработать в Одесском учебном округе, а в феврале 1872 года Франц Францевич оказался в Уральской войсковой гимназии, откуда перемещен в Оренбургскую — тоже в качестве преподавателя французского языка. За усердную службу на ниве просвещения был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени и произведен в статские советники со старшинством.

Его сын Александр, окончив Оренбургскую гимназию, стал студентом Казанского университета. В мае 1889 года его утвердили в степени лекаря, он дал факультетское обещание (клятву Гиппократова) и выехал в Оренбургскую губернию, где обязан был отработать шесть лет, так как обучался за счет казны.

В Оренбурге его назначили врачом в с. Воскресенское. Здесь Александр Францевич принял российское подданство.

В начале девяностых годов в челябинском уезде свирепствовал тиф. Городу грозила эпидемия. Власти звали о помощи к столицам, но оттуда никто не приезжал. Тогда обратили внимание на сельского лекаря, пользовавшегося признанием населения, и утвердили временно исполняющим должность городского врача.

Начал с визита к городскому голове. А тот с утра навеселе. "Водку, — спрашивает, — пьешь?" Александр Францевич смутился и

ответил: "Не очень". Тогда начальство изрекло: "А зачем тогда приехал?"

Кроме тифа, у казачьего населения врач обнаружил повальное распространение трахомы. Он энергично принялся за лечение. Кроме того, на основании собранного материала подготовил диссертацию на степень доктора медицины. "Болезнь глаз и слепота у казачьего населения Челябинской станицы Оренбургского казачьего войска по данным поголового осмотра". Защитил он ее в Императорской Военно-Медицинской Академии.

Но в 1898 году Александру Францевичу пришлось оставить должность городского врача, ибо его избирают гласным городской Думы, а позднее — городским головой.

Здесь проявились колоссальные энергия и разносторонность природы А. Ф. Бейвеля. Он состоит товарищем председателя комитета попечительства о народной трезвости, председательствует в комитете по оказанию помощи воинам, пострадавшим на русско-японской войне, участвует в работе биржевого комитета. Хозяин в городе он был, несомненно, милостью божьей. Вот как о переменах в городе пишет газета "Голос Приуралья": "Замощен весь центр города. Введено электрическое освещение, устранена болотистость Хлебной площади ее замощением, убраны почти все неплановые постройки, установлена городская телефонная сеть, организовано общество взаимного страхования, отстроено

здание реального училища, помещение женской гимназии, построено здание ремесленного училища, здание четвертого приходского училища для Заручейной части, открыто пятое приходское училище на Южной площади, выстроены городские корпуса для лавок, городские постройки на толкучем рынке, новый приют, две пожарные части".

К этому следует добавить, что именем А. Ф. Бейвеля в реальном училище названа стипендия, которую расходовали на содержание неимущих учеников. Городские доходы при Бейвеле возросли почти в два раза.

В 1909 году Александр Францевич подает прошение об отставке с поста городского головы, но его не отпускают. Это был единственный случай в истории города Челябинска. Не обходилось конечно и без недругов. Когда через Челябинск проезжал председатель совета министров Российской империи П. А. Столыпин, прямо на перроне ему подали жалобу на действия городского головы. Однако ревизия не обнаружила в действиях городского головы ничего предосудительного зато, в жалобе оказались поддельные подписи.

Однако после очередных выборов Александр Францевич отказался от должности городского головы и вернулся к врачебной деятельности. Старожилы до сих пор помнят его как отменного врача.

Мария Васильевна Фехнер: "Он был знаменит своими "бейвельскими дозами", лечил на какой-то точке риска". Ольга Михайловна Уразова: "Моя мама работала медсестрой у доктора Бейвеля, она говорила, что это был очень высокообразованный и эрудированный врач". Лидия Александровна Самохвалова: "Доктор Бейвель спас папу от туберкулеза, у него была уже кровь. А нас троих (дочерей) от скарлатины. Наши родители просто на Бейвеля молились".

В дореволюционные годы судьба свела Александра Францевича с Николаем Кирилловичем Минко — помощником заведующего переселенческим пунктом. Они подружились.

И когда в эту семью в тяжелый 1918 год постучала беда, Александр Францевич взял ее под свое покровительство. Игорь Николаевич Минко (сын), кстати, лауреат Ленинской премии, на всю жизнь сохранил привязанность к семье Бейвелей.

В дни интервенции Александр Францевич не пытался уйти с армией Колчака в Сибирь, хотя ему предлагали вагон на выезд во Францию. На семейном совете решили: здесь наша родина, и мы никуда не поедим.

Неутомимая деятельность на поприще врачевания сделала Бейвеля необычайно популярным. Когда в пролетарском Челябинске ему запретили частную практику (сын потомственного дворянина), об этом узнали в Копейске и приехали за ним и его семьей: шахтеры очень нуждались в глазном враче. Бейвело выделили трехкомнатную квартиру (ныне ул. Ленина, 15). Один из сыновей — Савва — возводил центр города, Дворец культуры, старший — Георгий — работал в городской больнице.

Наступил 1937 год.

Александра Яковлевна Затева, жена репрессированного управляющего трестом "Челябшхострой", рассказывает: "Это был Человек с большой буквы. Сколько людей спас от смерти, нет счета. Последний раз мне пришлось обратиться к нему в январе 1938 года. Когда арестовали мужа и повели его из квартиры, сын бросился к нему и был отброшен, пошла горлом кровь. Я пыталась остановить кровотечение, но мне не удалось это сделать, и я решила позвонить доктору Бейвело. Александр Францевич очень быстро пришел с лекарствами, и через полчаса кровь была остановлена. Поблагодарив его, я сказала, что боялась ему позвонить, чтобы не навлечь неприятностей из-за ареста мужа. Он с возмущением сказал: "Я считал вас более умной женщиной, чем вы оказались в данной ситуации, ведь вы могли потерять Бориса (сына), не думал, что вы меня так плохо знаете". Сделал укол, и, уходя, сказал: "Звоните, если будет нужна помощь". Софья Михай-

ловна Шевелева-Фетисова приехала в Копейск искать правду, был арестован муж. Она шла по улице, а знакомые отворачивались. Была зима, уже вечер, и нужно было куда-то зайти, хотя бы согреться. Вспомнила о соседях. Дверь открыла Анна Васильевна (жена доктора) и пригласила в квартиру. Ее накормили, напоили горячим чаем. А на следующий день Анна Васильевна приготовила мороженой, слаще которого ничего не ела в дальнейшей жизни. Софья Михайловна прожила у них неделю и до сих пор хранит благодарность в своем сердце.

О семье Бейвелей говорили, что они ничего не боятся.

7 февраля 1939 года Александра Францевича не стало. Говорят, что он ушел из жизни добровольно. В одной из версий говорится о серьезном заболевании...

Хоронил его весь город. Много было челябинцев. Гроб до самой могилы несли на руках. Несколько раз я пытался найти могилу А. Ф. Бейвеля, но безрезультатно. Осталась память о нем в человеческих сердцах и две фотографии в Копейском краеведческом музее. Часто хожу по улице Коммуны и всегда останавливаюсь на несколько минут у первой школы. Здесь когда-то стоял деревянный дом с красными ставнями, мезонином и террасой. У Александра Францевича был большой кабинет с огромным окном в сад. В левом углу, — почему-то, на мольберте — стояла картина "Христос, исцеляющий больных".

Возле дома рос большой сад (бывший земский врач любил заниматься садоводством), окруженный красным деревянным забором, вдоль которого росла сирень.

Сегодня этого ничего нет, на месте дома — спортивный зал школы. Каким-то чудом остались расти четыре тополя. Щедро и высоко они взметнулись в небо. Их посадил бывший городской голова, доктор медицины — Александр Францевич Бейвель.

На снимке: А. Ф. Бейвель с семьей. 1908 год.

ТЕМ, КТО ВЫРОС ПОД "БЕЛЫЕ РОЗЫ"...

"Ласкового мая" больше нет.

Последние упоминания о группе (например, спор из-за горбачевского дома в селе Привольном между М. Горбачевым, бывшим президентом, и А. Разиным, бывшим кумиром) только удручают.

Но это не значит, что "ЛМ" канул в небытие. Нет, он остался! Остался в сердцах девчонок-фанаток...

Многие из них уже замужем. У многих — дети. Но "Ласковый май" всегда с ними, ведь любить и быть верными девочки учились под его песни.

Обращаемся к тем, для кого "ЛМ" — это собственная юность! Хотите оставить память о своей юности, о своем увлечении? Заказывайте книгу "ЛАСКОВЫЙ МАЙ" В ТЕРНОВОМ ВЕНЦЕ".

В этот сборник вошли: документальная повесть основателя "ЛМ" Сергея Кузнецова, очерки Юрия Шинкаренко, в свое время вызвавшие большой интерес фанатов группы. Кроме того: достаточно полный перечень публикаций о группе (с короткими цитатами), интервью с бывшим солистом Костей Пахомовым. И конечно — письма поклонников (кто-то обнаружит здесь и собственные размышления)...

ВНИМАНИЕ! Ориентировочная стоимость одного экземпляра книги (без учета платы за пересылку) — 300 рублей.

Но деньги пока не нужно высылать! Только заявку (свой полный адрес, количество необходимых экземпляров).

Если количество заявок превысит 5 тысяч (таково условие нашего издателя) — книга будет сразу же растажигована и НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ выслана вам домой.

Своим детям можно бесконечно рассказывать о былом увлечении "Ласковым маем"... Но лучше протянуть книгу и сказать: "Знакомься сам... Это — моя юность!"

Я ПРОСТО ЖИВУ...

Время сейчас такое: все торопятся сказать о себе, заявить о своих трудностях, поделиться с другими людьми своими бедами — проблем ведь уйма. Может, берет порой досада, оттого, что газетные полосы буквально кричат, зывают о милосердии по отношению к людям, которые сами изломали свою жизнь, сами создали себе неразрешимые проблемы. Среди многоголосья гласности все же остается одна тема, которой мы продолжаем стесняться. Эта тема — о инвалидах детства, которые, несмотря ни на что, превозмогли самих себя и нашли достойное место в жизни.

Меня зовут Николай. Мне 39 лет. Живу и работаю в зауральском селе, преподаю в средней школе историю и географию. Наверно, меня можно в известном смысле назвать счастливым человеком. Профессию свою выбрал сам, многого в ней добился. Вот уже шестнадцать лет учу детей, создал творческую мастерскую передового опыта, организовал в своей сельской школе два класса углубленного изучения истории, сделал вместе с ребятами неплохой специальный кабинет. Преподаю во всех классах, с пятого по одиннадцатый, каждый день получается по пять-шесть уроков. Много времени отнимают депутатские дела; приходится помногу трудиться и в личном подсобном хозяйстве: живешь на селе — продовольствие производи сам.

Казалось бы, все нормально, все, как положено. Но иногда, когда я остаюсь один, "под настроение" оглядываюсь назад. И не верится: моя ли это жизнь за плечами, я ли прошел все эти испытания? Когда меня спрашивают: где я взял силы все пережить, не сломаться — я, ей-богу, не знаю, что ответить. Я жил, потому что любил жить.

Когда я тяжело заболел, мне было всего десять месяцев — крошка... Я из тех времен, когда множество детей болели тяжелой формой полиомиелита. Это полная неподвижность, растянутая на долгие годы, это перечеркнутая судьба, изолированность от жизни. Я пролежал парализованным долгие десять лет. В маленькой деревне моими друзьями были кошки, собаки, книжки, которые покупала мне на свою скромную зарплату мама, да деревенские мальчишки, иногда появлявшиеся возле моей кровати. Да еще сельские учительницы, приходившие в грязь и стужу учить меня на дому. Приходили они, не требуя никакой платы, обремененные семьями и хозяйствами.

Спасибо вам, незабвенные Александр Федоровна и Лидия Константиновна!

...Помню затерянный в лесах санаторий, где я провел полтора года. Никогда мне не забыть тот зимний вечер, когда не имевшая никакого медицинского образования санитарка тетя Маша нашла меня, угрюмо забившегося в темный угол палаты. Все усилила врачей оказались тщетными, на меня махнули рукой. Тетя Маша вытащила меня в коридор, поставила на костыли и долго водила, переставляя мои ноги руками. И вот наступил момент, когда я смог пройти длинный коридор самостоятельно. В моей жизни наступил перелом. Ходить, пусть даже так, было здорово!.. Можно было посещать школу, играть с ребятами, купаться в речке. Из санатория я вернулся "ходячим", а не лежачим.

Впереди маячила надежда, что в будущем удастся отбросить костыли. Увы, я вскоре понял, что чудес не бывает. Чтобы понять это, пришлось пройти через ад бесчисленных мучительных операций, лишь потом стало ясно: костыли — это навечно.

Я сдал экстерном экзамены за курс средней школы и занялся поисками жизненного пути. Немного поучился на литературном факультете, попробовал свои силы в газетах. Так что я не сразу пришел к мысли о профессии учителя. В институт меня приняли: педагогов, особенно на селе, всегда не хватало. Сразу окупился с головой в стихию сельской школы, стал на свой риск и страх преподавать историю. Это было трудное время, когда осуществлялся переход к всеобщему среднему образованию, последствия которого и довели до ручки советскую школу. Это сейчас в школах с молодыми учителями носятся, как с писаной торбой, а тогда... Директор в первый же день привел меня в чулан, показал на стопку старых грязных матрацев: "Полезай и ночуй!" Учить никто не учил. Завуч показала, как нужно составлять планы — на этом наставничество кончилось. А коллега-историк, педагог с большим опытом, вместо поддержки заявил: "Зачем ты со своими костылями полез в школу? Ребята тебя за человека считать не будут". Получилось все наоборот. И ребята слушались, и дело шло. Правда, через два месяца я угодил под партийную проверку, и две важные дамы-инспектрисы опозорили меня на весь район. Но я не сдался. Я поступил на заочное отде-

ление истфака и стал разрабатывать собственную методику.

Я никому ничего не доказываю. Я не совершаю никаких подвигов. Я просто живу и делаю свое дело. Мне нравится здоровая усталость после трудового дня, нравятся даже проблемы, которые приходится решать, нравится работа, которая заставляет постоянно находиться в интеллектуальной форме. Я люблю и умственный, и физический труд. Вот прочитал в "Собеседнике" интервью с "учителем года" А. Суторминым. Вообще мне очень импонирует этот человек, тем более что он не попал под указующий перст, а победил в честной борьбе. Но одно место в интервью вызвало улыбку. Он сетует, что ему дали дом с участком, заросшим бурьяном. Не знаю, стоило ли об этом говорить на всю страну. У меня, к примеру, никакого бурьяна на участке нет: все возделано и отремонтировано, как положено, и все своими руками. А как иначе — люди осудят: учитель живет!

Отразилась ли перестройка на нас, трудящихся инвалидов? Стали выплачивать пенсию, освободили от налогов — конечно, хорошо. Но главное не сделано: нет улучшения с жильем, снабжением, не определен социально-правовой статус. Не ощущается и забота о нас общества инвалидов, которое по слухам существует. Никто нигде почему-то не бьет тревогу по поводу обеспечения инвалидов детства, прежде всего работающих, транспортом: ведь дай человеку машину — насколько бы выросла его общественная отдача. Обещанная инвалидам "Ока" пока не видна. Да и о ценах надо кому-то подумать: даже работающему инвалиду практически невозможно сейчас купить автомобиль, а если человек живет только не пенсию?!

Надо о таких, как мы, писать, снимать фильмы, рассказывать о нашей нелегкой судьбе. Алан Маршалл раскрыл эту тему в своих романах и обессмертил себя. Где же наши Маршаллы? Где всенародная поддержка? С тревогой читаешь на страницах газет письма отчаявшихся, уставших от жизни юношей и девушек. Так и хочется крикнуть: "Ребята, откройте глаза! В жизни может быть во сто крат хуже и тяжелее, но надо жить. В любой ситуации человек может сделать так, чтобы жизнь улыбалась..."

Николай ОЖИГАНОВ,
учитель Чинаевской средней школы

"На борту имеется корова..."

В середине прошлого века конкурирующие между собой английские трансатлантические компании делали все, чтобы повысить комфортабельность судов, улучшить условия многодневного плавания через океан. В 1855 году появилось объявление, что на судах линии "Блэк Бол" путешественникам предоставляются "шахматы, шашки и прочие развлечения". Играют большие оркестры. Имеется *корова*. Ванны для пассажиров всех классов".

Другая линия – "Уайт Отар", рекламируя свой новый клипер, нанесла ответный удар: "В распоряжении каютных пассажиров имеются корова, пианино, библиотека и *певчие птицы*".

Не только в старые добрые времена, но и ныне потенциальный пассажир судна небезразличен к тому, чем его собираются потчевать. В рекламных проспектах печатаются и поэтические сведения о содержимом продовольственных кладовых выходящего в море судна.

Вот, например, чем соблазняли хозяйева трансатлантика "Франс" перед выходом его из Гавра в круиз через Атлантику своих пассажиров. На борту судна было припасено 4 тонны свежего мяса, 29 тонн колбас, дичи и копченостей, 4,5 тонны рыбы, 15 тонн свежих ягод, 5 тонн свежих овощей, 35 000 яиц, 6000 литров молока, 200 кг чая, 500 кг шоколада, 150 кг кофе и т. д. и т. п. Но поистине неисчерпаемым был запас в винных погребах – 60 000 бутылок с заманчивым перечислением марок.

Пока корабельные коки ублажали путешествующих по морьям-океанам, один из них чуть сам не стал обедом для крупной рыбы. Яхта "Изольда", принадлежащая Дону Крисби из Нью-Орлеана, совершала в июле 1991 года прогулочный рейс у берегов Нидерландов. Когда яхта была примерно в двухстах милях западнее Флиссигена, с борта заметили молот-рыбу. Она пристроилась за кормой, ожидая остатков

из камбуза. Помощник кока Якоб Лейдерс вынес целое ведро остатков, намереваясь бросить их в море. Тут кто-то из пассажиров заметил, что рыба мигает (действительно, глаза молот-рыбы имеют веки). Заглядевшись на нее, Лейдерс при крене судна упал за борт. Молот-рыба устремилась к нему. Опасность была серьезная: рыба-молот – хищница. Выстрелами из пистолета рыбу удерживали на приличном расстоянии, пока шлюпка не подобрала злополучного кока.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Бабушка-яхтсмен

В австралийский порт Дарвин прибыла небольшая яхта, благополучно совершившая переход из Англии через бурную Атлантику. Экипаж ее состоял из членов семьи Коле, а капитаном была 92-летняя бабушка Эмилия. Собравшимся на борту репортерам неутомимая старушка заявила, что не понимает, почему люди так удивляются ее путешествию через океан. Эмилия Коле сказала, что очень любит, когда, "взбунтовавшееся море швыряет ее яхту, как футбольный мяч".

Я. ДАВЫДОВ

Усердие не по разуму

Один американский миллионер возымел желание стать владельцем яхты. Денег он не пожалел – наоборот, потребовал, чтобы при постройке были использованы самые лучшие и дорогие материалы.

Обшивку решил изготовить из монель-металла – очень устойчивого к коррозии сплава из никеля и меди. Корпус судна был сделан из высокопрочной стали. Миллионеру казалось, что яхте суждена долгая жизнь. Увы. Монель-металл вместе со сталью образуют превосходную гальваническую пару. При этом обшивка служила катодом и вызывала быстрое разрушение корпуса яхты.

Постройка судна обошлась почти в полмиллиона долларов. Но несмотря на

обязывающее и поэтическое название "Зов моря" яхте не было суждено бороздить морские просторы. Корпус ее пришел в негодность еще до того, как она была достроена. На воду ее успели спустить, но пока шли отделочные работы, киль и ахтер-штевень полностью растворились. Не сделав ни одного рейса, яхта пошла на слом.

А все из-за того, что судостроители проявили усердие не по разуму. Вместо дорогостоящего монель-металла для обшивки надо было использовать оцинкованное или просто окрашенное железо.

Д. ЯКОВЛЕВ

"Застраховано!.."

В конце XVIII века по указу Екатерины II в Петербурге была учреждена страховая экспедиция, которая страховала от огня дома и разные строения. На каждый дом после обмера и составления плана вывешивался специальный знак – страховая доска. Сейчас только долгожители помнят эти небольшие металлические таблички, укреплявшиеся на фасадах домов. При пожаре сгорали дома, обстановка, документы, а досочка оставалась. Помимо всего страховые таблички служили хорошей рекламой для страховых обществ. Монополия на них государства, объявленная Екатериной II, была снята уже в начале XIX века – все дело было отдано в руки частных страховых обществ. Первое страховое общество в России возникло в 1827 году. Спустя восемь лет возникло второе общество. По форме они были акционерными и взаимными: первые выпускали акции и продавали их на фондовой бирже, создавая финансовый капитал, вторые действовали только в крупных городах и представляли собой союзы домовладельцев.

В Севастополе живет и работает архитектор В. И. Иванов, который коллекционирует страховые доски. Время не пощадило эти предметы материальной культуры – их приходится реставрировать, придавать им первоначальный вид.

В. ПАНТЕЛЕЕВ

Александр СЕМЕНИН

Конфетное дерево

Ребенок, узнав о том, что где-то растет конфетное дерево, захочет увидеть "зреющие" на ветках леденцы или карамель. Мы же, всезнающие взрослые, лишь улыбнемся детской наивности. И все-таки оно существует.

Чтобы увидеть конфетное дерево во всей красе, отправимся на его родину — в Центральный Китай, Южную Корею, Японию; найдем его и в горах индийских Гималаев. Далековато? Что ж, можно совершить и более короткое путешествие: с прошлого века на Черноморском побережье Кавказа конфетное дерево (иначе — говению сладкую) выращивают как ценную... декоративную парковую культуру.

Естественно предположить, что "конфеты" — это очень сладкие, своеобразные по вкусу плоды дерева. Однако, суховатые плоды, содержащие крупные черные семена, совершенно несъедобны. Зато плодоножки к моменту созревания плодов сильно разрастаются, становятся сочными, мягкими и хорошо заметны издали благодаря ярко-оранжевой окраске. По вкусу плодоножки напоминают изюм или какой-то сорт конфет, а по запаху — ром. В прессованном виде они стали любимыми лакомствами детей в ряде районов Японии и Китая. Добавляют их также в тесто при выпечке тортов и печений. В урожайные годы с одного дерева собирают (в природных условиях) свыше 30 кг "конфет". В странах Юго-Восточной Азии их используют не только для приготовления сладостей, но и в народной медицине, считая, что сладкие плодоножки — действенное средство при лечении астмы и атеросклероза; применяют "конфеты" и для выгонки спирта.

Дерево это с полным правом можно назвать и "музыкальным": его крепкая красноватая древесина обладает отличными резонирующими свойствами, поэтому изготовленные из нее инструменты очень красивы и хорошо звучат.

Конфетное дерево относится к семейству крушиновых, широко

известному по крушине и жостеру — кустарникам, которые разводятся и на Урале как ценные декоративные лекарственные культуры.

Как же ухаживать за экзотом и есть ли надежда собрать урожай "конфет" в комнатных условиях?

Размножают конфетное дерево семенами и стеблевыми черенками. Предпочтение отдают обычно первому способу воспроизводства, поскольку укоренение отрезков побегов происходит очень медленно и большая их часть погибает.

Семена высевают в начале марта в плоские или пикировочные ящики, заполненные смесью дерновой, перегнойной земли и песка, взятых в равных объемах. При глубине заделки 0,5 см, температуре воздуха + 20–22°C и постоянном умеренно-влажном содержании почвы они прорастают через 10–14 дней. Сеянцы довольно быстро растут, и если не производить обрезку их главных стволиков, к концу первого года жизни достигают высоты 50–70 см. Быстрый рост продолжается и в последующие 2–3 года. Однако, в комнатах целесообразнее формировать его в виде кустарника или карликового деревца. Когда сеянцы достигнут высоты 15–20 см, их верхушки прищипывают. Тогда из пазух листьев на образовавшемся "пеньке" прорастают почки, формирующие боковые побеги первого порядка. Желательно, чтобы из "пенька" развивалось не более 2–3 ветвей, которые со временем становятся основным "скелетом" в кроне деревца. Как только боковые побеги достигнут длины 15–20 см, их также прищипывают. Весной следующего года пробуждаются почки и образуются боковые побеги второго порядка. При достижении ими аналогичной длины, их прищипывают. Подобной обрезкой к концу третьего года у конфетного дерева формируют невысокую, хорошо разветвленную крону, состоящую из главных скелетных ветвей и боковых побегов 3–4 порядков. В природных условиях говения поднимается на 15–20 см, однако правильной систематической обрезкой можно значительно "укротить" ее "буйный

нрав" и многие годы выращивать на окнах.

Помните, что говения — это листопадное дерево. Поэтому, когда в конце октября она начнет терять листву, не принимайте против этого "меры" — не пытайтесь стимулировать ее рост удобрениями, не ищите причину пожелтения и спада листьев от неведомой "болезни", поразившей ваше питомца. Листопадность — это естественное биологическое свойство конфетного дерева. С ноября по середину января облетевшие деревца поливают очень умеренно и не чаще 2-х раз в неделю, содержат в помещениях с температурой воздуха не выше + 15°C. В конце января набухают почки и трогаются в рост побеги. Как видим, период зимнего покоя у конфетного дерева продолжается всего около 2,5 месяцев.

Обязательно позаботьтесь о высокой влажности воздуха. Используйте любые способы, которые для вас приемлемы: опрыскивайте из пульверизатора крону деревца теплой водой, расположите вокруг горшков заполненные водой широкие, но неглубокие тарелки, отделите полиэтиленовой пленкой место на подоконнике, где находится говения — все вместе эти нехитрые меры помогут вам в какой-то степени воссоздать влажный субтропический климат.

На своей родине конфетное дерево произрастает на песчаных и каменистых склонах гор, т. е. в местах, где нет застоя воды. Поэтому обязательно создайте растениям хороший дренаж: не менее чем на 1/4 высоты горшка положите в него камешки карамзита, гравия, черепки разбитых горшков. Не сажайте говению в слишком тяжелую дерновую землю, не подкармливайте концентрированными органическими удобрениями, не вносите в почвенную смесь, составляемую для нее, неразложившийся коровяк и свежий навоз. Деревце слишком болезненно реагирует на любой избыток в поливе или питании.

При правильной агротехнике и благоприятных условиях содержания в комнатах говения цветет и плодоносит на 4–5-й год жизни.

ВНИМАНИЕ!

Читатели "Уральского следопыта", не успевшие подписаться на первое полугодие 1994 г. в своих отделениях связи, смогут получать журнал прямо в редакции (620219, Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67) либо по почте. Жители Екатеринбурга могут оформить подписку у нашего представителя (тел. 22-10-74), а иногородние — путем перечисления 2500 руб. в адрес редакции. Стоимость пересылки оплачивает подписчик после получения журнала.

Наш расчетный счет:

700161403/467673 Екатеринбургский филиал "Финист-банк" ЦРКЦ МФО 253006 код 871077.

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
UR AL S S A L K K E R

ИНДЕКС 73413. ISSN 0134-241X.
УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ. №10. 1993. с. 1-80.